312
Т 60

Б. В. ТИХОНОВ

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

7 2 19. 60.7
76
Дополнит.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Б. В. ТИХОНОВ

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Х. 173891

ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.
И ПАСПОРТНОЙ СТАТИСТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА, 1978

В работе исследованы важнейшие миграционные потоки и результаты миграций населения в России во второй половине XIX в. Показано значение миграций, рассмотрена их связь с социально-экономическим строем, с развитием капитализма и сохранением крепостнических пережитков.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

В. М. Кабузан

ЖДАНОВСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

$\frac{10604-398}{042\,(02)-78}$ 54—78

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Знакомство с литературой по истории переселений в капиталистической России показывает, что большинство работ посвящено изучению районов заселения, вопросам их освоения и хозяйственного развития, а характеристика районов выхода переселенцев, процесса зарождения переселений дается поверхностно — в предисловиях или вводных разделах. Конечно, анализ переселенческого движения при условии одинакового исследовательского подхода и к тем и к другим районам — дело очень сложное. С другой стороны, отсутствие такого анализа не способствует всестороннему и правильному пониманию ни истории переселений в целом, ни истории освоения районов заселения в частности.

В предлагаемой монографии мы поставили перед собой две задачи: 1) изучить важнейшие направления миграционных потоков и итоги миграций населения вообще и рабочих во второй половине XIX в.; 2) в процессе исследования уделить главное внимание районам выхода переселенцев и районам земледельческой колонизации окраин Европейской России, возможно полнее осветить неземледельческие переселения (т. е. неземледельческий отход крестьян, переселения из деревни в города и миграции неземледельческих рабочих).

Первая глава нашего исследования посвящена миграциям населения в целом, вторая — миграциям наемных рабочих и третья — крестьянскому отходу. В приложениях дана наиболее полная сводка отобранных, систематизированных и обработанных цифровых материалов о направлениях и результатах миграционного движения во второй половине XIX в.

Указанные задачи решаются на основе главным образом данных переписи 1897 г. о неместных уроженцах, под которыми подразумеваются прежде всего уроженцы других губерний страны, а иногда и других уездов одной губернии. Эти данные охватывают всю Россию, кроме Великого княжества Финляндского, и использованы нами в полном объеме по всем губерниям страны.

Если сведения о размерах переселений в Сибирь и во многие другие районы Азиатской России можно сравнительно легко обнаружить в разнообразных опубликованных и неопубликованных источниках и перепроверить по данным переписи 1897 г., то дан-

ные о переселениях на южные и юго-восточные окраины Европейской России и на Северный Кавказ, содержащиеся в переписи 1897 г., — уникальны, проверить по другим источникам их несравненно сложнее. Именно недостатком массовых статистических материалов и объясняется отсутствие капитальных работ, освещающих историю заселения этих очень важных земледельческих районов, и слабая источниковедческая база некоторых опубликованных трудов.

То же самое следует заметить и о губерниях выхода переселенцев: в распоряжении исследователей имеются либо неполные данные о переселениях, однако не по всем направлениям (лучше всего учтены направления, ведущие в Сибирь), либо более полные данные по отдельным губерниям, собранные земскими статистиками, но в разные годы и по разным программам и поэтому с трудом поддающиеся сопоставлению [1]. При этом земские статистики с особой тщательностью регистрировали только те семьи, которые переселились из одной местности в другую с официального разрешения, перейдя из одного сельского общества в другое. Семьи, постоянно живущие на стороне по паспортам, частично ускользали от регистрации. Наконец, как правило, ускользали от регистрации и переселенцы-одиночки, которых было просто невозможно выделить из общей массы крестьян-отходников. Неполнота учета переселенцев не давала четкого представления об их социальном составе, о размерах выселений из каждой губернии, о причинах возникновения переселенческого движения и — шире — о характере аграрного перенаселения в пореформенной России.

Но хуже всего обстояло дело с учетом неземледельческих переселений: можно сказать, что только перепись 1897 г. включила в общие итоги переселенческого движения по всей стране лиц, переместившихся на постоянное жительство в города и другие неземледельческие центры. Из общей массы переселенцев перепись специально выделила и распределила по месту рождения лиц, обосновавшихся в городах. Другие аналогичные сведения имеются только по некоторым крупным городам (местные переписи); кроме того, о размерах переселений в неземледельческие центры часто приходится судить по косвенным признакам, исходя из прироста населения этих центров, сравнивая, если возможно, механический прирост с естественным. Между тем социально-экономическая значимость неземледельческих переселений крайне велика, так как они способствовали вовлечению все большего числа людей в сферу наиболее развитых и зрелых капиталистических отношений.

---

[1] Большое значение может иметь использование губернаторских отчетов, которые дают возможность сопоставить, начиная по крайней мере с 80-х годов XIX в. (а по некоторым губерниям — даже с 60-х годов), естественное и механическое движение населения по годам. Конечно, точность этого сопоставления, особенно в отношении учета неземледельческих переселений, нуждается в тщательной проверке.

Незаменимы материалы переписи 1897 г. и о передвижении наемных рабочих, главным образом неземледельческих. Ценность этих материалов заключается не только в том, что они собраны и систематизированы по единой программе, но и в том, что позволяют изучать миграции рабочих на фоне миграций населения вообще. Однако передвижения рабочих в пределах губерний в данных переписи не отражены, и их следует выявлять по другим источникам.

Предусмотренное нами преимущественное внимание к губерниям Европейской России и к неземледельческим переселениям вполне оправдано: не отказываясь от разработки данных переписи 1897 г. о миграциях населения в полном объеме по всей стране, мы одновременно стремились сосредоточить усилия на анализе наиболее ценных материалов источника, тем самым как бы оттеняя его достоинства и значение. К этому следует добавить, что и данные паспортной статистики о крестьянском отходе относятся только к Европейской России.

Большое внимание в работе уделено источниковедческому анализу. Мы отказались от намерения вынести его во введение, так как это лишь затруднило бы правильное восприятие хода рассуждений автора и выводов, обеднило бы содержание исследования.

Значительное место отводится определению миграционных балансов по губерниям и группам губерний, выделению основных районов выхода переселенцев и основных районов земледельческой колонизации, сопоставлению главных миграционных потоков из одних губерний или групп губерний в другие, анализу данных о распространении и продолжительности отхода крестьян на заработки, выделению районов с преобладанием неземледельческого или земледельческого отхода, выяснению размеров притока сельского населения в города, определению состава (по месту рождения) населения отдельных городских центров, погубернским и порайонным сопоставлениям миграций населения вообще и рабочих, выделению наиболее заселяемых уездов и т. д.

Разумеется, изучая миграции населения России во второй половине XIX в., мы ограничились лишь такими историко-географическими и историко-демографическими вопросами, которые не противоречили бы содержанию и характеру привлеченных источников. Вместе с тем мы сочли необходимым и полезным не замыкаться в кругу одних этих вопросов, а сочетать их выяснение (причем не только в основной части работы, но также во введении и заключении) с постановкой ряда более общих социально-экономических проблем, хотя и сознавали при этом, что решение этих проблем нуждается в исследовании иного плана с более широкой источниковедческой базой.

I

В. И. Ленин о миграционных процессах в пореформенной России

Учитывая цели и тематику настоящей работы, мы уделим главное внимание изучению формирования ленинских взглядов на значение переселений в капиталистической России, причины их возникновения, на их связь с разложением крестьянства и развитием капитализма вглубь и вширь, с сохранением крепостнических пережитков в Европейской России [2].

В произведениях В. И. Ленина глубоко исследованы ведущие проблемы истории пореформенной России, показано значение массовых крестьянских переселений и крестьянского отхода на заработки, их связь с аграрным строем, влияние на развитие капитализма в центре и на окраинах, в промышленности и в земледелии. В. И. Ленин подверг уничтожающей критике переселенческую политику царизма. «...Разве может хоть один экономист... *не придавать значения* ежегодным переселениям», — писал В. И. Ленин. «...Экономист, который видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя и развития России..., необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России?» [3]

В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894—1895 гг.) В. И. Ленин, показав, что вся пореформенная история России характеризуется «вторжением *капитала* в земледельческое хозяйство», говорит о перенаселении в земледелии, которое «создается тем, что *капитал* овладевает производством и, уменьшая число необходимых (для производства данного количества продуктов) рабочих, создает излишнее население» [4].

---

[2] Развернутый анализ взглядов В. И. Ленина на переселения, с упором преимущественно на проблемах развития капитализма вширь, заселения и хозяйственного освоения окраин страны, см.: *Степынин В. А.* В. И. Ленин о колонизации Сибири в эпоху капитализма. — В кн.: Бессмертная сила идей ленинизма. Красноярск, 1960; *он же.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма (раздел «К. Маркс и В. И. Ленин о колонизации»). Красноярск, 1962. Необходимо также указать на работы, в которых освещаются постановка и решение В. И. Лениным вопроса об освоении новых земель в тесной связи с особенностями аграрных отношений в центре Европейской России: *Кейлин А. А.* В. И. Ленин о причинах слабого использования земельного фонда в дореволюционной России и широкое освоение целинных и залежных земель в СССР. — «Записки Ленинградского сельскохозяйственного института», 1960, т. 79; *Голикова З., Какимжанов А., Ковальский С., Куликов В., Лернер Н., Фазылов М.* Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных и залежных земель в Казахстане (раздел «В. И. Ленин об использовании целины»). Алма-Ата, 1969; *Куликов В. И.* В. И. Ленин об освоении целинных земель. — «Вопросы истории КПСС», 1974, № 3, с. 47—59.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 629.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 487, 488.

Формы этого перенаселения были рассмотрены В. И. Лениным в статье «К характеристике экономического романтизма» (1897 г.). В ней выделены три формы существования избыточного населения в промышленности и земледелии: 1) *перенаселение текучее* — нанятые рабочие в промышленности; 2) *перенаселение скрытое* — сельское население, «теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий»; 3) *перенаселение застойное* — когда население «занято „в высшей степени неправильно", при условиях, стоящих ниже обычного уровня». Сюда относятся главным образом сельские и городские жители, работающие дома на фабрикантов. Совокупность этих слоев населения составляет «относительно избыточное население», которое никогда не может быть занято постоянно и которое образует «резервную армию» в условиях неравномерного скачкообразного развития капитализма [5].

И в «Экономическом содержании народничества...», и в работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин решительно разоблачал взгляды мальтузианцев и их последователей в России [6]. Анализируя образование «излишнего населения», он показал, что мальтузианцы и неомальтузианцы пытаются «объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически определенного, строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия» [7].

Очевидно, что упомянутые формы существования избыточного населения по-разному влияли на возникновение массовых переселений. Так, вторая форма связана с развитием капитализма в земледелии и, поскольку отсутствуют неземледельческие заработки, с переселением на земледельческие окраины. Первая и третья формы связаны прежде всего с развитием капитализма в промышленности, с домашней системой капиталистической мануфактуры и с разрушением этой системы под воздействием промышленного переворота. В. И. Ленин подчеркивал, что крупная машинная индустрия отрывала крестьян от земледелия, способствовала переходу рабочих от одних занятий к другим, из одних районов в другие и тем самым усиливала подвижность населения [8]. Вопросу «о росте индустриального населения на счет земледельческого» посвящен специальный параграф работы «К ха-

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 172—173.

[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 475—505; т. 2, с. 169—170, 175—177.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 170. Позднее в первой главе работы «Аграрный вопрос и „критики Маркса"» В. И. Ленин вскрыл несостоятельность мальтузианских взглядов на перенаселение русского буржуазного экономиста С. Н. Булгакова, который объяснил обнищание народных масс «законом убывающего плодородия почвы» (Там же, т. 5, с. 100—113).

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 180.

рактеристике экономического романтизма».[9] В дальнейшем В. И. Ленин неоднократно подтверждал и развивал эти важнейшие теоретические положения.

В работе «Экономическое содержание народничества...» В. И. Ленин указывал также на переплетение в земледелии пореформенной России старых, крепостнических отношений и новых, капиталистических, на недопустимость игнорирования степени развития капитализма: «Далее, мы видим из этой, хотя бы и самой общей характеристики нашего земледельческого капитализма, что он не покрывает собой *всех* общественно-экономических отношений в деревне. Рядом с ним мы видим все еще и крепостнические отношения — и в хозяйственной области (например, сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой — тут налицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителем и владельцем средств производства, и эксплуатация производителя посредством *прикрепления* его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической (обязательное «обеспечение наделом», прикрепление к земле, т. е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т. е. того же оброка помещику, подчинение привилегированным землевладельцам в области суда и управления и т. д.); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению» прикрепленных к земле батраков. Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом именно вследствие его неразвитости... В современном «перенаселении» кроме основных капиталистических черт есть, следовательно, еще крепостнические» [10].

Таким образом, уже в «Экономическом содержании народничества...» В. И. Ленин счел необходимым подчеркнуть, что в аграрном перенаселении имелись крепостнические черты и что крепостнические отношения также вели к разорению крестьян и к безработице. Обратим внимание на то, что в приведенном высказывании говорится о наличии крепостнических пережитков «более» в социальной и юридико-политической области, а в хозяйственной области под ними подразумевается прежде всего сдача помещиками отрезных земель за отработки и взносы натурой. В. И. Ленин говорит также о том, что он ограничился «самой общей характеристикой» земледельческого капитализма. Действительно, в «Экономическом содержании народничества...» еще нет развернутого определения сущности отработочной и капиталистической систем ведения помещичьего хозяйства и не сопоставлена степень распространенности этих систем в различных районах. Между тем соотношение между капиталистическими и крепостническими чер-

---

[9] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 220—226.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 490—491.

тами аграрного переселения не могло оставаться неизменным во всех районах страны, оно существенно менялось при переходе от черноземного центра Европейской России к новороссийским губерниям, от средневолжских губерний к нижневолжским и восточным и т. п., зависело от степени интенсификации земледелия, от успехов индустриализации и других факторов. Различными были природные условия, степень заселенности и земледельческого освоения районов, формы и уровень развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности, по-разному проявлялось противоречие, «которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [11]

В «Развитии капитализма в России» (1896—1899 гг.) В. И. Ленин показал, что на южных и юго-восточных окраинах черноземной полосы Европейской России преобладала капиталистическая или смешанная система ведения помещичьего хозяйства, а в центре черноземной полосы — отработочная система. Значение зажиточного крестьянства в черноземном центре, судя по неполным данным земской статистики, было меньшим, чем в южных степных губерниях. Изучая направления крестьянского отхода и переселенческого движения, раскрывая значение внешней и внутренней колонизации, говоря о бурном росте городского и вообще земледельческого населения, В. И. Ленин неизменно подчеркивал, что крестьяне уходили из местностей с наибольшим распространением отработок и примитивных форм земледельческого и промышленного капитализма в местности с более широким развитием капитализма, с более благоприятными условиями для такого развития. Крестьяне уходили из местностей с низкой заработной платой в местности с более высоким заработком, где им жилось «лучше» [12].

В. И. Ленин обосновал глубокую связь между переселениями и разложением крестьянства: они усиливали разложение в районах выхода переселенцев и переносили его в заселяемые районы [13]. Одновременно следует подчеркнуть, что вывод о преобладании среди переселенцев крестьян среднего достатка был сделан В. И. Лениным по материалам только переселений в Сибирь в первые пореформенные десятилетия. В позднейших статьях по переселенческому вопросу В. И. Ленин уже не возвращался к этому выводу, а, напротив, настойчиво указывал на все большее вовлечение в переселенческое движение крестьянской бедноты, особенно с началом проведения столыпинской аграрной реформы.

Большое значение имеет также обоснование В. И. Лениным связи между переселениями, с одной стороны, и развитием капи-

---

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 416—417.
[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 24—25, 232—235, 558—581, 583—596.
[13] Там же, с. 175.

тализма вширь и вглубь — с другой. Развивая применительно к России положения К. Маркса о законах роста индустриального населения и образования избыточного земледельческого населения [14], В. И. Ленин приходит к выводу, что это явление в чистом виде должно наблюдаться лишь на уже заселенной, освоенной территории. Если же в данной стране (как, например, Россия) еще не вся территория заселена и освоена, то «в этом случае мы имеем перед собой два различных процесса: 1) развитие капитализма в старой, заселенной стране или части страны; 2) развитие капитализма на „новой земле". Первый процесс выражает дальнейшее развитие сложившихся капиталистических отношений; второй — образование новых капиталистических отношений на новой территории. Первый процесс означает развитие капитализма вглубь, второй — вширь» [15].

Здесь интересна не только мысль о недопустимости смешения процессов развития капитализма вширь и вглубь (это — «два различных процесса»), но и стремление показать вместе с тем принципиальную однородность, однотипность переселений в города и переселений на земледельческие окраины, как явлений, способствующих возникновению и углублению капиталистических отношений в промышленности и земледелии. Однако развитие капитализма вглубь и ликвидация крепостнических пережитков в определенной степени задерживались вследствие колонизации окраин [16].

В рассматриваемой работе В. И. Ленин не ставил перед собой задачи детально проследить процесс развития капитализма вширь, но тем не менее отметил интенсивное формирование нового земледельческого и неземледельческого населения в пореформенное время на окраинах Европейской России — в новороссийских, нижневолжских и восточных губерниях, а также на Северном Кавказе, в Сибири и в Средней Азии [17]. Он дал также определение колонии в политико-экономическом смысле: «1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия...» [18] России, подчеркивал В. И. Ленин, находится в особо выгодном положении сравнительно с большинством крупных капиталистических государств вследствие существования огромного фонда свободных и доступных колонизации земель.

---

[14] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 187.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 583.
[16] См.: там же, с. 596.
[17] Там же, с. 566, 594—595.
[18] Там же, с. 593. Ср. высказывания К. Маркса о колониях в третьем томе «Капитала». — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 323, 315—316.

В труде «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (1907 г.) В. И. Ленин показал, что переселения в пореформенной России связаны не только с развитием капитализма вширь и вглубь, но и с двумя типами буржуазной аграрной эволюции — путем реформ и путем революции, путем медленного преобразования помещичьих хозяйств, постепенно заменяющих крепостнические методы эксплуатации крестьянства капиталистическими (прусский тип), и путем уничтожения помещичьего землевладения и свободного развития капиталистических фермерских хозяйств (американский тип). Заметив, что основные черты того и другого пути можно наблюдать везде, где существовали рядом помещичьи и крестьянские хозяйства, он одновременно определил пространственное распределение местностей, где преобладал тот или иной тип эволюции, которое оказалось аналогичным географическому распределению основных районов выхода переселенцев и земледельческой колонизации.

В земледельческом центре России, откуда уходили крестьяне, преобладал прусский тип аграрной эволюции и были еще очень сильны крепостнические пережитки: «Падение крепостного права создало такие условия, при которых (как я показал подробно в „Развитии капитализма“) население *бежало* во все стороны из этого насиженного местечка крепостников-последышей. Из центральной земледельческой полосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотоле необитаемые земли» [19].

Характерно, что и здесь В. И. Ленин счел необходимым упомянуть об условиях, созданных падением крепостного права, которые были подробно рассмотрены в «Развитии капитализма в России», — иными словами, о связи между массовыми переселениями и разложением крестьянства, эволюцией отработочной системы и ростом капиталистических отношений в пореформенный период [20].

Напротив, «в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа» преобладал американский тип буржуазной аграрной эволюции, и в этих местностях «развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре» [21].

На большом фактическом материале В. И. Ленин проследил, каким образом пережитки крепостнических отношений одновременно и заставляли крестьян переселяться, и препятствовали широкому рациональному освоению земель на окраинах России. Выяснив, как велика неосвоенная и незаселенная (или слабозаселен-

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 227—228.

[20] В подстрочном примечании В. И. Ленин прямо ссылается на гл. III «Развития капитализма в России», где говорится о распространенности отработочной системы и о переходе от барщинного хозяйства к капиталистическому (там же, с. 227).

[21] Там же, с. 217.

ная) земельная площадь России, он добавил, что земель, годных для заселения при существовавшем тогда уровне производительных сил общества и крестьянами, задавленными гнетом крепостнических пережитков, гораздо меньше и что «вылечить» крестьянское малоземелье путем переселения невозможно. На примере «таврических степей» он показал, как сильно могут меняться в разное время представления об «удобных» для освоения и «неудобных» землях [22].

Вместе с тем, критикуя высказывания либерала Кауфмана, В. И. Ленин подчеркнул, что ликвидация крепостнических пережитков, оказывающих «самое губительное влияние» на социальный строй, тормозящих прогресс производительных сил, означающих для широких крестьянских масс «господство отработков, кабалы, кабальной аренды, «зимней наемки» и прочих средневековых прелестей в центральной России», необходима сама по себе, вне всякой зависимости от наличия или отсутствия на окраинах страны земель, доступных для освоения переселенцами [23].

Отметим, что Кауфман сводил основные причины переселений исключительно к агротехническому кризису, даже без намека на какой-либо серьезный анализ социально-экономических условий развития крестьянского хозяйства. Так, объясняя причины преобладания среди сибирских переселенцев первых трех пореформенных десятилетий XIX в. более состоятельных государственных крестьян, он пришел к выводу, что «бывшие помещичьи крестьяне менее выселяются именно вследствие того, что они получили меньшие земельные наделы и что критическая эпоха благодаря этому наступила и миновала для них раньше, нежели для бывших государственных» [24]. Другими словами, крестьяне, получившие в 1861 г. меньше земли, сумели раньше перейти к более интенсивной системе хозяйства и поэтому оказались в лучшем положении, чем крестьяне с бóльшими земельными наделами. Любые комментарии способны только ослабить впечатление от этой «глубокой» мысли одного из авторов кадетской аграрной программы. Не случайно В. И. Ленин, разбирая работы Кауфмана по переселенческому вопросу, писал: «Не на крепостнически классовый характер русских латифундий переносится центр тяжести, а на возможность примирения классов, удовлетворения мужика без обиды помещика, одним словом, на возможность пресловутого „социального мира“» [25].

---

[22] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 224—230. В отличие от государств Западной Европы в России буржуазно-демократический переворот происходил в условиях, допускающих «не только возможность добавочных вложений труда и капитала в старые земли, но и возможность утилизации „необъятных“ количеств рядом лежащих новых земель» (там же, с. 230).

[23] Там же, с. 226—227.

[24] *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905, с. 184.

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 226. Об оценках В. И. Лениным

В работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.» (1908 г.) В. И. Ленин в более сжатом виде изложил многие теоретические положения, обоснованные им в «Аграрной программе...», и дополнил их новыми обобщениями. В частности, следует обратить внимание на формулировку связи между пережитками крепостнических отношений и аграрным перенаселением: «Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем, ковыряющих и свою надельную и барскую землю, это действительность сегодняшнего дня; это — *искусственное* перенаселение в земледелии, искусственное в смысле насильственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно порожили себя...» [20]

Крепостнические порожитки задерживали прогресс земледельческой техники и культуры земледелия в целом, замедляли рост капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, тормозили процесс отвлечения населения от земледелия и тем самым создавали искусственное аграрное перенаселение, заставляя крестьян бежать на земледельческие окраины. Очевидно, и это ленинское высказывание может быть отнесено прежде всего к черноземному центру Европейской России.

В этой же работе В. И. Ленина содержится чрезвычайно емкая и вместе сжатая формулировка, как бы подводящая итог анализу причин возникновения переселений, анализу взаимосвязи между развитием капитализма вширь и вглубь, пространственного соотношения между различными типами буржуазной аграрной эволюции: «Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны» [27].

В. И. Ленин неоднократно выступал против ограничений свободы передвижения крестьян, анализировал классовую сущность переселенческой политики царизма и конкретные результаты переселений на окраины в период столыпинской аграрной реформы. Укажем на статьи «Крепостники за работой» (1901 г.) [28], «Переселенческий вопрос» (1912 г.) [29], «Значение переселенческого дела», «Еще о переселенческом деле», «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства» (1913 г.) [30]. Написанные по статистическим материалам начала XX в., они

дореволюционной историографии переселенческого движения см., кроме указанных ранее авторов, также: *Тюкавкин В. Г.* Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. — «Ученые записки Иркутского пед. института», 1961, вып. XVIII (6); *Платунов Н. И.* В. И. Ленин и досоветская историография о причинах аграрного перенаселения и переселенческого движения в пореформенной России. — Доклады 1-й межвузовской научной конференции по историографии Сибири (10—11 декабря 1968 г.). Кемерово, 1969.

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 136—137.

[27] Там же, с. 70.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 87—92.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 325—336.

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 103—109, 153—154, 260—277.

представляют большой интерес для изучения переселенческой политики самодержавия и во второй половине XIX в.

Таким образом, В. И. Ленин связывал возникновение массовых переселений в пореформенной России с разложением крестьянства, с развитием капитализма в земледелии и промышленности, с усилением подвижности населения в результате все более глубокого общественного и территориального разделения труда, с ростом городского и неземледельческого населения. Он подробно изучил различные формы существования избыточного населения. Вместе с тем он неизменно указывал на то, что нельзя абстрагироваться от уровня развития капитализма в районах выхода переселенцев, нельзя забывать о тяжелом гнете крепостнических пережитков, которые тоже приводили к искусственному аграрному перенаселению, тоже разоряли крестьян, побуждая их к бегству из деревни и одновременно затрудняя переселения, препятствуя широкому и наиболее рациональному освоению окраин России. Рассматривая конкретно районы выхода переселенцев, В. И. Ленин отмечал в них сочетание примитивных капиталистических отношений и сильных крепостнических пережитков. Переселения, как правило, были направлены в местности с наиболее благоприятными условиями для роста капиталистических отношений. Наличие в стране обширных слабозаселенных и незаселенных территорий способствовало необычайному подъему переселенческого движения и развитию капитализма вширь, замедляя его развитие вглубь.

2

Использование данных переписи 1897 г. и паспортной статистики в дореволюционной и советской историографии для изучения миграций населения

Прежде чем приступить к обзору литературы об использовании материалов переписи 1897 г. для изучения миграций населения вообще и рабочих, следует сказать, что она проводилась по очень широкой программе. Отметим, к примеру, что после нее сведения о неместных уроженцах по еще более сложной программе собирались только во время Всесоюзной переписи населения 1926 г.[31] Во время последней Всесоюзной переписи населения 1970 г. данные, характеризующие численность и состав мигрирующего населения, направления и объем потоков миграций, были получены путем опроса лишь 25% населения[32]. Первая всеобщая перепись

---

[31] Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXV. М., 1930, с. VI.

[32] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 7. Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. М., 1974.

в России должна была учесть сразу три категории населения — наличное, постоянное и приписное. Эта особенность затруднила работу счетчиков, неблагоприятно отразилась на полноте и точности собранных ими сведений, но она же дала в руки исследователей ценные статистические данные, нуждающиеся, однако, в строгой критической проверке.

Разумеется, далеко не все материалы переписи 1897 г. достоверны и удовлетворительно разработаны. Существует много отрицательных отзывов о методах опроса населения, об организации самой переписи и, наконец, о методике разработки полученных сведений в отделе переписи Центрального статистического комитета. Так, А. Котельников свидетельствует, что отдел переписи не организовал тщательного предварительного просмотра первоначального материала и что приемы разработки описать и обобщить невозможно, так как они менялись в зависимости от взглядов редакторов разметочных отделений [33]. Не будучи убежден в точности изданных материалов переписи 1897 г. и не видя сколько-нибудь надежных способов их проверки, Котельников вообще отрицал их научную значимость: «Я никогда не решусь искать в опубликованных результатах первой всеобщей переписи населения каких-либо доказательств научной гипотезы. В моих глазах труды отдела переписи навсегда останутся сборником цифровых данных, имеющих весьма сомнительное значение для статистики России» [34].

В книге Котельникова содержится немало верных наблюдений, которые характеризуют отрицательные моменты в истории подготовки и проведения переписи 1897 г. и недостатки в разработке ее материалов. Но автор ограничился негативным, бьющим на сенсацию разоблачением этих недостатков и ничего положительного в переписи не разглядел.

Глубже и объективнее, чем А. Котельников, оценивал материалы переписи Б. Н. Кадомцев, использовавший их для решения довольно сложной задачи — выяснения профессионального и социального состава населения Европейской России, а попутно — и для определения размеров миграционного движения. «Равнодушие науки к переписи 1897 г., — писал он, — отчасти можно объяснить тем, что наша перепись даст материал мало удовлетворительный, но все-таки данные этой переписи гораздо более достоверны, нежели то гипотезы, которыми до этого питались наша наука и публицистика» [35]. Интересно, что оба автора упомянули о науч-

[33] *Котельников А.* История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909, с. 69.

[34] Там же, с. 111.

[35] *Кадомцев Б. Н.* Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. (Критико-статистический этюд). «Труды студентов экономического отделения С.-Петербургского политехнического института». СПб., 1909, № 1, с. 4.

ных гипотезах, но каждый в противоположном по смыслу контексте.

Статистик и экономист Н. П. Огановский, привлекший данные о неместных уроженцах для подведения итогов миграций населения из одних районов в другие и для анализа соотношения числа переселенцев, направлявшихся в города и в сельские местности, пришел к выводу, что они представляют «высокий интерес для выяснения хода аграрной эволюции, связанной с ростом и перераспределением населения...» [36]

Неоднократно обращались к материалам переписи 1897 г. с целью изучения миграции населения советские историки, экономисты и географы, специалисты по исторической демографии. Так, В. В. Покшишевский утверждал, что сведения о неместных уроженцах имеют «исключительную ценность»: «Эти данные, будучи по смыслу косвенными, дают вместе с тем прямую «фотографию» результатов миграций в полном их объеме...» [37] Он опубликовал две карты на тему «Баланс неместных уроженцев по переписи 1897 г.», обозначив с помощью масштабных значков:

1) число проживающих в данной губернии уроженцев других губерний и число уроженцев данной губернии, проживающих в других губерниях;

2) сальдо миграционного баланса, т. е. перевес неместных уроженцев над выходцами из данной губернии, или наоборот [38].

Другой исследователь — А. Г. Рашин уделил особое внимание значению сведений о неместных уроженцах для углубленной характеристики процессов формирования городского населения во второй половине XIX в.[39]

В. К. Яцунский использовал эти сведения для подведения миграционных балансов по губерниям Европейской России и Предкавказья, а также для сравнительного изучения двух факторов, определяющих изменение численности населения — естественного прироста и миграции жителей. По оценке Яцунского, «относительное значение для показа тех мест, откуда население уходило, и тех мест, куда оно приходило, и для сравнения размеров миграций эти данные, конечно, имеют» [40]. Отсюда вытекает и возможность их использования для определения конкретных наиболее крупных направлений внутренней миграции населения России в пореформенный период, однако никто из исследователей специально этим вопросом не занимался. Именно такую задачу и поста-

---

[36] *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции, т. III, вып. 1. Саратов, 1914, с. 47.

[37] *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (Историко географические очерки). Иркутск, 1951, с. 165.

[38] Там же, с. 167—168.

[39] *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956, с. 129—136.

[40] *Яцунский В. К.* Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах и размещении населения России в XIX—XX вв. — «Вопросы географии». М., 1970, сб. 83, с. 51.

ности мы в статье, опубликованной в «Исторических записках»[41].

О значении данных переписи 1897 г. для подведения итогов миграций населения во второй половине XIX в. писали также И. Д. Ковальченко в учебном пособии «Историческая география СССР» и Я. Е. Водарский в кратком очерке истории населения России с XVI в. до 1917 г.[42]

Большой интерес представляет обстоятельная работа Л. М. Иванова о сословно-классовой структуре городского населения России в конце XIX—начале XX в.[43] По материалам переписи 1897 г. автор составил следующие таблицы (с выделением крупных регионов и городов С.-Петербург, Москва, Одесса и Варшава): «Сословный состав населения городов», «Распределение населения городов по сословиям и месту рождения» и «Распределение населения городов по месту рождения»[44]. Данные всеобщей переписи о переселениях в города он дополнил материалами переписей отдельных городов (правда, относящихся главным образом к началу XX в.)[45]. «Приток пришлых, приобретавший все больший размах, ломал веками сложившуюся структуру населения городов, — подчеркивал Л. М. Иванов. — Старые сословные отношения уходили в прошлое, заменяясь новыми классовыми отношениями, построенными на принципах капитализма, на отношении к собственности и продаже рабочей силы»[46].

Л. М. Иванов заметил, что «перепись 1897 г., как и переписи городов, слабо использована не только в дореволюционной, но и в советской исторической науке»[47]. К этому можно добавить, что всего слабее изучены данные переписи 1897 г. о неместных уроженцах среди рабочих. Их использовал в упомянутом ранее труде Б. Н. Кадомцев для расчета балансов межгубернских миграций рабочих. По этим данным А. Г. Рашин составил три таблицы: «Распределение рабочих и «прислуги» 50 губерний Европейской

[41] *Тихонов В. В.* Основные направления внутренней миграции населения России (По данным переписи 1897 г. о неместных уроженцах). — «Исторические записки», 1971, т. 88, с. 210—256. Материалы этой статьи, поскольку они необходимы для обоснования методики разработки данных переписи, частично вошли в первую главу настоящего исследования. Однако нужно иметь в виду, что группировка губерний в районы нами несколько изменена по сравнению с принятой в статье.

[42] *Дронжев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973, с. 194; *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI—начало XX вв.). М., 1973, с. 130—132.

[43] *Иванов Л. М.* О сословно-классовой структуре городов капиталистической России. В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей к 85-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1971, с. 312—340.

[44] Там же, с. 316, 320, 322.

[45] Об этих переписях см.: *Гозулов А. И.* Местные переписи населения до революции. «Ученые записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического института», 1941, т. I, с. 252—253.

[46] *Иванов Л. М.* Указ. соч., с. 323.

[47] Там же, с. 317.

России в 1897 г. по месту рождения»; Распределение рабочих горной, обрабатывающей промышленности, транспорта, строительных рабочих и рабочих торговых предприятий 50 губерний Европейской России в 1897 г. по месту рождения»; «Распределение рабочих и «прислуги» Петербургской, Московской и Екатеринославской губерний в 1897 г. по месту рождения». Он дал высокую оценку материалам переписи, заметив, что анализ и сопоставление других сведений о миграциях рабочих затрудняется тем, что «формулировка самого вопроса и методы его разработки были различны» [48].

П. И. Пустоход в статье «Рабочие Украины по переписи населения 1897 г.» и Ф. Е. Лось в статье «Формирование в развитие рабочего класса на Украине во второй половине XIX в.» использовали данные переписи для распределения рабочих и прислуги на местных уроженцев, уроженцев других украинских губерний и уроженцев остальных губерний Российской империи. Они подчеркнули, что наивысший процент пришлых рабочих наблюдался в степных губерниях Украины — Екатеринославской, Таврической и Херсонской. Особенно много пришлых рабочих насчитывалось в каменноугольной и металлургической промышленности Донецкого бассейна и на рудниках Криворожья [49].

Укажем еще на пример В. П. Панютича, опубликовавшего в книге по истории формирования пролетариата Белоруссии таблицу «Распределение рабочих и прислуги, уроженцев пяти западных губерний, в других районах России в 1897 г.». Он правильно обратил внимание на связь между миграциями постоянных рабочих и крестьянским отходом на заработки: «Конечно, основная масса охваченных переписью выходцев из пяти западных губерний, работавших в других районах России, являлась постоянными рабочими. Но распределение их по стране указывает на основные районы тяготения белорусского отхода» [50].

Из этого краткого обзора можно заключить, что данные переписи 1897 г. недостаточно и не в полном объеме используются для подведения итогов пореформенных миграций населения в целом и рабочих. Учитывая, что вопрос о соотношении миграций и естественного прироста освещен по материалам переписи в упомянутой статье В. К. Яцунского, мы решили специально его не рассматривать, а остановиться подробнее на разборе менее изученных проблем.

---

[48] *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, с. 355—359.

[49] *Пустоход П. І.* Робітники України за переписом населення 1897 р. — «Наукові записки інституту економіки», 1958, № 6, с. 152—153, 167—168 и др.; *Лось Ф. Є.* Формування і розвиток робітничого класу на Україні в другій половині XIX ст. — «Український історичний журнал», 1974, № 5, с. 62—65.

[50] *Панютич В. П.* Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861—1914 гг. Минск, 1969, с. 69—70.

Вообще, данные единственной в дореволюционное время всеобщей переписи населения заслуживают по крайней мере такого же тщательного, развернутого анализа, как, например, и материалы ревизского учета населения в феодальной России[51]. Повторяем: именно эти данные в наибольшей мере позволяют определить потоки и размеры переселений во второй половине XIX в. — как земледельческих, так и неземледельческих, как в Европейской, так и в Азиатской России.

Нельзя также не отметить, что в работах, посвященных крестьянскому отходу, как правило, используются данные паспортной статистики, имеющие сугубо местное значение, взятые обычно из земских статистических изданий. Крайне слабо анализируются сводные данные паспортной статистики по Европейской России, которые дают возможность сопоставить размеры и динамику крестьянского отхода в отдельных губерниях и районах. Такой развернутый анализ содержится только в книге Л. Е. Минца «Отход крестьянского населения на заработки в СССР» (М., 1926).

Наконец, упомянем о недостаточной разработанности проблемы соотношения крестьянского отхода и массовых переселений крестьян на постоянное жительство, иными словами — возможности, форм и распространенности перерастания отхода, особенно неземледельческого, в фактическое переселение. Правда, косвенно эта чрезвычайной важности тема затрагивается во многих статьях и книгах, посвященных отходничеству, формированию сети городских и внегородских неземледельческих центров, росту их населения, созданию кадров постоянных фабрично-заводских рабочих. В качестве примера можно указать на содержательную статью А. М. Панкратовой «Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—90-е годы XIX в.)»[52], на работы Иванова — см. кроме упомянутой выше — о сословно классовой структуре городского населения — его большую статью «Пространственность фабрично заводского труда и формирование пролетариата в России»[53]. Представляют интерес наблюдения и выводы В. И. Васильева в статьях «К характеристике формирования пролетариата в России»[54] и «Социальная характе-

[51] См.: *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963; *он же.* Изменения в размещении народонаселения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971.

[52] «Исторические записки», 1955, т. 54, с. 194—220.

[53] Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. Сб. статей. М., 1966, с. 58—140.

[54] Цель статьи «изучение самого процесса перемещения и подвижности фабрично заводского пролетариата на фоне территориального перемещения всего населения» по материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний («Ученые записки Шахтинского гос. пед. института», 1967, т. 11, вып. 2, с. 203).

ристика фабричных рабочих»[55]. Ценные материалы имеются также в изданных за последнее время монографиях Я. Е. Водарского[56] и М. К. Рожковой[57]. Число таких примеров можно умножить, но все они только убеждают в необходимости специального развернутого исследования названной проблемы.

Эта проблема заслуживает внимания также с точки зрения истории земледельческой колонизации, в первую очередь таких окраин, как новороссийские губернии и Северный Кавказ, т. е. районов, куда крестьяне особенно часто переселялись на постоянное жительство под видом отхода на заработки.

---

[55] Рабочий класс и рабочее движение в России 1901—1917. Сб. статей, с. 141—151.

[56] *Водарский Я. Е.* Промышленность [illegible] России в период [illegible] и [illegible] [illegible] М. 1973.

[57] *Рожкова М. К.* Формирование [illegible] рабочих в 60-х—начале 80-х годов [illegible] губернии. М., 1974.

Глава первая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Цель первой главы — раскрыть значение данных переписи 1897 г. о неместных уроженцах для изучения передвижений жителей России во второй половине XIX в., наметить основные направления внутренней миграции населения страны из одних губерний или районов в другие, из сельской местности в города.

Эти данные содержатся в погубернских томах, опубликованных в 1899—1905 гг. Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел под общим заглавием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» [1]

Комитет разработал сведения о трех категориях неместных уроженцев: 1) уроженцев других уездов, но той же губернии; 2) уроженцев других губерний; 3) уроженцев других государств. В первой главе анализируются данные преимущественно о второй и третьей категориях неместных уроженцев (см. в погубернских томах таблицу VII «Распределение неместных уроженцев по месту рождения»), т. е. уроженцев других губерний и государств. Сведения об уроженцах других уездов (см. сводную таблицу в погубернских томах) привлечены только для определения показателя подвижности населения и для полноты учета притока сельского населения в города [2].

Сведения о неместных уроженцах имеются и в изданном в 1905 г. первом томе «Общего свода по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.»: в таблицах VI («Распределение населения по сословным группам и месту рождения»), VII («Распределение неместных уроженцев по месту рождения») и VII а («Распределение неместных уроженцев по местам рождения»). Однако приводимые нами цифровые данные за очень

---

[1] Отдельные тома посвящены некоторым крупным городам; особый интерес представляют сведения по С.-Петербургу и Москве.

[2] Поскольку уже в период издания погубернских томов программа разработки материалов переписи 1897 г. изменилась, то в случае, если погубернский том состоит из нескольких тетрадей (двух или трех), упомянутые таблицы следует искать в последней тетради тома. Далее в тексте и в приложениях цифры, заимствованные из сводной, первой (наличное и постоянное население) и седьмой таблиц погубернских томов, приводятся без указания источника.

редким исключением взяты не из «Общего свода по империи...», а из погубернских томов, так как удобно расположенные в таблицах промежуточные итоги (по городам, уездам) и некоторые другие особенности группировки материала существенно облегчают отбор и проверку нужных цифр. В связи с этим цифры, приведенные в настоящей главе, изредка расходятся с цифрами «Общего свода по империи...», но расхождения эти ничтожны и не влияют на выводы, поэтому не оговариваются. Нами также учитывалось, что более глубокое и детальное изучение данных о неместных уроженцах (по городам и уездам) возможно лишь на базе погубернских таблиц.

1

Основные направления миграций населения. Источниковедческий анализ и методика разработки данных переписи

Достоинства данных переписи 1897 г. как источника для исследования основных направлений и размеров внутренней миграции населения России и его различных групп по сословному или классовому признакам (например, рабочих) несомненны. В этих данных отражены результаты передвижений населения не только на земледельческие окраины, но и в города, торгово-промышленные села и местечки. Как уже отмечалось, они были собраны одновременно на территории всей Российской империи, за исключением Великого княжества Финляндского, и обработаны по единой программе. В этом отношении они являются уникальным источником, с которым не идут ни в какое сравнение материалы, полученные путем частичного учета переселенцев, частичных переписей населения или специальных статистических обследований. Данные переписи о распределении жителей страны по месту рождения позволяют, таким образом, строить обобщения на богатом и однородном цифровом материале, разумеется, после его тщательной критической проверки. «Самый существенный результат переписи заключается... в том, — утверждал В. Г. Михайловский, — что перепись вскрывает факт чрезвычайной экономической и социальной важности, значение которого трудно преувеличить: наличность огромного миграционного движения от центра к окраинам России и из деревень в города» [3].

Вместе с тем перепись не дает ответа на вопрос: на какое время приходится максимум передвижения населения по тому или иному направлению? Ведь в случае смерти лица, переселившегося из одной губернии в другую, его дети, родившиеся уже после

---

[3] *Михайловский В. Г.* Факты и цифры из русской действительности. — «Новое слово», 1897, кн. 9, июнь, с. 107.

переселения и сами не переехавшие в другую губернию, при переписи не считались неместными уроженцами. Если же период максимального передвижения населения был отделен от 1897 г. достаточно большим промежутком времени, то перепись либо вовсе не фиксировала соответствующего направления, либо резко искажала его размеры. Чем позднее происходило переселение, тем точнее данные о неместных уроженцах характеризуют его размеры, и наоборот. Малолетние переселялись редко (только в составе целых семей), а взрослые, хотя и переселялись преимущественно в молодые годы, могли сменить место жительства и в преклонном возрасте. Нельзя забывать и о повышенной смертности среди переселенцев, осваивавших новые земли. Поэтому (а также учитывая низкую среднюю продолжительность жизни в царской России) будем предельно осторожны в расчетах, допуская, что данные переписи 1897 г. с наибольшей точностью характеризуют размеры передвижения жителей, происходившего в 70—90-е годы XIX в., т. е. подводят итог внутренним миграциям населения на протяжении почти всего периода развития домонополистического капитализма в России.

Для периода 70—90-х годов искажения размеров основных направлений внутренней миграции обычно незначительны. Они были бы действительно значительными, если бы число переселенцев распределялось по десятилетиям приблизительно равномерно, однако на практике максимум переселений чаще приходился на 90-е годы, когда толчок развитию переселенческого движения дали и голод начала 90-х годов, и промышленный подъем этих лет. К тому же число неместных уроженцев, переселившихся в 70—90-х годах и умерших до переписи, частично возмещается числом лиц, переселившихся ранее 70-х годов и оставшихся в живых ко времени производства переписи. Поэтому сведения переписи 1897 г. о размерах основных направлений миграции жителей России можно считать достоверными, в большинстве случаев они весьма близки к данным, полученным иным путем.

В литературе данные о неместных уроженцах редко подвергаются критике и тем самым признаются достоверными. Правда, иногда неудачно выбранная формулировка вопроса приводила к недоразумению. Так, вопрос «Здесь ли родился, если не здесь, то где именно (губерния, уезд, город)?» почти не вызывал сомнений ни у населения, ни у счетчиков. Лишь неудачно выбранное слово «здесь» могло заставить крестьянина, родившегося в соседней деревне, расположенной в одном и том же уезде или даже на земле одного и того же сельского общества, и не ответить — «здесь». Но этот частный случай не имеет никакого отношения к неместным уроженцам, родившимся за пределами той губернии, в которой их застала перепись.

Не сопровождалась сколько-нибудь серьезными затруднениями и последующая разработка данных о неместных уроженцах в отделе переписи. Правда, в опубликованных погубернских таблицах

изредка попадаются совершенно необъяснимые ляпсусы. В одном случае отдел переписи допустил грубую ошибку, отнеся к числу неместных уроженцев С.-Петербургской губ. — 89 086 жителей С. Петербурга, родившихся в уездах этой же губернии. Лишь позднее, при составлении «Общего свода по империи...», ошибка была замечена и исправлена.

К сожалению, в опубликованных таблицах имеется немало опечаток, поэтому все данные о неместных уроженцах проверены путем подсчета цифр по вертикальным графам таблиц, а при надобности — и по горизонтальным. Так, в Томской губ. показано 9247 женщин, уроженок Семипалатинской обл., а следует — 8247; в Тобольской губ. — 9709 женщин, уроженок Пензенской губ., а следует — 6709. В Амурской обл. показано 9897 мужчин, уроженцев Тобольской губ., но в действительности эта цифра гораздо меньше — всего 2897 мужчин. Кроме того, при изучении сводной таблицы погубернских томов — а ее цифры, конечно, особенно тщательно проверялись во время издания материалов переписи — выяснилось, что в ряде случаев (см. Витебскую, Келецкую, Ковенскую, Киевскую, Люблинскую, Нижегородскую и Олонецкую губернии) в табл. VII тех же томов неточно показано число уроженцев иностранных государств. В связи с этим в общее число неместных уроженцев по губерниям внесены соответствующие исправления, впрочем, незначительные и к тому же совершенно не влияющие на размеры внутренней миграции жителей страны. В целом же использованные нами данные переписи 1897 г. являются вполне достоверными и правильно разработанными, что и определяет их ценность как источника [4].

Всего в 89 губерниях и областях Российской империи (без Великого княжества Финляндского) в 1897 г. на 125 640 021 наличного жителя приходилось 11 864 435 неместных уроженцев (9,4%). Иными словами, в среднем каждый десятый житель страны был зарегистрирован переписью как неместный, проживающий за пределами той губернии, в которой он родился. Из этого числа неместных уроженцев около 578 тыс. человек родились за пределами Российской империи. Этих лиц мы либо вовсе не рассматриваем (например, намечая основные направления внутренней миграции жителей страны и вычисляя миграционные балансы), либо специально не выделяем их из общей массы переселенцев.

Каким же образом на основании данных о неместных уроженцах можно наметить главные направления внутренней миграции населения России (см. приложение 1)? Примем число уроженцев какой-либо губернии (или области), зарегистрированное переписью 1897 г. в составе наличного населения какой-либо другой губернии (или области), за показатель, характеризующий, во-первых, направление миграции населения и, во-вторых, размеры этой

---

[4] Неправильно разработаны только данные об уроженцах других уездов, проживающих в городах (см. ниже с. 53—56).

миграции. Допустим, что в Самарской губ. насчитывалось 41 990 уроженцев Симбирской губ. Следовательно, можно считать, что население передвигалось из Симбирской губ. в Самарскую; кроме того, в нашем распоряжении теперь имеется показатель, позволяющий сопоставлять это направление с любым другим.

Всего в 89 погубернских томах содержится, за вычетом уроженцев Великого княжества Финляндского и иностранных государств, свыше 7600 подобных направлений. Среди них есть по-настоящему крупные (в С.-Петербургской губ. перепись зарегистрировала 149 560 уроженцев Тверской губ.) и такие, которые и направлениями-то можно назвать лишь условно (так, в Астраханской губ. был зарегистрирован один уроженец Ферганской обл.). Для получения основных (главных) направлений миграции населения требуется сначала выделить направления, удовлетворяющие определенному признаку: в составе наличного населения одной губернии должно быть не менее 5 тыс. уроженцев другой. Разумеется, в качестве отличительного признака основных направлений возможно избрать и 10 тыс. и 1 тыс. неместных уроженцев, однако имеются веские доводы в пользу именно первого из названных чисел[5].

После окончания отбора по указанному признаку остается 661 направление. Однако необходимо еще сузить само понятие «направление». Эта необходимость вытекает из существования между почти любыми двумя губерниями двух параллельных, но ведущих в противоположные стороны направлений миграции населения, которые нельзя изучать изолированно друг от друга. Возьмем четыре конкретных направления из уже отобранных и решим, целесообразно ли на равных правах включать каждое из них в приложение 1:

1) в Самарской губ. было, согласно переписи, 41 990 уроженцев Симбирской губ.; 2) в Симбирской губ. — 6 217 уроженцев Самарской губ.; 3) в Таврической губ. — 21 697 уроженцев Херсонской губ.; 4) в Херсонской губ. — 20 128 уроженцев Таврической губ.

Хотя население и передвигалось в довольно значительном числе из Херсонской губ. в Таврическую, последняя от этого ничего не выигрывала, так как почти такое же число передвигалось в обратном направлении — из Таврической губ. в Херсонскую. Оба направления как бы взаимно погасили друг друга; в итоге наблюдался весьма обычный для соседних губерний при большой протяженности общей границы обмен населением. Симбирская и Самарская губернии также были соседними и имели общую границу большой протяженности по Волге, но они не просто обменивались населением; мы сталкиваемся здесь с совершенно иным явлением: жители плотнее заселенной, хуже обеспеченной землей

[5] Эти доводы будут изложены ниже после некоторых дополнительных пояснений и уточнений понятия «направление».

Симбирской губ. уходили на свободные земли Заволжья. Это и есть собственно направление передвижения населения.

Содержание этого понятия изменилось, в связи с чем меняется и отличительный признак основного направления: число неместных уроженцев по-прежнему должно превышать 5 тыс. человек, но если раньше учитывалось абсолютное число неместных уроженцев, теперь учитывается только относительное, т. е. за вычетом неместных уроженцев обратного направления. Иными словами, если раньше в приложение 1 могли войти все четыре направления, теперь в него попадает лишь первое, размеры которого определяются относительным числом неместных уроженцев, составляющим 35 773 человека (41 990 неместных уроженцев первого направления минус 6217 — второго). Относительное число неместных уроженцев — это сальдо миграционного баланса только для двух произвольно выбранных губерний — положительное для губернии с преобладанием прилива населения и отрицательное для губернии с преобладанием выхода переселенцев.

В итоге второй стадии отбора основных направлений миграции населения по принципу учета относительного числа неместных уроженцев вместо 461 направления, отобранного ранее, признаются пригодными для включения в приложение 1 лишь 289. Примечательно, что из 172 направлений, не удовлетворяющих новому условию, 144 соединяют соседние, имеющие общую границу губернии. Напрашивается вывод: если смысл первой стадии отбора заключался в выделении наиболее крупных направлений, то смысл второй — в выделении тех направлений, которые возникли в результате действительного передвижения населения, а не обмена населением между соседними губерниями. Следует заметить, что из разряда основных после второй стадии отбора чаще всего исключены несущественные направления. Второстепенная роль случаев обмена населением в общем миграционном движении объясняется сочетанием в России местностей с сильными пережитками крепостнических отношений и с развитыми капиталистическими отношениями, а также местностей, давно освоенных и незаселенных или слабозаселенных. Следствием такого сочетания и является наличие обычно резко выраженной концентрации передвижения населения в определенных направлениях при относительной слабости обмена населением между соседними губерниями.

Мы не хотим сказать, что при изучении миграций любой обмен населением между соседними губерниями, особенно если размеры обмена были довольно значительными, как между Таврической и Херсонской губерниями, не представляет никакого интереса. Просто мы не считаем основными направления миграции, связанные с обменом населением между губерниями.

В ряде губерний, в частности граничащих с иностранными государствами, среди неместных уроженцев было много военнослужащих, причем в ходе формирования и дислокации воинских

соединений призывники какой-либо одной губернии иногда образовывали в других губерниях компактные группы — в несколько сот и даже тысяч человек. Конечно, дислокация и передвижения воинских частей не случайны, у них есть свои закономерности, они объясняются факторами не только специфически военного, но также социально-экономического и политического порядка. Вместе с тем любое отдельно взятое направление передвижения военнослужащих с точки зрения закономерностей передвижения населения вообще представляется случайным и произвольным, даже если военные историки досконально знают, почему Главный штаб должен был перевести воинскую часть именно в Гродненскую губ. из Казанской, а не из Таврической губ.

Поэтому нельзя допустить, чтобы среди основных направлений миграции населения появились направления, связанные с передвижением только или главным образом военнослужащих. Отличительный признак подобного рода направлений — резко выраженная диспропорция между числом переселившихся мужчин и женщин: число мужчин может в десятки раз превосходить число женщин, в то время как основные направления миграции населения характеризуются тем, что число переселившихся мужчин в очень редких случаях превышает число женщин в 2—3 раза.

Выясняется, что если бы при отборе направлений мы руководствовались меньшим относительным числом неместных уроженцев (3 тыс. или 1 тыс.), то среди основных направлений оказались бы и случайные, связанные главным образом с передвижениями военнослужащих. При большем относительном числе неместных уроженцев (например, 10 тыс.) мы отбросили бы направления, хотя и мелкие, но отнюдь не случайные и представляющие несомненный интерес для исследователей. Правильность избранного для выявления основных направлений критерия подтверждается тем, что всего 13 из 289 отобранных направлений с относительным числом неместных уроженцев свыше 5 тыс. пришлось признать случайными и исключить из приложения 1. Приводим полный список этих направлений в табл. 1, построенной по принципу приложения 1 [6]. Разумеется, и после этого отсева в упомянутом приложении среди неместных уроженцев имеются военнослужащие, и мы не в состоянии их выделить. Но основные направления миграции населения существуют вне зависимости от передвижения военнослужащих, составляющих, как правило, незначительную часть переселенцев и лишь несколько изменяющих соотношение между числом переселившихся мужчин и женщин.

После исключения этих 13 направлений оставшиеся 276 основных направлений миграции населения России вошли в при-

[6] Отсутствие или незначительность числа рабочих, передвигавшихся по этим направлениям, проверены по изданию: Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905.

Таблица 1

Направления миграции населения, исключенные из разряда основных в приложении 1

№ п/п	Направления миграции населения (губерния)		Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс (чел.)
	куда	откуда	мужчин	женщин	всего	
1	Волынская	Орловская	8427	218	8645	8195
2	Приморская обл.	Тобольская	7431	762	8193	7837
3	Варшавская	Тамбовская	6884	127	7011	6752
4	Приморская обл.	Томская	7072	1061	8133	6191
5	Варшавская	Черниговская	6110	411	6521	6084
6	Люблинская	Тамбовская	6310	47	6357	6077
7	Волынская	Полтавская	6690	460	7150	5767
8	Ломжинская	Московская	5812	118	5930	5536
9	Люблинская	Рязанская	5454	39	5493	5429
10	Гродненская	Тверская	5763	139	5902	5248
11	Варшавская	Рязанская	5148	172	5320	5161
12	Гродненская	Казанская	5353	80	5433	5146
13	Херсонская	Люблинская	5019	643	5662	5043

ложение 1, где расположены в порядке убывания относительного числа переселенцев (миграционного баланса). Они подразделены на крупные (с относительным числом неместных уроженцев свыше 25 тыс. человек), средние (от 10 тыс. до 25 тыс. человек) и мелкие (от 5 тыс. до 10 тыс. человек). Так как крупные направления, хотя их и немного (всего 54), очень разнообразны по величине, они, в свою очередь, подразделены на четыре группы. Относительное число неместных уроженцев в направлениях каждой группы составляет: 1) свыше 100 тыс. человек; 2) от 75 тыс. до 100 тыс. человек; 3) от 50 тыс. до 75 тыс. человек; 4) от 25 тыс. до 50 тыс. человек. Такое детальное подразделение способствует более конкретному изучению самых крупных направлений.

Следует подчеркнуть, что крупные направления отличаются от средних и мелких не просто бо́льшим относительным числом переселенцев, но и тем, что ведут в губернии, население которых увеличивалось под влиянием внутренней миграции жителей России[7]. Средние же направления ведут, между прочим, и в такие губернии, как Орловская, Ярославская, Нижегородская, Псковская, Саратовская, Витебская, Киевская, Эстляндская, население которых уменьшалось под влиянием того же фактора.

Основные направления миграции жителей России вообще необходимо изучать в неразрывной связи с погубернскими миграционными балансами. В приложении 2 мы поставили перед собой

[7] За исключением трех направлений: 15-го — в Пермскую, 19-го — в Лифляндскую и 33-го — в Харьковскую губернии. Во всех этих губерниях находились крупные промышленные центры.

подачу систематизировать и сгруппировать губернии в зависимости от того, какое влияние оказывала на них внутренняя миграция населения. Цифры 6-й графы этого приложения получены путем исключения по губерниям из общего числа переселенцев (4 я графа) уроженцев Великого княжества Финляндского и иностранных государств, а также всех переселенцев, не указавших места рождения с точностью до губернии. Оставшееся число неместных уроженцев сравнивалось с числом уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи (7 я графа), затем меньшее число вычиталось из большего. Результат проставлялся в 8-й графе со знаком + (в случае прилива населения) или со знаком — (в случае отлива населения). Включенные в приложение данные о наличном населении губерний могут быть использованы для разнообразных расчетов (например, можно соотнести в % к наличному населению цифры 6—8 й граф), а также при объединении любых губерний в районы.

В 40 губерниях с положительным миграционным балансом насчитывалось 49 832 455 жителей (39,7% к наличному населению всей страны) и 8 264 931 неместный уроженец (69,7% ко всем неместным уроженцам в стране). В 49 губерниях с отрицательным миграционным балансом насчитывалось 75 807 566 жителей (60,3%) и 3 599 504 неместных уроженца (30,3%).

Всего в 6-й графе приложения 1 насчитывается 6 032 533 неместных уроженца. Если из общего числа неместных уроженцев, зарегистрированных переписью в стране, вычесть тех, которые по различным причинам вовсе не могли быть включены в приложение 1, то остается 11 104 097 неместных уроженцев (см. 6-ю графу приложения 2). Следовательно, несмотря на то, что приложение 1 содержит в себе лишь 276 направлений миграции населения из свыше чем 7600 теоретически возможных, оно охватывает 54,3% всех переселенцев.

Подсчеты по губерниям показывают, что процент неместных уроженцев, учтенных в приложении 1, намного выше среднего именно для тех губерний, в которых наблюдался наибольший прирост населения от внутренней миграции жителей России (табл. 2).

Зная число уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи (см. 7-ю графу приложения 2), мы можем установить посредством аналогичных подсчетов такую же закономерность и для губерний, из которых в результате внутренней миграции жителей страны происходил наибольший отлив населения (табл. 3).

Итак, полнее всего в приложении 1 представлены губернии, расположенные либо ближе к началу приложения 2 (с точки зрения прилива населения), либо ближе к его концу (с точки зрения отлива населения). Ближе к середине приложения 2 сосредоточены губернии или со слабым по абсолютным размерам притоком населения извне, или с довольно значительными, но взаимно уравновешивающими друг друга приливом и отливом

Таблица 2

Полнота использования в приложении 1 данных о неместных уроженцах (по некоторым губерниям заселения)

Губерния	Число неместных уроженцев	Из них использовано в 6-й графе приложения 1 *	
		всего	% к общему числу
С.-Петербургская	89 9161	778 256	86,6
Томская	64 1751	566 578	88,3
Кубанская обл.	608 606	556 352	91,4
Московская	672 064	548 195	81,6
Область Войска Донского	424 273	361 226	85,1
Херсонская	385 762	244 740	63,4

* Учитываются основные направления, ведущие в данную губернию, т. е. название губернии должно находиться во 2-й графе приложения 1.

Таблица 3

Полнота использования в приложении 1 данных о неместных уроженцах (по некоторым губерниям выхода переселенцев)

Губерния	Число уроженцев губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи	Из них использовано в 6-й графе приложения 1 *	
		всего	% к общему числу
Курская	408 259	331 067	81,1
Полтавская	443 115	361 138	81,5
Воронежская	421 148	307 349	73,0
Рязанская	344 915	264 796	76,8
Тамбовская	328 593	229 912	70,0
Вятская	292 458	203 753	69,7

* Учитываются основные направления, исходящие от данной губернии, т. е. название губернии должно находиться в 3-й графе приложения 1.

населения (Лифляндская, Самарская, Бессарабская и другие губернии). Некоторые из губерний и областей — Черноморская, Закаспийская, Сырдарьинская, Якутская, Самаркандская, Ферганская и остров Сахалин — привлекали к себе такое небольшое число жителей других губерний, что вовсе отсутствуют в приложении 1, хотя иногда и выделяются высоким процентом неместных уроженцев к наличному населению. Так, в Черноморской губ. неместные уроженцы составляли 74,1% наличного населения, на Сахалине — даже 74,4%.

До сих пор, говоря о передвижении населения, мы не стремились уточнить, имеем ли мы дело с неместными уроженцами, переселившимися в другие губернии на постоянное жительство, или же с лицами, переехавшими на короткий срок. Между тем для исследователя эта разница далеко не безразлична: первые — это переселенцы, обычно полностью либо надолго порвавшие

вои с губерниями, где они родились; вторые — это в лучшем случае лишь потенциальные переселенцы.

В период проведения переписи 1897 г. постоянными жителями считались лица, проживавшие в данном месте «обыкновенно», т. е. бóльшую часть года, не обращая внимания на то, где они были приписаны. Временно пребывающими считались лица, проживавшие в данном месте меньшую часть года. Отдел переписи ограничился детальной разработкой данных об одном наличном населении, приведя сведения о постоянном населении, а также о временно пребывающих и временно отсутствующих лишь в первой таблице погубернских томов под названием «Наличное население и население постоянное». В этой таблице содержатся, между прочим, следующие цифры: 1) общее число временно пребывающих вне зависимости от того, являлись ли они постоянными жителями данной губернии или нет; 2) общее число временно отсутствующих вне зависимости от того, вошли они при переписи в состав наличного населения данной губернии или нет.

Известно наличное население губернии, неизвестно, какая часть наличного населения прибыла на время из других губерний. Известно постоянное население губернии, неизвестно, какая часть постоянного населения находилась во временном отсутствии в других губерниях. Нельзя выяснить, какая часть наличного населения губернии принадлежала к числу ее постоянных жителей и сколько постоянных жителей губернии находилось в ней налицо в момент переписи.

Следовательно, мы не знаем, сколько насчитывалось в каждой губернии временно пребывающих в момент переписи лиц, приехавших из других губерний. А ведь мы рассматриваем только неместных уроженцев, а не все наличное или постоянное население губерний, когда можно не принимать во внимание временно пребывающих в месте переписи, число которых почти всегда ничтожно по сравнению со всем населением. В 33 губерниях из 89 общее число временно пребывающих в месте переписи составляло свыше 25% общего числа неместных уроженцев, причем в 6 губерниях (Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской, Тверской и Вятской) — свыше 100%.

Условия передвижения населения часто были своеобразны даже в губерниях, которые исследователи обычно относят к одному и тому же району. Ввиду невозможности конкретного изучения отдельных губерний мы, не желая вступать в область чересчур сомнительных гипотез, предпочитаем: 1) оперировать только общим числом временно пребывающих в месте переписи по каждой губернии — данными, которые были разработаны Центральным статистическим комитетом и опубликованы им в погубернских томах; 2) рассматривать эти данные в неразрывной связи со сведениями об основных направлениях миграции населения России, вошедших в приложение 1.

Обратимся к цифрам 10-й графы приложения 2. Вывод очевиден: в тех губерниях, население которых увеличивалось под влиянием внутренней миграции жителей страны, общее число временно пребывающих в месте переписи нигде не превышало 25% общего числа неместных уроженцев[8], а в подавляющем большинстве случаев не достигало 15%. А ведь из 276 основных направлений миграции населения 231 направление (почти все крупные) вело именно в эти губернии. Всего же в губернии, в которых общее число временно пребывающих в месте переписи составляло менее 25% общего числа неместных уроженцев, вели 249 направлений из 276, т. е. 90,2%.

Таким образом, оперируя лишь общим числом временно пребывающих в месте переписи, можно прийти к выводу, что подавляющее большинство неместных уроженцев по основным направлениям миграции населения, вошедшим в приложение 1, были постоянными жителями. Если же предположить, что хотя бы треть всех временно пребывающих не покинула в момент переписи «своих» губерний, то значение указанного вывода резко возрастает.

Характерно также, что в 40 губерниях с положительным миграционным балансом на 8 264 931 неместного уроженца приходилось 704 892 временно пребывающих в месте переписи, а в 49 губерниях с отрицательным миграционным балансом — 1 399 859 на 3 599 504 неместных уроженца.

Правильность и закономерность сделанного вывода вытекают из следующих соображений:

1. Перепись производилась зимой, в январе, когда население страны в целом наименее подвижно. В частности, зимой почти не было передвижений земледельческих рабочих из центральных земледельческих губерний на южные и юго-восточные окраины Европейской России, так как эти передвижения начинались в марте и заканчивались к середине мая. Движение неземледельческих рабочих зимой также было гораздо менее значительным, чем весной[9]. В. И. Ленин, изучив сведения о распределении по временам года видов на жительство, выданных крестьянскому населению Московской, Смоленской, Тверской, Костромской и Псковской губерний, писал в «Развитии капитализма в России»: «Конечно, известная часть отхожих неземледельческих рабочих регистрируется в числе наличного населения городов, а также входит в население... негородских индустриальных центров...

---

[8] В Забайкальской обл. указанное соотношение равнялось 32,8%, но в приложении 1 нет ни одного основного направления миграции населения, ведущего в эту область.

[9] Однако встречались и зимние виды отхода на заработки. Так, судя по цифрам 10-й графы приложения 2, наиболее высокий процент временно пребывающих в месте переписи наблюдался в некоторых лесных губерниях Европейской России с развитым именно в зимнее время отходом на лесозаготовки и другие лесные промыслы.

но только часть, ибо при бродячем характере этого населения его трудно учесть переписью отдельных центров; а затем переписи населения бывают обыкновенно зимою, тогда как наибольшая часть промысловых рабочих уходит из дому весной»[10].

2. Основные направления миграции населения, включенные в приложение 1, — это наиболее крупные и устойчивые направления, по которым обычно год за годом передвигались из одних губерний в другие лица, переезжавшие на постоянное жительство. Число же временно пребывающих ежегодно обновлялось.

Может возникнуть вопрос: почему мы используем только данные о временно пребывающих и избегаем данных о временно отсутствующих? Дело в том, что перепись 1897 г. зарегистрировала 2 104 751 временно пребывающего и 3 053 255 временно отсутствующих. Создается странное впечатление: люди куда-то на время уезжали, но никуда не приезжали, около 1 млн. человек как бы испарились в воздухе. Следовательно, данные несопоставимы; одно из двух — либо не все временно пребывающие были охвачены переписью, либо она резко завысила число временно отсутствующих.

Первое предположение можно объяснить тем, что временно пребывающие в труднодоступных для счетчиков местах (находившиеся в пути, на охоте, на лесозаготовках и т. п.) вовсе не попали в состав наличного населения и вместе с тем в опубликованные в погубернских томах таблицы (кроме первой). Но счетчики неизбежно пропускали и временно отсутствующих, которые в итоге не попадали в состав постоянного населения[11]. Правда, имелись еще специфические трудности регистрации временно пребывающих в городах, ибо крестьяне, даже переехав в город на постоянное жительство, часто не утрачивали связи с деревней. Но в ходе переписи они непосредственно отвечали на вопрос, живут ли они в городе постоянно, т. е. бóльшую часть года, или нет, и при отрицательном ответе считались временно пребывающими в городе. У них не было никаких оснований давать неверные ответы, преуменьшать значение связей с деревней по месту приписки. По всем этим соображениям мы должны признать данные о временно пребывающих достоверными в той мере,

---

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 570.

[11] Могло случиться так, что в момент переписи некто «„А“, проживая постоянно в городе в качестве, допустим, извозчика, полотера, трубочиста и прочее, на время прибыл в свою семью, проживающую в деревне. Он должен быть признан в деревне временно пребывающим, а там, в городе, — временно отсутствующим, но еще большой вопрос, кто мог вспомнить об отсутствовавшем трубочисте, полотере — холостом, выбывшем в момент переписи в свою деревню. Это значит, что если мы признаем „А“ временно пребывающим в деревне, то он может совсем не попасть в число постоянно живущих» (*Котельников А.* История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909, с. 76). Такие случаи приводят к преуменьшению численности постоянного городского населения.

и какой вообще могут быть достоверными данные, собранные в огромной стране с разнообразными и сложными для переписи условиями.

Гораздо ближе к действительности второе предположение. Временно отсутствующие сами на вопросы переписного листа не отвечали, и сведения о них сообщались другими лицами. Крестьянин, приписанный к сельскому обществу в Калужской губ., мог быть назван родственниками или односельчанами временно отсутствующим, хотя он круглый год или бóльшую часть года проживал в Москве, и при переписи вошел в состав и наличного, и постоянного населения Московской губ. Мало того, если этот же крестьянин предшествовавшую дню переписи ночь провел в Мытищах, то он переписывался еще в третий раз в качестве уже временно пребывающего в Мытищах. Неисключение в месте приписки из числа постоянных жителей лиц, окончательно или на бóльшую часть года переселившихся в другую местность, смешение постоянного населения с приписным — вот решающая причина резкого завышения числа временно отсутствующих, вот почему постоянное население России оказалось, по переписи 1897 г., больше наличного на 1 млн. человек [12].

Данные о соотношении мужчин и женщин среди переселенцев (см. 4-ю и 5-ю графы приложения 1) показывают, что в тех случаях, когда направления миграции населения соединяли соседние губернии, число женщин иногда даже превосходило число мужчин. Объясняется это, между прочим, широко распространенным обычаем отдавать девушек замуж в села соседних уездов и губерний. Перейдя на постоянное жительство в новую семью, девушка становилась неместной уроженкой.

Однако, как правило, ввиду большей подвижности мужского населения число мужчин среди переселенцев несколько превышало число женщин. Это характерно и для направлений, которые связывали отдаленные друг от друга губернии и по которым передвигались почти исключительно лица, осваивавшие незаселенные и слабозаселенные территории и переезжавшие с семьями не на время, а на постоянное жительство. Среди временно пребывающих и временно отсутствующих, судя по губернским показателям, это преобладание было выражено гораздо резче — число мужчин превосходило число женщин чаще всего в 2—3 раза как по причине большей подвижности мужского населения в целом, так и потому, что на заработки шли преимущественно мужчины. Среди тех временно пребывающих и временно отсутствующих, которые уходили за пределы «своей» губернии, мужчины должны были еще заметнее преобладать над женщинами.

Поэтому, если при исследовании того или иного направления миграции населения выяснится, что среди поместных уроженцев

[12] «Общий свод по империи...», т. 1, с. V. О распределении временно отсутствующих по губерниям см.: *Тихонов В. В.* Основные направления внутренней миграции населения России..., приложение 2.

женщин больше, чем мужчин, либо мужчин больше женщин примерно в 1,5 раза, мы вправе сказать, что имеем дело в основном с переселенцами, переехавшими в другую губернию на постоянное жительство. Таких направлений в приложении 1 насчитывается 208 из 276.

Но и остальные 68 направлений незачем сбрасывать со счетов и безоговорочно признавать направлениями, по которым передвигалось слишком много лиц, переезжавших из одной губернии в другую на короткий срок. Число мужчин среди переселенцев превышало число женщин более чем в 1,5 раза почти всегда в направлениях, ведущих в промышленно развитые губернии и губернии с крупными городскими поселениями — С.-Петербургскую, Московскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Киевскую, Лифляндскую, Бакинскую и др. В эти губернии устремлялось много рабочих, и обилие мужчин среди переселенцев вполне понятно: во-первых, города и фабрики предъявляли спрос прежде всего на различные мужские профессии; во-вторых, крестьяне, уходя в город, зачастую оставляли свои семьи в деревне. Вместе с тем подавляющую часть неместных уроженцев в промышленных губерниях составляли, судя по 10-й графе приложения 2, лица, прибывшие на постоянное жительство. Данный пример подтверждает таким образом ранее сделанные выводы и еще раз свидетельствует о плодотворности метода развернутого сопоставления приложений 1 и 2.

2

Важнейшие районы заселения и выхода переселенцев. Итоги миграций жителей страны по районам

Порайонное изучение миграций населения, исследование итогов передвижения жителей из одних групп губерний в другие начнем по данным приложения 3. Кроме общего числа неместных уроженцев, проживающих в губерниях каждой группы (5-я графа приложения), нами подсчитано и число неместных уроженцев, родившихся за пределами каждой группы губерний (7-я графа). Вычисляя по группам губерний процентное отношение неместных уроженцев ко всему наличному населению, мы включили в их число и уроженцев иностранных государств (как и в 4-й графе приложения 2), во-первых, для того чтобы излишне не усложнять расчетов (тем более, что в наличное население входят и подданные иностранных государств); во-вторых, для того чтобы оттенить удельный вес неместных уроженцев вообще в составе наличного населения.

Размеры же прилива или отлива населения по группам губерний определены в зависимости только от внутренней миграции жителей страны. Для определения миграционного баланса по

группе в целом нужно сложить (принимая во внимание знаки + и —, т. е. по правилам алгебры) цифры 8-й графы приложения 2, относящиеся к губерниям, включенным в данную группу. При этом порайонный итог прилива или отлива населения не изменится, если мы, в отличие от принципов построения приложения 2, будем учитывать лишь неместных уроженцев, родившихся за пределами группы губерний, а не за пределами каждой из включенных в нее губерний. Поэтому, используя цифры приложения 2, можно определить миграционный баланс для любой группы губерний, интересующей исследователя (например, для всех украинских или всех белорусских губерний).

В основу распределения по группам 50 губерний Европейской России (см. примечание к приложению 3) положена группировка, намеченная В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России», с целью раскрыть значение внутренней колонизации[13]. При этом мы сочли целесообразным дополнительно разбить чрезвычайно важную для изучения основных миграционных потоков группу центрально-земледельческих, малороссийских и средневолжских губерний на три самостоятельные группы, а не менее важную группу новороссийских, нижневолжских и восточных губерний Европейской России — на две группы. От дополнительной разбивки на две группы промышленных и неземледельческих губерний мы отказались, как ввиду трудности выделения собственно непромышленных губерний, к которым с полной уверенностью можно отнести только Псковскую, Новгородскую и Смоленскую, так и ввиду преобладания одних и тех же миграционных потоков, направленных в столичные губернии.

Первые 12 групп губерний составляют 50 традиционно выделяемых в статистике того времени губерний Европейской России, из числа которых 25 губерний (первые шесть групп) относятся к нечерноземной полосе, а другие 25 (последующие шесть групп) — к черноземной.

Если к указанным 12 группам губерний добавить еще одну — Царства Польского, то можно получить данные, характеризующие 60 губерний Европейской России. Тем самым будет условно намечена граница между европейской и азиатской частью России, поскольку это возможно при не строго географическом, а погубернском подходе[14]. Шесть последних групп губерний (приложение 3) относятся уже к Азиатской России. Специально отметим несколько спорных случаев включения отдельных губерний в ту или иную группу. Дагестанская обл. присоединена не к Северному Кавказу, а к Закавказью (по характеру ее заселения),

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 565.

[14] Иногда к Европейской России относят также Ставропольскую губ. и Уральскую обл., а то и весь Кавказ. Об условности границы между Европой и Азией см.: *Ефремов Ю. К.* Обсуждение вопроса о границе Европы и Азии в Московском филиале Географического общества СССР. — «Известия АН СССР», серия географическая, 1958, № 4.

Черноморская губ. — напротив, к Северному Кавказу, из-за преобладания в ней русского населения и необычайно высокого процента неместных уроженцев. «Спорной» представляется и Енисейская губ.: по большему сходству условий заселения ее южной части с Алтайским горным округом Томской губ., чем с Иркутской губ., она вошла в состав Западной, а не Восточной Сибири.

Важнейшие сводные данные, характеризующие некоторые итоги миграции населения по всем этим выделенным территориям, приведены в табл. 4.

Таблица 4

Важнейшие итоги миграции населения России по крупным регионам

Территория	Группы губерний	Число губерний	Наличное население (тыс. чел.)	Число неместных уроженцев (тыс. чел.)	% к наличному населению	Прилив (+) или отлив (—) населения (тыс. чел.)
Нечерноземная полоса Европейской России	1—6	25	37 545	3 336	8,9	—479
Черноземная полоса Европейской России	7—12	25	55 898	3 979	7,1	—1889
50 губерний Европейской России	1—12	50	93 443	7 315	7,8	—2368
60 губерний Европейской России	1—13	60	102 845	8 505	8,3	—2350
Азиатская Россия	14—19	29	22 795	3 359	14,7	+2350
Вся Российская империя	1—19	89	125 640	11 864	9,4	—

Наименьший процент неместных уроженцев наблюдался в 50 губерниях Европейской России и особенно в ее черноземной полосе, хотя здесь, при относительно высокой плотности населения, складывались и самые благоприятные условия для развития обмена населением между губерниями. На долю этих 50 губерний приходилось 74,4% наличного населения страны и только 61,7% общего числа неместных уроженцев, многие из которых к тому же переселились на незначительные расстояния — в соседние губернии. Судя по миграционному балансу, в нечерноземной полосе Европейской России переселения ограничивались главным образом «своими» губерниями, не выходили за пределы полосы, потерявшей в итоге всех миграций лишь 479 тыс. человек, что составляет 1,3% к ее наличному населению в 1897 г. Черноземная полоса Европейской России потеряла от переселений уже 1889 тыс. человек (3,4% к наличному населению). В целом 60 губерний Европейской России потеряли 2 350 тыс. человек; так как балансы отражают результаты только внутренней миграции, то очевидно, что Азиатская Россия должна была «выиграть»

тоже 2 350 тыс. человек (10,3% к ее наличному населению и 70,0% к общему числу зарегистрированных в ней неместных уроженцев). Процент неместных уроженцев в Азиатской России был в два с лишним раза выше, чем в черноземной полосе Европейской России, соответственно 14,7 и 7,1%. Аналогичные расчеты по важнейшим группам губерний позволяют выявить примеры с еще более резкими колебаниями всех этих показателей.

В приложении 3 после подведения итогов по всем 19 группам губерний приводятся сведения о некоторых более обширных районах, составленных из 2—3 групп губерний. Прежде всего это район, охватывающий столичные, промышленные и неземледельческие губернии Европейской России. В. И. Ленин объединял эти группы губерний, и такое объединение необходимо для правильного суждения о степени слабости миграционных связей этого района с другими местностями страны. Далее, как уже упоминалось, В. И. Ленин объединял центрально-земледельческие, малороссийские и средневолжские губернии, получая основной район выхода переселенцев на земледельческие окраины России, а также новороссийские, нижневолжские и восточные губернии, получая основной район земледельческой колонизации на окраинах Европейской России. Все эти районы и выделены в приложении 3, как и три района Азиатской России — Кавказ (14-я и 15-я группы губерний), Сибирь (16-я и 17-я) и Средняя Азия (18-я и 19-я группы).

В случае необходимости исследователь может, используя приложения 2 и 3, наметить любые группы губерний и районы, подсчитать их наличное население, число неместных уроженцев и определить их миграционные балансы.

Однако приложение 3 позволяет судить только о некоторых важнейших итогах миграции населения по группам губерний (как приложение 2 — по губерниям), но не дает представления о распределении миграционных потоков между группами губерний с такой же наглядностью и точностью, как основные направления миграции населения из одних губерний в другие. Преодолеть этот недостаток можно с помощью данных приложения 4, в которых указано число переселенцев из одних групп губерний в другие. Правда, цифры приложения, и без того довольно громоздкого, пришлось округлить. Следует учесть, что в итоги по горизонтальным и вертикальным графам приложения 4 не вошли неместные уроженцы, проживающие в губерниях «своей» группы, не указавшие точного места рождения и родившиеся в других государствах.

Ознакомимся с несколькими наиболее характерными примерами использования данных приложения 4. В группе промышленных и неземледельческих губерний насчитывалось 356,4 тыс. переселенцев — выходцев из других групп губерний, больше всего из столичных (95,5 тыс.), центрально-земледельческих (61,1 тыс.), западных (53,9 тыс.), прибалтийских (32,2 тыс.),

Крайнего Севера (27,3 тыс.) и средневолжских (22,9 тыс.). Кроме того, 208,5 тыс. переселенцев при смене места жительства не покинули пределов рассматриваемой группы губерний. В свою очередь, из промышленных и неземледельческих губерний выселилось 1358,0 тыс. человек, главным образом в столичные губернии (806,5 тыс.), а затем — в западные (70,7 тыс.), новороссийские (69,9 тыс.), центрально-земледельческие (62,5 тыс.), нижневолжские и восточные (60,4 тыс.), Западной Сибири (54,9 тыс.). Очевидно, что миграционный баланс данной группы, к примеру, с западными губерниями составил —16,8 тыс. человек для промышленных и неземледельческих губерний. При желании вполне можно складывать цифры, относящиеся к нескольким группам губерний, образуя более обширные районы.

Отметим 10 крупнейших миграционных потоков 70—90-х годов XIX в. из одних групп губерний в другие, указывая в скобках число переселенцев: 1) из промышленных и неземледельческих губерний в столичные (806,5 тыс. человек); 2) из центрально-земледельческих в новороссийские (374,0 тыс.); 3) из центрально-земледельческих в столичные (325,5 тыс.); 4) из центрально-земледельческих в Западную Сибирь (307,7 тыс); 5) из центрально-земледельческих на Северный Кавказ (301,3 тыс.); 6) из малороссийских на Северный Кавказ (281,9 тыс.); 7) из малороссийских в новороссийские (272,9 тыс.); 8) из средневолжских в нижневолжские и восточные (270,1 тыс.); 9) из юго-западных в новороссийские (248,4 тыс.); 10) из новороссийских на Северный Кавказ (155,5 тыс.).

Как показал В. И. Ленин, внутренний рынок для капитализма в России создавался, с одной стороны, путем дальнейшего развития капиталистической промышленности и капиталистического земледелия в старой, заселенной части страны (развитие капитализма вглубь), а с другой — путем формирования капиталистических отношений на новых, незаселенных или слабозаселенных территориях (развитие капитализма вширь). Развитие капитализма вглубь сопровождалось отвлечением населения от земледелия (ростом городов, пригородов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел и местечек) и распространением неземледельческого и земледельческого отхода; развитие капитализма вширь — образованием земледельческого населения на новых землях и распространением «земледельческого прихода» рабочих с более быстрым, чем в среднем по всей стране, ростом городского населения на этих землях, ростом, который в значительной мере затемнялся, прикрывался образованием земледельческого населения.

Миграциям рабочих и развитию крестьянского отхода будут посвящены главы 2 и 3. Если же говорить о переселениях вообще, то недостаточно наметить основные направления миграции населения и выделить крупнейшие миграционные потоки из одних групп губерний в другие, необходимо еще установить, ка-

кая часть переселенцев направлялась в города, а какая — в сельские местности, какую часть городского и сельского населения составляли неместные уроженцы. Лишь после решения этой задачи процесс формирования нового земледельческого населения не будет затемнять процесса отвлечения жителей от земледелия.

Понятно, что исследователи заинтересованы в возможно более полном учете пришлого населения в городах, включая выходцев не только из других губерний, но и из сельских местностей тех губерний, в которых эти города были расположены. В целях полноты учета нельзя не воспользоваться тем, что в сводных таблицах погубернских томов, кроме уроженцев других губерний и государств, указаны еще и уроженцы других уездов «своей» губернии, и тем, что неместные уроженцы любой категории разделены на обосновавшихся в городах и в уездах (т. е. в сельских местностях). В приложениях 5 и 6 (а также в связанных с ними таблицах 5, 6, 7 и 8) учтены неместные уроженцы всех категорий [15].

В приложении 5 материал систематизирован по группам губерний, от систематизации по отдельным губерниям пришлось отказаться ввиду большого объема данных. Сперва указаны численность наличного населения, процент городского и сельского населения, а затем — доля неместных уроженцев всех категорий в наличном населении и соотношение между числом уроженцев других уездов и числом уроженцев других губерний и государств. Все эти данные приведены сперва раздельно для уездов и городов, а уже в итоге — для всей группы губерний.

Долю неместных уроженцев всех категорий в наличном населении мы приняли за показатель подвижности населения. Иными словами, показатель подвижности населения поясняет, какой процент наличного населения в сельских местностях, в городах и в целом составляли лица, родившиеся вне того уезда, в котором они были зарегистрированы переписью [16]. Этот показатель отображает — в той мере, в какой это возможно [17], — итоги всех, даже самых мелких, передвижений населения, учтенных переписью 1897 г. Однако следует помнить, что социальная значимость переселений из сельских местностей одних уездов в другие одной и той же губернии в общем была

[15] По-прежнему сохраняя ради краткости термин «неместные уроженцы» для обозначения уроженцев других губерний и государств, мы в случае использования данных об уроженцах других уездов употребляем термин «неместные уроженцы всех категорий».

[16] Ниже определение будет дополнено. Отметим, что этот показатель отражает подвижность населения в целом; он зависит не только от притока населения извне, но и от размеров эмиграции из данного района (губернии, уезда, города), поскольку она приводила к сокращению численности наличного населения.

[17] По материалам переписи нельзя узнать, из каких уездов и в какие именно переселялись жители страны (известны только переселения из губерний в уезды других губерний), нельзя вычислить и миграционные балансы межуездных передвижений.

столь же низкой, как и переселений в сельские местности соседних уездов соседней губернии. Такие переселенцы, как правило, не отрывались от земледелия, так как число неземледельческих занятий в сельских местностях почти всегда невелико (не считая, разумеется, некоторых промышленных и кустарных районов). Между тем переселения в города, даже из других уездов «своей» губернии, даже в пределах «своего» уезда, сопровождались либо отрывом переселенцев от земледелия, либо по крайней мере дальнейшим углублением этого отрыва. Каждое переселение в города, конечно если речь идет о крупных городах и индустриальных центрах, по-своему важно и интересно, чего нельзя сказать о многих и многих переселениях на незначительные расстояния в сельских местностях. О неодинаковой социальной значимости переселений всегда необходимо помнить, сопоставляя сведения о числе переселенцев, направлявшихся в города и в сельские местности.

Анализ данных приложения 5 удобнее всего начать, систематизировав их по территориям, выделенным ранее в таблице 4, а затем продолжить объединение групп губерний в более обширные районы по новым признакам.

Из 18 368 тыс. неместных уроженцев всех категорий 7725 тыс. (42,1%) переселились не в сельские местности, а в города, хотя процент городского населения в стране был низок — 13,2%. В нечерноземной полосе Европейской России из 5714 тыс. всех неместных уроженцев в города направились 3224 тыс. человек (56,4%). Для этой полосы характерны наиболее высокий процент городского населения (15,6%) и наличие многочисленных внегородских неземледельческих центров — индустриальных и торгово-промышленных сел и местечек, в которые устремлялась значительная часть переселенцев, отмеченная нами как обосновавшаяся в уездах. Напротив, в Азиатской России, отличавшейся сочетанием крайне низкого процента городского населения (10,6%), слабой распространенности внегородских неземледельческих центров и интенсивного формирования нового земледельческого населения в полуосвоенных и неосвоенных местностях, из 4018 тыс. неместных уроженцев всех категорий только 1019 тыс. (25,4%) были зарегистрированы проживающими в городах (табл. 5). Но повсюду переселения сопровождались отвлечением в той или иной степени части населения от земледелия и способствовали росту прежде всего городского населения[18].

Показатель подвижности населения в городах всей страны составлял 46,7%, а в уездах — лишь 9,8%, причем наибольшей подвижностью выделялось городское население нечерноземной полосы Европейской России (55,2%) и сельское население Ази-

[18] См.: *Рыбаков И. Ф.* Динамика городского населения России во второй половине XIX в. — «Ученые записки Ленинградского университета». Серия экономических наук, 1959, № 288, вып. 2, с. 181—210.

Таблица 5

Число неместных уроженцев всех категорий в городах и сельских местностях (по крупным регионам), тыс. человек

Территория	Наличное население	% городского и сельского населения	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них:			
					уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
			всего	% к наличному населению	всего	% к неместным уроженцам	всего	% к неместным уроженцам
Нечерноземная полоса Европейской России	в уездах	31 700	84,4	2 490	7,9	1 308	52,5	1 182	47,5
	в городах	5 845	15,6	3 224	55,2	1 070	33,2	2 154	66,8
	всего	37 545	100,0	5 714	15.2	2 378	41,6	3 336	58,4
Черноземная полоса Европейской России	в уездах	49 754	89,0	3 969	8,0	1 551	39,1	2 418	60,9
	в городах	6 144	11,0	2 518	41,8	957	38,0	1 561	62,0
	всего	55 898	100,0	6 487	11,6	2 508	38,7	3 979	61,3
50 губерний Европейской России	в уездах	81 454	87,2	6 459	7,9	2 859	44,3	3 600	55,7
	в городах	11 989	12,8	5 742	47,9	2 027	35,3	3 715	64,7
	всего	93 443	100,0	12 201	13,1	4 886	40,0	7 315	60,0
60 губерний Европейской России	в уездах	88 731	86,3	7 644	8,6	3 484	45,6	4 160	54,4
	в городах	14 114	13,7	6 706	47,5	2 361	35,2	4 345	64,8
	всего	102 845	100,0	14 350	14,0	5 845	40,7	8 505	59,3
Азиатская Россия	в уездах	20 380	89,4	2 999	14,7	433	14,4	2 566	85,6
	в городах	2 415	10,6	1 019	42,2	226	22,2	793	77,8
	всего	22 795	100,0	4 018	17,6	659	16,4	3 359	83,6
Вся Российская империя	в уездах	109 111	86,8	10 643	9,8	3 917	36,8	6 726	63,2
	в городах	16 529	13,2	7 725	46,7	2 587	33,5	5 138	66,5
	всего	125 640	100,0	18 368	14,6	6 504	35,4	11 864	64,6

ной России (14,7%). Отметим также, что в черноземной полосе Европейской России данный показатель был ниже среднего для страны и в уездах, и в городах, и в итоге по всему населению.

Из 6504 тыс. уроженцев других уездов в городах осели 2587 тыс. человек (39,8%), а из 11864 тыс. уроженцев других губерний и государств — 5138 тыс. человек (43,3%). Вообще, из числа лиц, переселившихся в города, 66,5% прибыли в них из других губерний, а не из уездов «своей» губернии. Примечательно также, с каким постоянством доля уроженцев других губерний и государств среди неместных уроженцев всех категорий в городах была выше, чем в уездах. В рассматриваемой таблице есть только одно исключение из этого правила: в Азиатской России уроженцы других губерний и государств составляли 85,6% всех неместных уроженцев в уездах и только 77,8% — в городах, что еще раз свидетельствует об усиленном формировании нового земледельческого населения за счет притока переселенцев извне.

Очевидно, что межгубернские миграции населения в России по своим размерам и значению почти повсеместно превосходили межуездные миграции в пределах губерний. Эту закономерность можно сформулировать и другими словами: чем сильнее были развиты в какой-либо местности внутригубернские миграции по сравнению с межгубернскими, тем хуже были в ней условия для массового переселения извне, тем менее удобной была она для водворения переселенцев (хотя и не во всех случаях). Поэтому и данные об уроженцах других уездов необходимы нам прежде всего для наиболее полного учета числа переселенцев, обосновавшихся в городах, а не для изучения важнейших миграционных потоков. Такой подход уже позволил увеличить численность пришлого населения в городах с 5138 тыс. (уроженцы других губерний и государств) до 7725 тыс. человек (неместные уроженцы всех категорий). В дальнейшем мы покажем, что и последняя цифра должна быть уточнена и что в действительности доля пришлого населения в городах была еще больше.

Значение приложения 5 определяется и тем, что оно позволяет изучать группы губерний и объединять их в районы по комплексу разнообразных признаков, отражающих важнейшие особенности и результаты миграции населения России во второй половине XIX в., проследить взаимосвязь между переселениями в города и в сельские местности. Можно, к примеру, выявить группы губерний, в которых независимо от положительного или отрицательного миграционного баланса большинство уроженцев как других уездов, так и других губерний и государств устремлялось в города: столичные, прибалтийские, средневолжские губернии и области Туркестана. Можно выделить группы губерний, в которых число уроженцев других уездов превышало число уроженцев других губерний и государств как в уездах, так и в городах. Это — промышленные и неземледельческие, уральские, центрально-земледельческие и средневолжские губернии, т. е.

исключительно группы с отрицательным миграционным балансом В некоторых других группах губерний, тоже с отрицательны миграционным балансом, подобное превышение наблюдалос только в уездах (прибалтийские, западные, юго-западные и мало российские губернии с такими крупными городами, как Рига Киев, Харьков, Вильна, Минск).

Теперь наметим отличительные признаки групп губерний, об разующих основные районы земледельческой колонизации. Мы насчитали четыре таких признака:

1) Прилив населения в эти группы превышает отлив населе ния из них, иначе ни о какой колонизации не может быть и речи

2) Среди неместных уроженцев всех категорий в сельски местностях и в городах уроженцы других губерний и государст преобладают над уроженцами других уездов. Этот признак такж свидетельствует о колонизации за счет притока населения изви и отражает взаимосвязь между земледельческой колонизацией ростом городов.

3) Среди неместных уроженцев всех категорий лица, обосно вавшиеся в сельских местностях, преобладают над лицами, обо сновавшимися в городах. Этот признак дополняет предыдущий поясняя, что, несмотря на значительный приток населения в го рода, нужно говорить о наличии прежде всего земледельческо колонизации.

4) В сельских местностях среди неместных уроженцев все категорий процент уроженцев других губерний и государств н ниже или даже выше, чем в городах. Отнюдь не умаляя важност остальных признаков, заметим, что именно четвертый признак указывающий на особую интенсивность процесса формировани нового земледельческого населения в результате межгубернски миграций жителей страны, наиболее рельефно подчеркивает свое образие основных районов земледельческой колонизации.

Только совокупность всех четырех признаков и отличае основные районы земледельческой колонизации от других райо нов. Так, в Европейской России первому и второму признакам удовлетворяют столичные губернии, третьему — центрально-земле дельческие, западные, юго-западные и некоторые другие групп губерний, четвертому — промышленные и неземледельческие гу бернии, а также губернии Крайнего Севера. Но совокупност всех четырех признаков соответствует лишь одна группа губер ний — нижневолжские и восточные. К ним мы условно доба вили новороссийские губернии, учитывая их интенсивное земле дельческое освоение в первые пореформенные десятилетия [19] хотя четвертый признак у них выражен слабо, так как к конц

---

[19] «В начале пореформенной эпохи в 60-х годах южные и восточны окраины Европейской России были в значительной степени незаселенно территорией, на которую направлялся громадный приток переселенце из центральной земледельческой России» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч т. 3, с. 563—564).

XIX в. земледельческая колонизация в этих губерниях отошла на задний план по сравнению с усиленным ростом неземледельческих центров.

В Азиатской России четырем признакам основных районов земледельческой колонизации удовлетворяют группы губерний Северного Кавказа, Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока, степные области Средней Азии. Подавляющее большинство губерний и областей, входящих в состав этих групп, также удовлетворяет всем указанным признакам; отдельные исключения несущественны и не меняют общей картины. Зато в двух других группах Азиатской России — Закавказье и Туркестане — ни одна из входящих в них губерний и областей этим признакам полностью не соответствует. В Туркестане неместные уроженцы всех категорий оседали преимущественно в городах, а в Закавказье из 710,3 тыс. неместных уроженцев в городах проживали 318,6 тыс. (44,9%). К тому же уроженцы только других губерний России (т. е. не считая выходцев из других государств) распределялись в Закавказье по месту жительства следующим образом: 174,1 тыс. человек в городах и лишь 155,5 тыс. — в сельских населенных пунктах. Это значит, что с точки зрения итогов одних межгубернских миграций большинство переселенцев в Закавказье, как и в Туркестане, направлялось в города.

Итак, к основным районам земледельческой колонизации относятся группы губерний — новороссийские, нижневолжские и восточные, Северного Кавказа, Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока, степные области Средней Азии. При этом новороссийские, нижневолжские и восточные губернии образуют район внутренней (по отношению к Европейской России) земледельческой колонизации, а другие группы губерний — район внешней земледельческой колонизации.

Остальные группы губерний с положительным миграционным балансом (т. е. привлекавшие к себе население) — столичные, Царства Польского, Закавказья и Дагестана, Туркестана — характеризуются полным отсутствием или слабыми признаками земледельческой колонизации и усиленным притоком населения в города, особенно выходцев из других губерний [20].

---

[20] Разумеется, мы вовсе не утверждаем, будто вся Сибирь доступна для земледелия; речь идет только о характере освоения тех местностей, где оседали почти все переселенцы. Точно так же нельзя забывать о возникновении новых земледельческих поселений в Туркестане, особенно в Семиреченской обл. (см., например: *Иванов А.* Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб., 1890; *Гейер И. И.* Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1892; Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел А. А. Половцова, командированного в 1896—1897 гг. для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898; *Верещагин П. Д.* Из истории переселения крестьян в Казахстан и Среднюю Азию. — «Ученые записки Петропавловского гос. пед. института», 1958, вып. 3, с. 33—101 и 215—248 (приложения); *Забиров К.* Переселение и колонизация северной Кир-

Учитывая, наконец, районы выхода переселенцев (группы губерний с отрицательным миграционным балансом), мы получаем данные, помещенные в табл. 6.

Население основных районов земледельческой колонизации в итоге межгубернских миграций увеличилось на 3199 тыс. человек (10,5% к наличному населению), в других районах с усиленным притоком населения в города, особенно столичные — на 1545 тыс. человек (6,2%); районы выхода переселенцев «потеряли» в результате миграций 4744 тыс. человек (6,7%).

В основных районах земледельческой колонизации проживало 30 355 тыс. человек (24,2% населения России), но в них находились 6281 тыс. (34,2%) неместных уроженцев всех категорий и 5041 тыс. (42,5%) уроженцев других губерний и государств[21]. Межуездные передвижения жителей в них были раз-

---

гизии. — «Ученые записки исторического факультета Киргизского гос. университета». Фрунзе, 1958, вып. 6, с. 139—170; *Шмачков П. А.* Переселение и землеустройство в Туркестане (1867—1917 годы). — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1961, № 3 (5), с. 72—80; *Тен К. П.* Русское население Средней Азии во второй половине XIX—начале XX вв. — «История СССР», 1970, № 4, с. 143—153).

[21] Из огромной литературы о переселениях в основные районы земледельческой колонизации отметим только несколько работ последнего времени. О переселении на южные и юго-восточные окраины Европейской России, Северный Кавказ см.: *Покшишевский В. В.* Очерки по заселению лесостепных и степных районов Русской равнины. — «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та имени В. И. Ленина», Экономическая география СССР. М., 1960, т. 117, вып. 5, с. 3—68; *он же.* К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов на Северном Кавказе. — «Известия Всесоюзного географического общества», 1948, т. 80, вып. 4, с. 396—408; *Волкова Н. Г.* Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв. — «Советская этнография», 1971, № 2, с. 38—47. В Сибирь: *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951; *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962 (есть материал по второй половине XIX в.); *Томилова Н. К.* Переселение крестьян в Алтайский округ (1865—1899 гг.). — «Вопросы истории Сибири». Томск, 1967, вып. 3, с. 71—88; *она же.* Основные районы выселения переселенцев на Алтай в 60—70-е годы XIX в. Экономическое положение крестьянства в районах выхода. — Там же, 1969, вып. 4, с. 114—126; *Жидков Г. П.* Переселенческая политика Кабинета в 1865—1905 гг. — «Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения)». Новосибирск, 1973, с. 365—374; *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. На Дальний Восток: *Покшишевский В. В.* К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока. — В кн.: Сибирский географический сборник, т. 1. М., 1962, с. 85—95; *Уродков С. А.* Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 гг. — «Ученые записки Ленинградского университета». Серия исторических наук, 1959, № 270, вып. 32, с. 182—200; *Кабузан В. М.* Переселення українців у Далекосхідний край в 1850—1916 рр. — «Український історичний журнал», 1971, № 2, с. 65—70; *он же.* Как заселялся Дальний Восток. Вторая половина XVII—начало XX в. Хабаровск, 1976. В степные области Средней Азии (Северный Казахстан): *Аувзова Л. М.* К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия в Казахстане в 70—90-х годах

Таблица 5

Число неместных уроженцев всех категорий в городах и сельских местностях (по основным районам заселения и выхода переселенцев), тыс. человек

Территория (в скобках — ее миграционный баланс, тыс. чел.)		Наличное население	% городского и сельского населения	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них:			
						уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
				всего	% к наличному населению	всего	% к неместным уроженцам	всего	% к неместным уроженцам
Основные районы земледельческой колонизации (+3 199)	в уездах	26 915	88,7	4 587	17,0	835	18,2	3 752	81,8
	в городах	3 440	11,3	1 694	49,2	405	23,9	1 289	76,1
	всего	30 355	100,0	6 281	20,7	1 240	19,7	5 041	80,3
Другие районы заселения с усиленным притоком переселенцев в города (+1545)	в уездах	18 643	75,4	2 047	11,0	937	45,8	1 110	54,2
	в городах	6 088	24,6	3 210	52,7	811	25,3	2 399	74,7
	всего	24 731	100,0	5 257	21,3	1 748	33,3	3 509	66,7
Все районы заселения (+4 744)	в уездах	45 558	82,7	6 634	14,6	1 772	26,7	4 862	73,3
	в городах	9 528	17,3	4 904	51,5	1 216	24,8	3 688	75,2
	всего	55 086	100,0	11 538	20,9	2 988	25,9	8 550	74,1
Районы выхода переселенцев (—4 744)	в уездах	63 553	90,1	4 009	6,3	2 145	53,5	1 864	46,5
	в городах	7 001	9,9	2 821	40,3	1 371	48,6	1 450	51,4
	всего	70 554	100,0	6 830	9,7	3 516	51,5	3 314	48,5
Вся Российская империя	в уездах	109 111	86,8	10 643	9,8	3 917	36,8	6 726	63,2
	в городах	16 529	13,2	7 725	46,7	2 587	33,5	5 138	66,5
	всего	125 640	100,0	18 368	14,6	6 504	35,4	11 864	64,6

виты гораздо слабее ввиду малой плотности населения, особенно в Азиатской России. Они характеризуются также сильной подвижностью сельского населения (показатель подвижности — 17,0%) и отчетливо выраженным четвертым признаком районов земледельческой колонизации. Процент городского населения в них был несколько ниже, чем в среднем по всей России, но все-таки выше, чем в районах выхода переселенцев. Показатель подвижности городского населения превосходил среднюю норму для всей страны, хотя и не достигал 50%. Впрочем, следует заметить, что во всех группах губерний, составляющих район внешней земледельческой колонизации, этот показатель превышал 50%, колеблясь от 51,7% (степные области Средней Азии) до 63,5% (губернии Восточной Сибири и Дальнего Востока). За пределами этого района такие же высокие показатели подвижности городского населения наблюдались только в столичных и прибалтийских губерниях. Проведение Сибирской железной дороги способствовало росту старых и возникновению новых городов, вызывая вместе с тем застой и захирение ряда центров, оказавшихся в стороне от магистрали[22]. Несколько пониженная подвижность городского населения в новороссийских, нижневолжских и восточных губерниях объясняется не слабостью притока переселенцев в города, а наличием ряда крупных, давно сложившихся городских центров. Так, население одной Одессы (403,8 тыс. человек) равнялось почти всему городскому населению Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока (472,8 тыс. человек), а ведь на земледельческих окраинах Европейской России находились еще Ростов-на-Дону, Астрахань, Екатеринослав, Кишинев, Николаев, Самара и другие крупные города.

В других районах заселения из 5257 тыс. неместных уроженцев всех категорий 3210 тыс. человек (61,1%) переселились в города, причем из 3509 тыс. уроженцев других губерний и государств в городах проживали 2399 тыс. человек (68,4%). Конечно, на эти итоговые цифры сильно повлияли данные по столичным губерниям с их огромным притоком населения в города, но все выделенные здесь группы губерний порой при весьма существенных различиях между ними объединяются одним признаком — большинство зарегистрированных в них выходцев из других губерний страны направлялось в города, а не в сельские местности. Уже по одному этому признаку они коренным обра-

---

XIX в. — «Известия АН Казахской ССР». Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1958, вып. 1 (6), с. 28—41; *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.

[22] См.: *Кабо Р. М.* Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII—первая половина XIX вв.). М., 1949, с. 202—205; *Юрасова М. К.* Города Омской области. Омск, 1959, с. 5, 29—30, 54—55, 81; *Спидченко К. И.* Города Кузбасса (экономико-географический очерк). М., 1947, с. 32—34; *Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1959, с. 40—77.

ном отличаются от основных районов земледельческой колонизации. Процент городского населения был в них почти в 2 раза выше, чем в среднем по стране, опять-таки благодаря главным образом столичным губерниям, но не только им: он был выше среднего и в Царстве Польском, и в Туркестане. Если же отвлечься от столичных губерний и Царства Польского, то и тогда мы сможем насчитать в Закавказье и в Туркестане три очень крупных для того времени города (с населением свыше 100 тыс. человек в каждом) — Тифлис, Ташкент и Баку. Для контраста заметим, что в районе внешней земледельческой колонизации, на огромных просторах Сибири, Северного Кавказа и степных областей Средней Азии, в 1897 г. не было ни одного города с населением свыше 100 тыс. и только в трех городах (Екатеринодаре, Томске и Иркутске) численность населения превышала 50 тыс. человек.

Районы выхода переселенцев объединяют 9 групп губерний Европейской России, в которых создались особенно тяжелые условия для жизни широких масс крестьянства. Тем примечательнее, что по числу жителей данные группы губерний далеко опережают не только основные районы земледельческой колонизации, но и все районы заселения вообще. В районах выхода переселенцев проживало 70 554 тыс. человек (56,2% населения России) и вместе с тем лишь 6830 тыс. (37,2%) неместных уроженцев всех категорий и 3314 тыс. (27,9%) уроженцев других губерний и государств. В этих районах, в отличие от районов заселения, число уроженцев других уездов превышало число уроженцев других губерний и государств в целом и в сельских местностях (но не в городах). Такое соотношение указывает на крайне слабый приток населения извне, из других губерний.

Рассматриваемые районы характеризуются самым низким процентом городского населения (9,9%), причем во всех группах губерний, кроме прибалтийских, процент городского населения был ниже среднего для России. Об этом полезно вспомнить, выясняя причины возникновения крестьянских переселений, особенно в черноземной полосе Европейской России, где насчитывалось мало внегородских неземледельческих центров.

Наконец, для районов выхода переселенцев в целом, по городам и уездам характерны также самые низкие показатели подвижности населения. Но и такие показатели, как уже отмечалось, достигнуты главным образом за счет развития внутригубернских передвижений жителей. Так, показатель подвижности сельского населения во всех группах губерний выхода переселенцев, кроме прибалтийских, был ниже среднего по России, опускаясь на Крайнем Севере, в центрально-земледельческих, малороссийских и средневолжских губерниях до необычайно низкого уровня — 4—5%. А показатель подвижности городского населения на Крайнем Севере, в западных, центрально-земледельческих и малороссийских губерниях не достигал даже 40%. Следова-

тельно, можно с уверенностью говорить о слабом росте городского населения, о чем также полезно вспомнить, анализируя причины возникновения переселений.

Таким образом, нам удалось наметить по материалам переписи 1897 г. основные районы земледельческой колонизации и определить соотношение между притоком населения в города и в сельские местности как по всей стране, так и по отдельным районам и группам губерний. Однако данные переписи о притоке населения в города настолько важны, что заслуживают дополнительного, углубленного анализа.

3

Полные данные о переселениях в города и заключительная оценка материалов переписи

Классификация городских поселений России во второй половине XIX в. не была устойчивой. Помимо официально признанных городов, в списки городских поселений включались посады и местечки, которые иногда имели упрощенное городское управление, но обычно почти не выделялись из массы сельских населенных мест. По существу, единственно серьезный признак, отличающий подавляющее большинство посадов и местечек от села, — это их официальное название таковыми. По мере приближения к концу XIX в. заметна тенденция сузить круг городских поселений, преимущественно за счет местечек [23].

В изданных материалах переписи 1897 г. (погубернских томах и «Общем своде по империи...») из числа городских поселений исключены и местечки, и посады, но вместе с тем к городам отнесены все негородские административные (уездные) центры. Среди уездных центров имелись такие населенные пункты, которые никогда не включались в списки городских поселений, — села и селения, слободы, станицы, урочища, укрепления, форты, посты. Искусственность историко-юридического понятия города несомненна, но если пользоваться этим понятием, то нужно быть последовательным до конца. Поэтому мы отобрали сведения о населении только официально признанных городов.

В 1897 г. в России насчитывалось 867 таких городов, из них 604 были расположены в 50 губерниях Европейской России, 114 — в Царстве Польском и 149 — в Азиатской России (46 — на Кавказе, 50 — в Сибири и 53 — в Средней Азии). Население этих 867 городов составляло 16 529 058 человек (13,2% всего населе-

---

[23] Военно-статистический сборник, вып. 4. Россия. СПб., 1871, с. 136, 140—168; Статистический временник Российской империи. Серия II, вып. 1. СПб., 1871, с. 159—197; Статистика Российской империи, 1. СПб., 1887, с. 26.

ной страны). В 50 губерниях Европейской России в городах проживало 11 988 463 человека (12,8% всего населения), в Царстве Польском — 2 125 847 (22,6%), на Кавказе — 1 008 459 (10,9%), в Сибири — 472 814 (8,2%) и в Средней Азии — 933 475 человек (12,0%).

Но в России насчитывалось немало других неземледельческих пунктов, порою крупных, официально не признаваемых городами. Это — фабричные и «кустарные» села, поселки при фабриках, заводах, рудниках, железнодорожных станциях, посады, местечки и другие торгово-промышленные центры. Многие из них были сосредоточены в нечерноземных промышленных губерниях Европейской России; таковы Сергиевский посад (15,2 тыс. жителей в 1897 г.)[24], с. Озеры (11,2), Павловский посад (10,0), с. Зуево (9,9), с. Глухово (9,3), поселок при Раменской бумагопрядильной фабрике (6,9), с. Боброво (Всесвятское) (5,1) Московской губ., местечко Никольское (25,2), поселок при Гусевской Иванова-Мальцева фабрике (12,0), с. Орехово (7,2), с. Тейково (5,8) Владимирской губ. и большое число других пунктов этих и соседних губерний[25]. Села Зуево, Орехово и другие смежные с ними фабричные поселки на границе двух губерний — Московской и Владимирской — образовывали один из крупнейших в стране промышленных центров — Орехово-Зуево с населением в 49,0 тыс. жителей, т. е. больше, чем в Рязани, Костроме и многих других губернских центрах[26].

Бурное развитие промышленности (в первую очередь металлургической и каменноугольной) привело к возникновению и быстрому росту во второй половине XIX в. новых неземледельческих пунктов на востоке Украины, особенно в Екатеринославской губ.: поселок Юзовка (21,1 тыс. жителей в 1897 г., третий по величине, после Екатеринослава и Мариуполя, населенный пункт губернии), местечко Никополь (17,1), с. Каменское (16,9), поселок Горловка (7,0), поселок Амур (6,1), поселок Голубов-

---

[24] Численность населения дается по сборнику: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей... по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.

[25] См.: *Водарский Я. Е.* Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; *Лаппо Г. М.* Пути развития старых промышленных центров Подмосковья. — «Вопросы географии». М., 1957, сб. 41, с. 224—236; *он же.* Некоторые черты исторической географии городов Московской области. — «Вопросы географии». М., 1961, сб. 51, с. 27—51; *Негаев А. С.* Из истории сельских промышленных центров Подмосковья (вторая половина XIX в.). — В кн.: Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII—XIX вв. (по материалам центральных губерний). Рязань, 1974.

[26] Число жителей Орехово-Зуева установлено «согласно вычислению П. П. Семенова-Тян-Шанского, на основании подлинного рукописного материала переписи 1897 г. включившего сюда все слившиеся с этим пунктом фабричные поселки» (*Семенов-Тян-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России. — «Записки Русского географического общества по отделению статистики». СПб., 1910, т. 10, вып. 2, с. 101).

ский (3,8), поселок Лозовая (3,7), поселок Гришино (2,6), поселок Синельников (2,2) и др.

На Урале официально не признавались городами многочисленные поселения при заводах, именовавшиеся, исключительно в силу исторической традиции, просто «заводами». В Пермской губ. в 1897 г. имелось 15 городов с населением 179,3 тыс. человек, причем в 5 городах с населением свыше 10 тыс. человек в каждом проживало 134,5 тыс. человек. В той же губернии только в 10 наиболее крупных «заводах» с населением свыше 10 тыс. человек в каждом проживало 147,2 тыс. человек. Население одного Нижне-Тагильского завода составляло 31,4 тыс. человек, он являлся третьим по величине, после Перми и Екатеринбурга, населенным пунктом губернии.

Внегородские неземледельческие пункты встречались даже в типичных земледельческих губерниях страны.

Разумеется, само по себе наличие таких не признанных городами пунктов не являлось отличительной особенностью России. «Развитие капитализма вело во всех странах, а не в одной России, к образованию новых индустриальных центров, не причисляемых официально к городам», — писал В. И. Ленин[27]. Всегда должно пройти какое-то время, прежде чем эти центры станут полноправными городами. Однако в России второй половины XIX в. — периода качественных сдвигов в экономике и структуре общества — официальная классификация городов была крайне устарелой, ее не приспособили хоть в какой-то степени к этим сдвигам, она как бы застыла, окостенела. Число городов во многих губерниях не изменялось, в других — возрастало, но очень медленно, а в Царстве Польском — даже резко сократилось в результате преобразования городов в посады[28]. Царское правительство явно не желало и, более того, опасалось предоставлять права городов новым (а в Центрально-промышленном районе Европейской России и на Урале и старым) индустриальным пунктам. Даже крупнейшие из них, за редкими исключениями (Иваново-Вознесенск), обычно оставались «заводами», поселками и просто селами.

Рост неземледельческого населения в России выражался, во-первых, в росте городов, во-вторых, в росте индустриальных и торгово-промышленных сел и местечек, в-третьих, в развитии неземледельческого отхода. Материалы переписи 1897 г. дают представление о громадных размерах прилива сельского населения в города. Однако следует помнить, что поскольку городское население не исчерпывает всего неземледельческого населения, постольку и данные переписи о неместных уроженцах в городах далеко не исчерпывают всех передвижений жителей, сопровождавшихся отрывом переселенцев от земледелия.

---

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 568.

[28] Статистический временник Российской империи. Серия II, вып. 1. СПб., 1871, с. 195—196.

Вместе с тем изучение сведений о населении официально признанных городов позволяет, по словам земского статистика В. Н. Григорьева, с уверенностью утверждать, что число городов с земледельческим характером крайне невелико, а число жителей в них по сравнению с общим числом горожан совершенно незначительно»[29]. Благодаря неземледельческому характеру подавляющего большинства городов становится возможным широко использовать данные об их жителях для исследования процесса отрыва населения от земледелия. В. И. Ленин, превосходно сознавая условность историко-юридического понятия города, тем не менее придавал важное значение официальным сведениям о росте городского населения, как о «самом наглядном выражении» этого процесса[30].

В погубернских томах местные и неместные уроженцы всегда распределены отдельно по уездам и по городам, но при этом неизбежно возникает вопрос: отнесены ли к разряду «уроженцев других уездов губернии» лица, переселившиеся в города из тех уездов, в которых эти города были расположены? К сожалению, ни предисловия к погубернским томам, ни предисловие к «Общему своду по империи...» не дают ответа на этот вопрос.

«Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения» свидетельствуют, что для разметки переписного материала употреблялись следующие знаки: «*Мс.* — местный уроженец, т. е. той же губернии и уезда или значительного города, который отмечается; *м с.* — той же губернии, но другого уезда...»[31] Значит, жители, переселившиеся в пределах тех уездов, где они родились, и «значительные» города, не могли быть обозначены *М с.*, так как этим знаком отмечались уроженцы «значительных» городов, и только — *м с.*, т. е. при разметке переписного материала они как бы приравнивались к уроженцам других уездов. «Значительные» города как бы приравнивались к уездам: «уезда или значительного города», говорится в пособии. С другой стороны, жители, также переселившиеся в пределах тех уездов, где они родились, и города, но «незначительные», могли быть обозначены только *М с.*, т. е. ни в каком смысле не являлись неместными уроженцами. Поэтому в сводной таблице и в таблице VI погубернских томов первые включены в одну графу с «уроженцами других уездов губернии», а вторые — в одну графу с «местными уроженцами». Сведения о составе (по месту рождения) населения «значительных» и «незначительных» городов оказываются несопоставимыми, о чем исследователи и не догадываются ввиду отсутствия должных пояснений в предисловиях к погубернским томам.

---

[29] *Григорьев В. Н.* Влияние урожаев и хлебных цен на городское население России. — В кн.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, т. 2. СПб., 1897, с. 126.

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 558.

[31] Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения. Приложение к № 2 — «Объяснение знаков для отметок». СПб., 1898, с. 2.

Мало того, невольно вспоминаются слова А. Котельникова, утверждавшего, что приемы разработки материалов переписи иногда менялись в зависимости от взглядов редакторов разметочных отделений[32]. Так, в предисловии к тому «Варшавская губерния» указывается, что «местными уроженцами по таблице VI (а следовательно, и по сводной таблице. — *Б. Т.*) считаются лица, родившиеся в пределах данного города или уезда»[33]. Аналогичное указание содержится и в примечании к сводной таблице по С.-Петербургской губ.: «Под местными уроженцами разумеются лица, родившиеся в том же уезде или городе, где они записаны при переписи»[34]. Выходит, что при обработке данных по этим двум губерниям не проводилось никакого различия между «значительными» и «незначительными» городами. В других погубернских томах пояснения подобного рода отсутствуют.

Поэтому вывод, сделанный на основе «Пособий при разработке первой всеобщей переписи населения», должен быть тщательно обоснован, причем предстоит еще определить, какие города были признаны «значительными». С этой целью мы изучили соотношение числа уроженцев других губерний и других уездов в группах городов. 200 городов, расположенных в порядке убывания в них численности населения, были объединены в 10 групп (по 20 городов в каждой), чтобы свести к минимуму иногда очень резкие колебания в составе населения отдельных городов (см. табл. 7).

Таблица 7

Соотношение между числом неместных уроженцев различных категорий в средних и мелких городах

Группа городов	Соотношение (в %) между числом неместных уроженцев двух категорий		То же соотношение, при увеличении числа уроженцев других уездов в городах 6—10 группы в 3 раза	
	уроженцы других уездов	уроженцы других губерний	уроженцы других уездов	уроженцы других губерний
1	44,4	55,6	44,4	55,6
2	40,0	60,0	40,0	60,0
3	51,2	48,8	51,2	48,8
4	44,6	55,4	44,6	55,4
5	53,8	46,2	53,8	46,2
6	22,8	77,2	46,9	53,1
7	26,5	73,5	52,0	48,0
8	23,2	76,8	47,6	52,4
9	29,6	70,4	55,8	44,2
10	32,2	67,8	58,8	41,2

[32] *Котельников А.* Указ. соч., с. 69.

[33] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. LI. Варшавская губерния. СПб., 1904, с. VIII, примечание.

[34] Там же, т. XXXVII. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903, примечание к сводной таблице.

Отчет велся с городов, имевших менее 50 тыс. жителей, так как в крупных городах никаких аномалий в соотношении между этими категориями неместных уроженцев не наблюдается.

По мере перехода к группам городов с меньшей численностью населения удельный вес уроженцев других уездов при всех колебаниях в общем возрастает; чувствуется, что вскоре число уроженцев других уездов окончательно превзойдет число уроженцев других губерний. Но, начиная с 6-й группы, что соответствует городам с населением менее 20 000 жителей, удельный вес уроженцев других губерний неожиданно становится непомерно большим — как в крупнейших городах России. Следовательно, города с населением менее 20 000 жителей являлись «незначительными» [35], и лица, переселившиеся в них из тех уездов, в которых эти города были расположены, не относились к числу неместных уроженцев.

Эту несопоставимость данных по «значительным» и «незначительным» городам обнаружить трудно, и не удивительно, что уже в 1907 г., т. е. спустя лишь два года после окончания публикации основных материалов переписи, в «Объяснительной записке» социал-демократической фракции II Государственной думы к аграрному законопроекту — одной из первых попыток рассмотреть в целом данные переписи 1897 г. о неместных уроженцах — неправильно утверждается, будто «по переписи совершенно нельзя учесть количество переселившихся в пределах тех уездов, где они родились, что имеет довольно большое значение, в особенности в смысле переселений из деревень в города своих уездов» [36]. Теперь мы знаем, что для городов с населением свыше 20 000 жителей такой учет производился.

Можно попытаться подсчитать хотя бы примерно общее число неместных уроженцев всех категорий во всех городах России, включая мелкие. Решим, во сколько раз нужно увеличить число уроженцев других уездов в городах с населением менее 20 000 жителей, чтобы соотношение между неместными уроженцами различных категорий менялось в них в том же направлении, как и в «значительных» городах. Путем чисто эмпирического подбора множителей — общие теоретические соображения тут бесполезны — находим наилучший вариант: увеличение в 3 раза

---

[35] Д. И. Менделеев приложил к книге «К познанию России», содержащей обобщение некоторых основных данных переписи 1897 г., карту, на которой отмечены все губернские (областные) и «крупные» города, причем к «крупным» причислены именно города с населением более 20 000 жителей (*Менделеев Д. И.* К познанию России. Изд. 7-е. СПб., 1912, с. 161 и «Карта России», составленная по указаниям Д. И. Менделеева). Нам известны и другие случаи выделения городов с населением свыше 20 000 жителей. См., например: Статистика Российской империи, 1, с. 26—27.

[36] Цит. по книге: *Маслов Петр.* Аграрный вопрос в России, т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. СПб., 1908, приложение, с. 6.

(см. табл. 7). Другие варианты (увеличение в 2 или 4 раза) снова приводят к необъяснимой несопоставимости данных о пришлом населении в «значительных» и «незначительных» городах.

Отнеся города с населением менее 20 тыс. жителей к разряду мелких, мы увеличили в них число зарегистрированных переписью уроженцев других уездов (430 437) в три раза. Полученное число (1 291 311) учтено при определении доли пришлого населения в городах. Города с населением от 20 до 50 тыс. человек отнесены к разряду средних, а свыше 50 тыс. человек — к разряду крупных. В итоге получилась следующая таблица, данные которой почти не отражены в приложениях и поэтому не округлены (табл. 8).

Ранее мы определили, что минимальный прилив сельского населения в города по всей России в 70—90-е годы XIX в. составил 7725 тыс. человек (46,7% городского населения в 1897 г.). Теперь, после уточнения, размеры прилива сельского населения в города за указанный период определились примерно в 8,6 млн. человек, а показатель подвижности городского населения в целом превысил 50%. Причем речь идет именно о сокращении численности сельского населения, так как сравнительно немногочисленными случаями переселения уроженцев (а не просто жителей) одних городов в другие вполне можно пренебречь.

Ввиду того что в приложении 5 и в созданных на его основе таблицах мы не решаемся даже приблизительно уточнить численность пришлого населения в мелких городах по отдельным губерниям и группам губерний, отчетливо сознавая всю гадательность подобных исправлений, возникает необходимость в дополнении формулировки понятия «показатель подвижности населения». Итак, показатель подвижности населения поясняет, какой процент наличного населения в сельских местностях, в городах и в целом составляли лица, родившиеся вне того уезда, в котором они были зарегистрированы переписью, и лица, переселившиеся в пределах того уезда, где они родились, в крупные и средние города.

В 55 крупных городах было сосредоточено 49,5% всего городского населения страны, 56,0% общего числа неместных уроженцев всех категорий, проживавших в городах, и 65,6% уроженцев других губерний и государств, также обосновавшихся в городах. Особенно примечательна последняя цифра в связи с той большой ролью, которую играли города в межгубернских миграциях жителей России. Перепись 1897 г. зарегистрировала 5138 тыс. уроженцев других губерний и государств в 867 городах, в том числе 3372 тыс. — в 55 крупных городах и 2117 тыс. — в 7 крупнейших городах с населением свыше 200 тыс. жителей в каждом. Все крупнейшие города, за исключением Москвы, находились в западной части Европейской России: С.-Петербург, Варшава, Одесса, Лодзь, Рига и Киев.

Таблица 8

Число неместных уроженцев всех категорий в крупных, средних и мелких городах

Разряды городов	Число городов	Наличное население	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств	
			всего	% к наличному населению
Крупные города	55	8 174 959	4 810 907	58,8
В том числе с населением				
свыше 1 млн. человек	2	2 303 511	1 634 683	71,0
от 200 тыс. до 1 млн.	5	1 931 480	1 108 280	57,4
от 100 тыс. до 200 тыс.	12	1 591 205	861 339	54,1
от 50 тыс. до 100 тыс.	36	2 348 763	1 206 605	51,4
Средние города	112	3 361 740	1 584 822	47,1
Мелкие города	700	4 992 359	2 190 299	43,9
Все города	867	16 529 058	8 586 028	51,9
Мелкие города без нашей поправки	700	4 992 359	1 329 425	26,6

Таблица 8 (окончание)

Разряды городов	Из них:			
	уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
	всего	% к неместным уроженцам	всего	% к неместным уроженцам
Крупные города	1 438 690	29,9	3 372 217	70,1
В том числе с населением				
свыше 1 млн. человек	322 662	19,7	1 312 021	80,3
от 200 тыс. до 1 млн.	303 292	27,4	804 988	72,6
от 100 тыс. до 200 тыс.	300 617	34,9	560 722	65,1
от 50 тыс. до 100 тыс.	512 119	42,4	694 486	57,6
Средние города	718 101	45,3	866 721	54,7
Мелкие города	1 291 311	59,0	898 988	41,0
Все города	3 448 102	40,2	5 137 926	59,8
Мелкие города без нашей поправки	430 437	32,4	898 988	67,6

Данные о распределении в городах неместных уроженцев различных категорий позволяют проследить, как постепенно, по мере перехода от крупных городов к средним и мелким, усиливаются одни характерные признаки и ослабевают другие:

1) В крупных городах число неместных уроженцев превышает число местных, а число уроженцев других губерний и государств — число уроженцев других уездов. Нетрудно заметить, что в круп-

нейших городах эти закономерности обычно выражены отчетливее, чем в менее крупных;

2) Средние города являются как бы промежуточным звеном между крупными и мелкими. Уроженцев других губерний и государств в них еще несколько больше, чем уроженцев других уездов, но неместных уроженцев вообще уже несколько меньше, чем местных;

3) Мелкие города по всем этим признакам являются полной противоположностью крупным: местных уроженцев в них больше, чем неместных, а уроженцев других уездов больше, чем уроженцев других губерний и государств.

Однако доля пришлого населения сильно колебалась даже в городах одного разряда (например, крупных). Она определялась, помимо величины городов, и многими другими факторами, особенно торгово-промышленным значением городов. Индустриальные центры чаще всего росли быстрее, чем торговые. Города в губерниях с положительным миграционным балансом чаще всего росли быстрее, чем города, расположенные в губерниях выхода переселенцев. Губернские центры обычно развивались быстрее уездных. Резко колебались и соотношения между различными категориями неместных уроженцев, меняясь, в частности, и от такого фактора, как расстояние города от губернской границы. Так, в городе, расположенном вблизи границы, а то и возле пересечения границ трех губерний (Царицын — на стыке Саратовской и Астраханской губерний и Области Войска Донского), мог быть (но не обязательно) более высокий процент уроженцев других губерний, чем в таком же крупном городе, находившемся в глубинном уезде губернии.

Поэтому в приложении 6 мы привели сведения о населении всех 55 крупных городов, а также всех губернских и областных центров с числом жителей не менее 20 тыс. человек. Можно заметить, что не во всех крупных городах, даже не во всех крупнейших городах с населением свыше 100 тыс. жителей, процент неместных уроженцев всех категорий превышал 50. В некоторых крупных городах число уроженцев других уездов превосходило число уроженцев других губерний и государств; среди этих городов — Саратов, Казань, Тула, Минск, Нижний Новгород, Воронеж, Орел, Ревель, Либава, Пенза, Иваново-Вознесенск, Полтава, Тверь и другие. Они весьма различны по своему индустриальному и торгово-промышленному значению, но, за отдельными исключениями, расположены в губерниях с преобладанием отлива населения в результате межгубернских миграций.

Исследователи городов могут в полной мере использовать другую интересную особенность материалов переписи 1897 г.: возможность установить, из каких именно губерний переселялись жители в те или иные города, т. е. наметить направления миграции населения в городские центры. Отмеченные на карте, эти губернии образуют своего рода ареал города, зону, откуда к нему

локалась основная масса пришлого населения. При этом если мы рассматриваем какой-либо город изолированно от других, то для обозначения ареала просто составляем список тех губерний, из которых в него переселилось не менее определенного процента (скажем, 5 или 10%) всех неместных уроженцев. Но этот способ абсолютно непригоден, когда требуется сопоставить ареалы нескольких городов. В этом случае необходимо избрать абсолютный минимум числа неместных уроженцев, т. е. условиться, что губернии включаются в ареал лишь при переселении из них в каждый город не менее определенного числа жителей (например, не менее 1000 человек).

Значение данных переписи 1897 г. о притоке сельского населения в города определяется не только размерами самого переселения, но и тем, что подавляющее большинство переселенцев состояло уже из постоянных городских жителей. Если раньше, изучая основные направления внутренней миграции жителей страны и подводя итоги миграции по губерниям, мы сопоставляли число лиц, временно пребывающих в месте переписи, с числом уроженцев других губерний, то теперь вырисовывается интересная возможность сопоставления числа временно пребывающих в городах с общим числом неместных уроженцев всех категорий, обосновавшихся в городских поселениях.

В результате выясняется, что число лиц, зарегистрированных переписью 1897 г. временно пребывающими в городах, очень невелико: за редкими исключениями, оно не превышало нескольких процентов от числа всех неместных уроженцев[37]. Так, в С.-Петербурге насчитывалось 40 492 человека, временно пребывающих в месте переписи (4,7% всех неместных уроженцев), а в Москве — 23 020 (3,0%), Одессе — 5755 (2,5%), Киеве — 10 265 (6,1%), Риге — 7392 (4,3%), Екатеринославе — 1831 (2,4%), Ростове-на-Дону — 1433 (1,8%), Иваново-Вознесенске — 1177 человек (2,9%) и т. п.[38] Эти цифры невелики не только по сравнению с числом всех неместных уроженцев, но и по сравнению с числом рабочих, зарегистрированных переписью в крупных промышленных центрах, хотя далеко не все временно пребывающие в городе являлись рабочими. Приведенные сведения приобретают особый интерес в связи с тем, что в городе каждого временно пребывающего можно без каких-либо оговорок считать неместным уроженцем, в то время как в сельских местностях временно пребывающие могли и не покидать пределов «своего» уезда, «своей» губернии, а поэтому и не попадали в разряд пришлого населения.

Число городских жителей, показавших своим главным занятием сельское хозяйство, также крайне невелико, особенно в круп-

---

[37] Поэтому мы и не приводим данных по всем городам: показатели довольно однообразны.

[38] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., по губернские тома, таблица I — «Наличное население и население постоянное».

ных центрах (см. табл. 9); оно возрастало лишь в некоторых мел ких городах, значение которых ничтожно.

Таблица 9

Число городских жителей, показавших в 1897 г. своим главным занятием сельское хозяйство (данные по некоторым крупным городам)

Город	Лица, имеющие самостоятельные занятия	Члены семей	Всего	Город	Лица, имеющие самостоятельные занятия	Члены семей	Всего
С.-Петербург	8 852	7 535	16 387	Киев	2 619	2 500	5 119
Москва	7 715	5 360	13 075	Рига	5 446	8 627	14 073
Одесса	4 189	10 748	14 937	Екатеринослав	525	305	830
(в том числе в пригородах)	2 563	8 895	11 458	Ростов-на-Дону	529	679	1 208
				Иваново-Вознесенск	287	446	733

Источник. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, погу бернские тома, таблица XXI — «Распределение населения по группам занятий». Учтен лица, показавшие своим главным занятием земледелие, пчеловодство и шелководство животноводство, лесоводство и лесные промыслы, рыболовство и охоту.

Среди этих лиц были и местные, постоянные городские жители занимавшиеся земледелием и рыболовством (в приморских горо дах), именно поэтому мы выделили пригороды Одессы. К Риг во время переписи были присоединены обширные пригородны участки, ранее остававшиеся за чертой города.

Материалы переписей отдельных крупных городов в конц XIX—начале XX в. подтверждают, что данные переписи 1897 г о занятиях городского населения ничуть не искажены. Так, п переписи 15 декабря 1900 г. среди самодеятельного населени С.-Петербурга насчитывалось 11 027 человек, главным занятие которых являлось земледелие и рыболовство, из них 6490 челове показали себя не хозяевами-земледельцами, что было бы естес венно для крестьян с обрабатываемым наделом, прибывших в го род на короткое время для заработков, а сельскохозяйственным рабочими и прислугой [39].

Таким образом, данные переписи 1897 г. о числе временн пребывающих в городах и о числе городских жителей, показав ших своим главным занятием земледелие, как бы контролирую друг друга, хорошо согласуются друг с другом и доказывают, чт зимой в городах почти не было отхожих рабочих, прибывших и

[39] С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 2. Ра пределение населения по занятиям. СПб., 1903, с. 2. О формировани постоянных кадров петербургских рабочих см.: *Куцентов Д. Г.* Пете бургский пролетариат в 90-х годах XIX в. — В кн.: История рабоче класса Ленинграда, вып. 2. Л., 1963, с. 24—25, 28; История рабочи Ленинграда, т. 1. Л., 1972, с. 129—130.

ствовии на короткий срок (не более 6 месяцев) и считавших своим главным занятием земледелие [40].

Примечательно, что большинство трудностей счетчики испытывали при получении ответов на вопрос о месте приписки. Крестьяне, жившие не на месте приписки, «обыкновенно оказывались в состоянии дать только верное указание губернии, уезда, волости и деревни (последнее не всегда); на вопрос же, к какому обществу они принадлежат, в большинстве случаев отзывались незнанием». Счетчику приходилось либо отмечать в переписном листе «сельское общество неизвестно», либо гадательно выводить название общества из названия деревни [41]. Ясно, что незнание деревни — это уже крайность, это уже полный распад всех и всяческих связей с ней, даже родственных и фискальных. Обычно же крестьяне забывали только название общества. Всего более это характерно для крестьян, переехавших в город: «Почти постоянно проживая в городе, не имея никакого отношения к крестьянским общественным делам, многие из них отказывались назвать общество, к которому принадлежат. Особенно это замечалось относительно крестьян, которые родились и живут в городах» [42].

Вопрос о перерастании крестьянского отхода в фактическое переселение глубже и подробнее будет рассмотрен в третьей главе.

Особенно ярко выступает роль неземледельческих переселений, если поставить перед собой задачу сочетать обобщенный анализ некоторых погубернских итогов миграции населения, содержащихся в ранее рассмотренных приложениях, с итогами поуездными, которые отражены в приложении 7. Поуездные данные о распределении неместных уроженцев [43] имеют важное историко-

---

[40] «В большие города приходили из деревни главным образом те сельские рабочие, которые в значительной степени оторвались от сельскохозяйственного производства и предполагали остаться в городе на долгое время» (*Панкратова А. М.* Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—90-е годы XIX в.). — «Исторические записки», 1955, т. 54, с. 207.

[41] Отчет уполномоченного по высочайшему повелению для объединения действия местных учреждений по первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях тайного советника Я. А. Плющевского-Плющика. — «Временник ЦСК МВД», 1898, № 45, с. 142. Еще более подчеркнуты эти затруднения в «Юбилейном сборнике Центрального статистического комитета»: «На вопрос о приписке большинство могло назвать губернию, уезд и волость, но общество, к которому они приписаны, могли назвать весьма немногие, нередко же случалось, что не могли назвать и деревни и волости, а иногда и уезда» (Юбилейный сборник ЦСК МВД. СПб., 1913, отд. II, с. 78).

[42] «Временник ЦСК МВД», 1898, № 45, с. 144. *Иванов Л. М.* О сословно-классовой структуре городов капиталистической России. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей к 85-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1971, с. 318—319.

[43] Не считая уроженцев других уездов, так как передвижения жителей в пределах губерний в общем несущественны для подведения итогов

географическое значение, так как способствуют несравненно более четкому выделению заселявшихся во второй половине XIX в. местностей.

Приложение 7 состоит из двух частей. В ходе отбора уездов для первой, основной, части и в процессе их систематизации мы руководствовались следующими признаками: 1) отбирались только те уезды, в которых уроженцы других губерний и государств составляют не менее 10% от общей численности наличного населения; 2) отобранные уезды располагались в порядке убывания в них абсолютного числа неместных уроженцев. Важно подчеркнуть необходимость сочетания именно обоих признаков. Нельзя, к примеру, располагать уезды в зависимости от процента неместных уроженцев[44]: тогда какой-нибудь округ острова Сахалина, играющий ничтожную роль в общем миграционном движении, может занять место впереди Московского и С.-Петербургского уездов, или Барнаульского округа Томской губ., или Майкопского отдела Кубанской обл.

Уезды, включенные в первую часть приложения 7, могут быть с полным основанием отнесены к категории «наиболее заселяемых уездов»; именно о них мы и будем говорить в дальнейшем. Во вторую, дополнительную, часть приложения вошли уезды с более низким процентом (менее 10%) пришлого населения, но с абсолютным числом неместных уроженцев свыше 10 тыс. человек. Об этих уездах мы будем упоминать только в немногих, специально оговоренных случаях.

Всего в Российской империи (без Великого княжества Финляндского) насчитывалось 764 уезда (óкруга, окрýги, отдела), включая Амурскую обл., которая не делилась на уезды, и два градоначальства Таврической губ., приравненные в материалах переписи к уездам — Керчь-Еникальское и Севастопольское. Из них в первую часть приложения 7 вошло 188 уездов (или 24,6%), а в обе части — 282 уезда (36,9%). Таким образом, за пределами приложения 7 остались 482 уезда, в которых доля неместных уроженцев в наличном населении не достигала 10%, а их абсолютное число не превышало 10 тыс. человек. Ясно, что такие уезды, как правило, не могут представлять какого-либо существенного интереса для исследователей переселенческого движения.

Однако, несмотря на отбор примерно лишь трети общего числа уездов, из 11 864 тыс. неместных уроженцев по всей стране в уездах, включенных в первую часть приложения 7, проживало 8420 тыс. человек (71,0%), а в уездах, включенных в обе части —

миграций населения в масштабе всей страны. Эти передвижения в достаточной мере учтены нами в приложениях 5 и 6 (в показателе подвижности населения и в сведениях о составе населения крупных городов).

[44] Проделанные вычисления позволяют расположить уезды и в таком порядке.

9027 тыс. человек (83,7%). Эти цифры лучше всего отражают значение предлагаемого списка уездов.

В приложении 7 можно различить следующие наиболее важные группы уездов: 1) уезды с крупными городами, промышленными и торговыми центрами; 2) уезды, в которых формировалось новое земледельческое население, осваивались новые земли. В некоторых уездах совмещались признаки, характерные для каждой из указанных групп. Отметим также и второстепенные группы: 1) уезды с большим числом военнослужащих — пограничные, с военными крепостями, с военно-морскими базами; 2) уезды с большим числом каторжан и ссыльнопоселенцев (например, округа острова Сахалина).

Переходя непосредственно к заключительной оценке материалов переписи 1897 г., мы должны заметить, что уезды с крупными городами и промышленными центрами занимают в нашем списке видное место. Так, среди первых десяти уездов шесть вовсе не связаны с земледельческой колонизацией (С.-Петербургский, Московский, Варшавский, Лодзинский, Киевский, Рижский), а один — связан лишь частично (Одесский). Даже многие губернии, почти не привлекавшие к себе жителей извне или имевшие отрицательный миграционный баланс, представлены в списке уездами с губернскими центрами.

Особое значение имели переселения крестьян в С.-Петербург и Москву. Столичные губернии — это район громадной иммиграции: по размерам прилива населения (+1272,1 тыс. человек) он занимает первое место среди других групп губерний (см. 9-ю графу приложения 3). Этот приток населения шел в основном из промышленных и неземледельческих губерний (806,5 тыс. переселенцев), отчасти из центрально-земледельческих (325,5 тыс. человек) и в гораздо меньшей степени — из западных (101,9 тыс. человек), прибалтийских губерний (82,4 тыс.) и с Крайнего Севера Европейской России (53,0 тыс. человек). Он означал рост почти исключительно городского населения: 1427,5 тыс. выходцев из других губерний и государств, обосновавшихся в столичных губерниях, проживали в городах и только 208,9 тыс. — в сельских местностях, часто в неземледельческих селениях. По подсчетам В. И. Ленина, городское население в столичных губерниях с 1863 по 1897 г. увеличилось на 141%, а сельское — всего на 18% [45].

В С.-Петербургском уезде проживало 793,0 тыс. неместных уроженцев, в Московском уезде — 562,3 тыс. человек, т. е. в общей сложности 11,4% ко всему числу неместных уроженцев в стране. Однако в столичных губерниях заселялись не только эти два уезда. Так, в Московской губ. пришлое население оседало также в восточных, наиболее развитых в промышленном отношении уездах — Богородском, Коломенском, Серпуховском и др.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 565.

В С.-Петербургской губ. к категории наиболее заселяемых относятся все уезды, кроме Гдовского и Новоладожского. Особенно много пришлого населения было сосредоточено в пригородных (по отношению к столице) Петергофском и Царскосельском уездах; в первом из них находилась крупная военно-морская база — Кронштадт.

Девять промышленных и неземледельческих губерний Европейской России (см. приложение 3) — это район значительной эмиграции (—1001,7 тыс. человек). Из этой группы губерний население передвигалось главным образом в С.-Петербургскую и Московскую губернии. В двух столичных губерниях, по данным переписи 1897 г., проживало 207,6 тыс. уроженцев Тверской губ., 130,2 тыс. — Ярославской, 106,0 тыс. — Калужской, 94,2 тыс. — Смоленской, 84,5 тыс. — Новгородской, 68,3 тыс. — Владимирской, 60,4 тыс. — Псковской, 40,8 тыс. — Костромской и 14,5 тыс. — Нижегородской губ. Если же исключить столичные губернии, то эмиграция из данного района на земледельческие окраины окажется довольно слабой и будет представлена отдельными второстепенными направлениями — из Калужской губ. в Екатеринославскую, Херсонскую, Киевскую и Область Войска Донского, из Смоленской в Екатеринославскую и Тобольскую, из Нижегородской в Самарскую и Томскую, из Владимирской в Самарскую. В новороссийских губерниях проживало всего лишь 69,9 тыс. выходцев из рассматриваемого района, в нижневолжских и восточных — 60,4 тыс., в Западной Сибири — 54,9 тыс., на Северном Кавказе — 21,6 тыс. «... В России, — писал В. И. Ленин, — стало уже всеобщим фактом то характерное для всех капиталистических стран явление, что положение рабочих в промышленности лучше положения рабочих в земледелии (ибо в земледелии к давлению капитализма прибавляется давление докапиталистических форм эксплуатации). Поэтому от земледелия и бегут к промышленности, тогда как из промышленных губерний не только нет течения к земледелию (переселений, например, из них вовсе нет), не замечается даже отношение сверху вниз к «серым» сельским рабочим...» [46]

Число наиболее заселяемых уездов в промышленных и неземледельческих губерниях весьма незначительно. Это, прежде всего, уезды с губернскими центрами — Калужский, Нижегородский, Новгородский, Смоленский, Ярославский, а также отдельные уезды с крупными промышленными городами и селами — Покровский и Шуйский Владимирской губ. (Иваново-Вознесенск, Кохма, Тейково, Шуя и другие фабрично-заводские центры), Балахнинский уезд Нижегородской губ., Рыбинский уезд Ярославской губ. В Костромской, Псковской и Тверской губерниях таких уездов вообще не было. В некоторых промышленных губерниях (особенно в Московской и Владимирской) на формирование постоянных кадров фабрично-заводского пролетариата и постоянного населения неземло-

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 267.

дельческих центров большое или даже решающее влияние оказывали передвижения жителей внутри губерний и внутри уездов[47].

Доминирующая роль крупных городов и иных промышленных пунктов отчетливо видна и в других наиболее заселяемых уездах нечерноземной полосы Европейской России, причем число этих уездов крайне невелико.

В уральских губерниях выделяется только Пермский уезд, а Вятская губ. не представлена в первой части приложения 7 ни одним уездом.

Также ни одним уездом не представлены все три губернии Крайнего Севера Европейской России. Такой слабый приток населения на Север заслуживает внимания потому, что в этом районе была невелика численность наличного населения, поэтому заметнее и незначительное число пришлых жителей. Аналогичное положение, как выяснится ниже, сложилось и на Крайнем Севере Азиатской России.

В прибалтийских губерниях, кроме трех уездов с губернскими центрами[48], следует выделить еще Гробинский уезд Курляндской губ. — с портом и крупной военно-морской базой Либава.

В западных губерниях пришлое население тоже устремлялось в уезды с губернскими центрами[49], в промышленный Белостокский уезд Гродненской губ., в уезды с военными крепостями — Двинский в Витебской губ. и Брестский Гродненской губ.

Наконец, в губерниях Царства Польского, указав на скопление довольно большого числа военнослужащих в некоторых пограничных уездах, следует обратить внимание на четыре уезда: Варшавский одноименной губернии, Лодзинский, Бендинский и Частоховский Петроковской губ. (Лодзинский текстильный район и район Домбровского каменноугольного бассейна).

Центрально-земледельческие, малороссийские и средневолжские губернии — это основной район эмиграции населения (2918,0 тыс. человек). По нашим данным из этих 13 губерний в 1870—1896 гг. ушли (без учета переселившихся в обратном направлении) свыше 3,4 млн. человек (сумма цифр 7-й и 9-й граф приложения 3), а по данным В. Г. Михайловского, которые приводит В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», с 1885 по 1897 г. отсюда ушло около 3 млн. человек — эти цифры хорошо согласуются друг с другом[50]. 692,6 тыс. человек переселились

[47] См.: *Тихонов Б. В.* Миграции фабрично-заводских рабочих в Шуйском уезде Владимирской губернии по материалам земской подворной переписи 1899 г. — В кн.: Историческая география России XII—начала XX в. М., 1975.

[48] Центр Курляндской губ. — город Митава — находился в Добленском уезде.

[49] Однако в Минской и Могилевской губерниях мы специально не выделяем даже уездов с губернскими центрами.

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 566; *Михайловский В. Г.* Указ. соч., с. 109. В. И. Ленин приводит также высказывание В. Г. Михайловского о том, что «в новейшей истории Западной Европы это движение не имеет себе равных».

в новороссийские губернии, 620,5 тыс. — на Северный Кавказ, 531,0 тыс. —в Западную Сибирь, 430,3 тыс. — в нижневолжские и восточные губернии, 375,2 тыс. — в столичные губернии. По словам В. И. Ленина, «крестьяне массами бегут из местностей с наиболее патриархальными хозяйственными отношениями, с наиболее сохранившимися отработками и примитивными формами промышленности, в местности, отличающиеся полным разложением «устоев» [51]. Мало того, отмеченное В. И. Лениным массовое бегство крестьян из губерний с наименьшим развитием капиталистических отношений наблюдалось даже внутри основного района выхода переселенцев, причем население передвигалось на юг и восток (см. в приложении 1 направления из Пензенской, Рязанской, Симбирской и Тамбовской губерний в Саратовскую, из Курской, Орловской и Полтавской в Харьковскую, из Орловской и Тамбовской в Воронежскую, из Рязанской в Тамбовскую и из Черниговской в Полтавскую).

Характерно, что в 13 рассматриваемых губерниях можно выделить только шесть наиболее заселяемых уездов. Во всех этих уездах были расположены крупные города, привлекавшие пришлое население: Казанский, Саратовский, Харьковский, Брянский Орловской губ., Кременчугский Полтавской губ. и Царицынский Саратовской губ. И здесь крестьяне, страдая от недостаточного развития капитализма, от его примитивных форм, от необычайно сложного переплетения и даже слияния капитализма с отработками и другими проявлениями полукрепостнической кабалы, бежали в крупные города, на фабрики и заводы (Брянский промышленный район). В Воронежской, Курской, Пензенской, Рязанской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Черниговской губерниях мы вообще не обнаружили ни одного уезда, который можно было бы включить в категорию наиболее заселяемых уездов, т. е. в первую часть приложения 7.

В юго-западных губерниях, которые лежали в стороне от основных миграционных потоков (см. об этом в заключении нашей работы), следует отметить, если отвлечься от некоторых пограничных уездов Волынской губ., лишь довольно значительный наплыв пришлого населения в Киевский уезд.

Новороссийские, нижневолжские и восточные губернии Европейской России, Северный Кавказ и Западная Сибирь — это наиболее важные районы образования нового земледельческого населения. В южные и восточные губернии Европейской России переселились (без учета выселившихся из них в другие группы губерний) свыше 1,9 млн. человек, в Западную Сибирь — около 1 млн., на Северный Кавказ — свыше 0,9 млн. человек. При этом на окраинах Европейской России население также передвигалось к югу и востоку (см. в приложении 1 крупные и средние направления миграции населения из Бессарабской губ. в Таврическую,

---

[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 590.

из Екатеринославской в Область Войска Донского, из Самарской в Оренбургскую и Уфимскую, из Уфимской в Оренбургскую). Кроме того, район внутренней земледельческой колонизации, который начал заселяться раньше и отличался большей плотностью населения, сам стал в конце XIX в. как бы базой для заселения Северного Кавказа, Западной Сибири и степных областей Средней Азии. Так появились крупные направления миграции населения из Екатеринославской губ. и Области Войска Донского в Кубанскую область. Отметим также средние направления: из Таврической и Херсонской губерний в Кубанскую область, из Оренбургской и Самарской губерний в Томскую, из Астраханской и Самарской — в Уральскую область, из Самарской — в Акмолинскую область. Эти передвижения населения заставляют вспомнить замечание В. И. Ленина об условности границы между внутренним и внешним рынками для капитализма [52].

Громадный рост земледельческого населения в упомянутых районах затемнил, но не приостановил процесса отвлечения населения от земледелия. Так, в новороссийских, нижневолжских и восточных губерниях Европейской России сельское население возросло с 1863 по 1897 г. на 87%, а городское — на 130% (т. е. немногим меньше, чем в столичных губерниях), в то время как во всей Европейской России городское население в течение этого же периода увеличилось на 97% [53]. Тот же самый процесс наблюдался, как мы уже выяснили, и на Северном Кавказе, и в Западной Сибири, и в других районах образования нового земледельческого населения.

Из приложения 3 следует, что основные районы массовой иммиграции населения, расположенные за пределами Европейской России, — Северный Кавказ и Западная Сибирь — почти не отличаются друг от друга ни по численности населения, ни по числу неместных уроженцев, ни по размерам прилива населения (соответственно +826,6 и +826,1 тыс. человек). Важнейшее значение для развития крестьянских переселений в Западную Сибирь (отчасти в степные области Средней Азии) и освоения сибирских рынков российским капитализмом имело завершение постройки западных участков Сибирской жел. дор.[54]

Привлечение поуездных данных позволяет нам подтвердить и уточнить различия, иногда весьма существенные, между губерниями, которые относятся к основным районам земледельческой колонизации.

Так, новороссийские губернии по особенностям заселения можно разбить на три подгруппы. Первую подгруппу образуют

[52] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.
[53] Там же, с. 565.
[54] См. составленную В. В. Покшишевским таблицу «Данные переписи 1897 г. о числе неместных уроженцев в губерниях Сибири из групп губерний Европейской России». — *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири..., с. 176.

густо заселенные к концу XIX в. Бессарабская и Херсонская губернии, в которых сравнительно высокий процент пришлого населения наблюдался только в трех уездах с крупными городами — Кишиневском, Одесском и Херсонском. Вместе с тем в большинстве уездов этих губерний приток населения мало заметен не потому, что его почти не было, а из-за многочисленности наличного населения. Вот почему все остальные уезды этих губерний, за исключением Оргеевского уезда Бессарабской губ., все же вошли в приложение 7, хотя только в его вторую, дополнительную часть.

Следующую подгруппу образуют Екатеринославская губ. и Область Войска Донского, в которых к числу наиболее заселяемых нами отнесены все уезды и округа, кроме двух — Новомосковского уезда и Усть-Медведицкого округа (они вошли во вторую часть приложения 7). Однако дальнейший отбор уездов с наибольшей численностью пришлого населения указывает на ослабление собственно земледельческой колонизации: Екатеринославский и Бахмутский уезды, Ростовский, Таганрогский, Черкасский и Донецкий округа имели крупные города либо заходили на территорию промышленного района Донецкого каменноугольного бассейна.

Третья подгруппа состоит из одной Таврической губ., в которой интенсивно осваивались все уезды, но особенно степные — Мелитопольский и Бердянский.

Из числа нижневолжских и восточных губерний Европейской России только в одной Оренбургской губ. все уезды отнесены нами к категории наиболее заселяемых; в Астраханской губ. к ним относятся лишь Астраханский и Черноярский уезды (местность вдоль берегов Волги), в Самарской губ. — Самарский и Новоузенский, в Уфимской губ. — Уфимский и Стерлитамакский. Некоторые местности почти не заселялись — таковы территории Калмыцкой степи, Внутренней Киргизской орды, Енотаевского и Красноярского уездов Астраханской губ., Мензелинского уезда Уфимской губ. Но в других местностях признаки земледельческой колонизации проявлялись гораздо сильнее, чем в новороссийских губерниях, а удельный вес пришлых жителей обычно был невелик из-за необыкновенно большой численности наличного населения в уездах Самарской и Уфимской губерний, где в большинстве случаев было от 300 до 500 тыс. человек в каждом уезде (см. примеры во второй части приложения 7).

На Северном Кавказе интенсивно заселялись все уезды (отделы, округа) Кубанской области, Ставропольской и Черноморской губерний, за исключением так называемой «территории кочующих народов» (калмыков) в Ставропольской губ. Особенно много пришлого населения осело в южной части Кубанской области (Лабинский и Майкопский отделы), а также в прилегающем к Азовскому и Черному морям — Темрюкском отделе. В Ставропольской губ. энергичнее всего заселялись ее западные и юго-

западные окраины, в первую очередь Новогригорьевский уезд. Исключительно высоким процентом неместных уроженцев (56—80%) характеризуются все три округа Черноморской губ., но и численность наличного населения в ней не достигала 58 тыс. человек, т. е. сама губерния являлась по существу небольшим уездом.

Несколько более пестрая картина наблюдалась в Терской области, где пришлое население было сосредоточено прежде всего в Пятигорском округе, а затем — во Владикавказском и на востоке области — в Кизлярском округе. Другие округа, расположенные в горах и предгорьях Кавказа, — Грозненский, Нальчикский, Сунженский и Хасав-Юртовский — во второй половине XIX в. заселялись мало.

В Западной Сибири к числу наиболее заселяемых относятся все округа Томской губ., особенно Барнаульский (261,1 тыс. неместных уроженцев), Бийский, Змеиногорский (кроме их горных частей) и Томский (кроме его северной части). В Енисейской и Тобольской губерниях заселялись главным образом те участки южных уездов, которые непосредственно примыкали к Сибирскому тракту и к железным дорогам — Сибирской магистрали и дороге Пермь—Тюмень. Это — Ишимский, Тарский, Тюкалинский и Тюменский округа Тобольской губ., Минусинский, Ачинский, Канский и Красноярский уезды Енисейской губ. Как и в Европейской России, поражает крайне медленный приток населения в неосвоенные северные районы — Березовский, Сургутский, Тобольский и Туринский округа Тобольской губ., Усинский уезд и Туруханский край Енисейской губ.[55]

Гораздо более слабым во второй половине XIX в. был прилив населения во второстепенные районы земледельческой колонизации — в области Восточной Сибири и Дальнего Востока (+246,6 тыс. человек) и степные области Средней Азии (+196,5 тыс. человек).

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке наметились три основных очага формирования нового земледельческого населения: 1) округа Иркутской губ., по которым проходил Сибирский тракт (Балаганский, Иркутский, Нижнеудинский); 2) южные участки Амурской области; 3) Южно-Уссурийский округ и (в меньшей степени) Хабаровская, Уссурийская и Удская округи Приморской области. Очень высокий процент неместных уроженцев был во всех трех округах острова Сахалина — широко известного места ссылки.

Между Иркутской губ. и Амурской областью находится слабо заселявшаяся Забайкальская область. Опять-таки, как и в Западной Сибири, поразительно ничтожным был приток населения в необжитые северные районы — Якутскую область (за исключе-

[55] Например, в обширном Туруханском крае на 11 тыс. человек наличного населения приходилось 136 неместных уроженцев.

нием пригодных для земледелия участков Олекминского округа), Анадырскую, Гижигинскую, Командорскую, Охотскую и Петропавловскую окру́ги Приморской области[56].

В степных областях Средней Азии осваивались почти исключительно их северные уезды — Кокчетавский, Омский и Петропавловский (Акмолинской области), Кустанайский (Тургайской) и Уральский — Уральской области. Более широкое заселение целинных земель развернулось только в начале XX в.

Еще слабее был прилив населения в два района, где выходцы из различных местностей России оседали преимущественно в городах, — речь идет о губерниях и областях Закавказья (+119,0 тыс. человек) и Туркестана (+135,6 тыс. человек).

Губернии и области Закавказья по степени и особенностям заселения иногда резко отличаются друг от друга. В Елисаветпольской и Эриванской губерниях нельзя особо выделить ни одного заселяемого уезда. В Бакинской и Тифлисской губерниях, а также в Дагестанской области заселялись уезды с губернскими центрами; наиболее значительным был прилив населения в Баку и Тифлис. В Карсской области высокий процент неместных уроженцев характерен для всех округов, но он связан главным образом с наличием большого числа иностранных подданных и с размещением в области вооруженных сил. Наконец, в Кутаисской губ. заселялось Черноморское побережье — Батумский и Сухумский округа. Различны и результаты миграций: Карсская область, Бакинская и Тифлисская губернии дают положительный миграционный баланс, а Дагестанская область, Елисаветпольская, Кутаисская и Эриванская губернии — отрицательный.

Напротив, все области Туркестана дают положительный миграционный баланс, но в трех из них — Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской — ни один уезд не может быть отобран для включения в первую часть приложения 7; упомянем только о приливе населения в Ташкент. В Закаспийской области высокий процент неместных уроженцев наблюдался во всех уездах, кроме Мангышлакского, расположенного исключительно в зоне пустынь. При этом пришлое население было сконцентрировано в немногих оазисах, в городах и поселках по линии Закаспийской железной дороги. В Семиреченской области наряду с приливом жителей в города (например, Верный) происходило также формирование новых земледельческих поселков.

В заключение напомним, что по данным переписи 1897 г. нельзя определить размеров эмиграции населения из России. Чистый отлив русских подданных за границу в 1860—1889 гг. составил 1128,6 тыс. человек, или 37,6 тыс. человек в год. Согласно другим, менее точным сведениям, размеры этого отлива возрастали от десятилетия к десятилетию: 195,3 тыс. человек

---

[56] Так, в Анадырской окру́ге на 12 тыс. жителей приходилось 43 неместных уроженца.

в 1861—1870 гг., 366,8 тыс. в 1871—1880 гг., 412,2 тыс. в 1881—1890 гг. и 724,7 тыс. человек в 1891—1900 гг. По более точным, хотя и примерным подсчетам, в последнее десятилетие XIX в. число эмигрантов из России и долгосрочно отсутствующих русских подданных составляло 769 тыс. человек, из которых в США проживало 444 тыс., в Англии — 50 тыс., в других зарубежных странах Европы — 35 тыс., в странах Азии — 30 тыс., в Канаде — 23 тыс., в Аргентине — 10 тыс., в Бразилии — 9 тыс., в Южной Африке — 6 тыс. человек и т. д.[57]

Районы выхода эмигрантов охватывали губернии, население которых весьма слабо участвовало во внутренних миграциях жителей Российской империи, — это Царство Польское, прибалтийские губернии, Великое княжество Финляндское.

Таковы главные итоги и направления миграций населения России во второй половине XIX в. Однако материалы переписи 1897 г. позволяют изучить также миграции наемных рабочих и тем самым в известной степени уточнить социальный состав переселенцев и результаты переселенческого движения, поскольку они связаны с развитием капитализма, с формированием кадров промышленного и сельскохозяйственного пролетариата в заселяемых районах.

---

[57] *Оболенский В. В. (Осинский).* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928, с. 11, 19, 20.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ МИГРАЦИЙ РАБОЧИХ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Значение данных переписи 1897 г. о неместных уроженцах как источника для изучения миграций рабочих определяется двумя особенностями ее материалов. Во-первых, перепись производилась в разгар зимы, когда население в целом было наименее подвижным; зарегистрированные ею неместные уроженцы, как мы уже установили, в подавляющем большинстве являлись не временно пребывающими в месте переписи, а лицами, переселившимися из одной губернии в другую (или из других государств в Россию) на постоянное жительство или хотя бы на бо́льшую часть года.

Во-вторых, перепись отнесла к рабочим (без членов их семей) только лиц, считавших работу по найму своим главным занятием, и производилась в то время, когда почти отсутствовали сезонные миграции сельскохозяйственных рабочих, а размеры неземледельческого отхода также не были максимальными (его максимум обычно падает на весенний сезон). Поэтому перепись сильно преуменьшила численность наемных рабочих, по-видимому, не менее чем вдвое (по приблизительным подсчетам, из 10 млн. только в Европейской России перепись 1897 г. зарегистрировала, принимая во внимание лишь те формы наемного труда, которые учтены В. И. Лениным[1], всего 4,9 млн. рабочих). Отсеву подверглись в первую очередь временные и вообще отхожие рабочие, связанные с земледелием и субъективно не считавшие работу по найму своим главным занятием, даже если она давала им основной доход. И среди рабочих вообще, и среди рабочих — неместных уроженцев перепись учла в основном лиц, постоянно занятых работой по найму[2].

Между этими двумя особенностями существует непосредственная логическая связь: пришлые рабочие могли считаться постоянными, как правило, лишь тогда, когда они переселялись из

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 582.

[2] По мнению А. Лосицкого, перепись 1897 г. зарегистрировала рабочими людей, «для которых продажа рабочей силы составляет исключительный или, по крайней мере, главный заработок, а связь с землей, безусловно, отступает на задний план» (*Лосицкий А.* Этюды о населении России по переписи 1897 г. — «Мир Божий», 1905, № 8, с. 242). Статья А. Лосицкого была отмечена В. И. Лениным во втором издании «Развития капитализма в России» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 505).

одной губернии в другую, где и были зарегистрированы в качестве рабочих, на постоянное жительство. Не исключено, конечно, что некоторые из них оказывались в силу каких-либо причин временно пребывающими в месте переписи.

Данные переписи 1897 г. о миграциях рабочих, как уже упоминалось во введении, изучены слабо. В некоторых исследованиях (например, в книгах С. А. Короленко и А. В. Погожева) [3] для изучения миграций рабочих привлечены иные источники. Особый интерес для нас представляет книга Короленко, так как он конкретно наметил «магистральные» пути передвижений рабочих.

С. А. Короленко систематизировал ответы сельских хозяев на третий вопрос анкеты, разосланной разновременно в течение 80-х годов XIX в. Департаментом земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ: «Если для земледельческих работ нанимаются пришлые рабочие, то откуда они, главным образом, приходят? Если же, наоборот, рабочие из данной местности уходят на земледельческие заработки, то куда именно и в большом ли числе?» [4]. Помимо анкеты, он изучил и другие источники — данные официальной и земской статистики, благодаря которым он смог отчасти проследить передвижения и промышленных рабочих [5]. В приложении 7 к общему обзору «Свод данных... о занятиях населения, не поддающихся точным цифровым определениям по недостатку сведений» он обобщил показания этих источников и установил для каждой из 50 губерний Европейской России: 1) свободный остаток (или недостаток) рабочих; 2) какие занятия находит себе свободный остаток рабочих (или причины, увеличивающие недостаток рабочих рук); 3) уходят ли рабочие в другие губернии (или приходят из других), на какие промыслы и в каком количестве (очень приблизительно — в «значительном» либо «незначительном» количестве) [6].

С. А. Короленко наметил важнейшие направления межгубернских передвижений временных, сезонных рабочих самых разнообразных специальностей. Эти рабочие не переселялись на постоянное жительство, а обычно уходили из дому на короткий срок, лишь меньшинство их отсутствовало дома свыше полугода, т. е. с весны до глубокой осени. Многие из них, в отличие от рабочих, зарегистрированных переписью 1897 г., не считали работу

---

[3] Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. Составитель и автор предисловия С. А. Короленко. СПб., 1892; *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906.

[4] *Короленко С. А.* Указ. соч., с. VII.

[5] Там же, с. XX.

[6] Там же, приложения к общему обзору, с. 105—137.

по найму своим главным занятием. Говоря о передвижениях рабочих в промышленные губернии, Короленко либо вовсе не упоминал о фабрично-заводских рабочих, либо упоминал о них в самой общей форме, либо указывал опять-таки на сезонные производства (свеклосахарные и кирпичные заводы, золотые прииски). Это и понятно: фабрично-заводская промышленность, особенно крупная, предъявляла спрос прежде всего не на временных, а на постоянных квалифицированных рабочих.

Изредка Короленко как бы случайно упоминал о переселениях рабочих на постоянное жительство (например, из Курляндской и Лифляндской губерний в соседние и, кроме того, даже в Оренбургскую и Уфимскую губернии) [7], но соответствующих направлений миграции рабочих не намечал. Характеризуя передвижения сельскохозяйственных рабочих, он писал: «Несомненно, что население южных и восточных губерний с каждым годом увеличивается как вследствие естественного прироста, так и переселения, а следовательно, и потребность в пришлых рабочих из года в год должна сокращаться. И действительно, теперь уже весенние полевые работы в этих губерниях производятся почти исключительно местными рабочими, и нужда в пришлых бывает только во время уборки хлебов, и то лишь в урожайные годы» [8]. Это высказывание как нельзя лучше раскрывает принципиальную разницу между данными Короленко и данными переписи 1897 г.: для Короленко рабочие, переселившиеся в южные и юго-восточные губернии Европейской России на постоянное жительство, уже не являлись пришлыми, а для нас они являются таковыми (неместными уроженцами).

А. В. Погожев определил по неопубликованным материалам фабричной инспекции (данным анкеты 1902 г.) число пришлых рабочих в 50 губерниях Европейской России на промышленных предприятиях с 6 и более рабочими. Среди обследованных предприятий имелись, несомненно, и мелкие ручные заведения, но число рабочих в них крайне невелико, и мы вправе без каких-либо изъятий отнести цифры Погожева к фабрично-заводскому пролетариату. Эти сведения представляют большой интерес, хотя и не лишены известных недостатков, так как были собраны в разное время года и не по единой программе. Под пришлыми рабочими иногда подразумевались только уроженцы других губерний и уездов, иногда же к ним присоединялись и уроженцы более или менее отдаленных волостей того уезда, в котором находилось предприятие [9]. Кроме того, 1902 г. в противоположность 1897 г. не был годом процветания или хотя бы нормального развития промышленности.

---

[7] *Короленко С. А.* Указ. соч., Приложения к общему обзору, с. 111, 129, 135.
[8] Там же, с. 83.
[9] *Погожев А. В.* Указ. соч., с. 92.

В отличие от сведений Короленко сведения Погожева относятся не к временным (сезонным), а к постоянным рабочим, в подавляющем большинстве оторванным от земледелия и круглый год работающим на фабриках и заводах. Следует подчеркнуть, что в статистико-экономических изданиях дореволюционной России многие постоянные фабрично-заводские рабочие объединялись вместе с временными в одну группу отхожих рабочих, так как сохраняли родственные и фискальные связи с деревней и обязаны были при поступлении на предприятия иметь паспорта зачастую даже в том случае, если были приписаны к соседней деревне.

Сопоставляя данные переписи 1897 г. с данными Короленко о передвижениях рабочих в 80-е годы и Погожева — о числе пришлых рабочих в обрабатывающей промышленности в 1902 г., можно подметить следующую закономерность. Погожев обосновывал существование в России «особого класса людей», занятых исключительно фабричным трудом, используя сведения о *постоянных* рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, а перепись 1897 г. выявила прежде всего *постоянные* кадры среди более широкого круга наемных рабочих, отсеяв из их числа в первую очередь всех *временных*, *сезонных* и вообще наиболее связанных с землей рабочих, передвижения которых рассмотрены в книге Короленко.

1

Важнейшие итоги передвижений рабочих (данные по всей стране). Методика определения основных направлений

Всего полнее и разностороннее систематизированы материалы переписи 1897 г. о неместных уроженцах среди рабочих в сборнике «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», изданном Центральным статистическим комитетом в 1905 г. Некоторые дополнительные сведения приведены В. Степановым в предисловии к сборнику «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», изданному тем же комитетом в 1906 г. по специальному заданию Министерства финансов. Так как общее число рабочих в обоих сборниках почти совпадает (9 156 080 человек в первом и 9 151 671 — во втором), то содержащиеся в них сведения возможно комбинировать с целью определить число неместных уроженцев среди отдельных категорий рабочих.

Вначале ознакомимся с некоторыми сводными данными о числе неместных уроженцев среди всех наемных рабочих и среди рабо-

чих различных категорий (мужчин и женщин отдельно). Значение этих данных определяется не только тем, что на их основе намечаются направления передвижений рабочих, но и тем, что они сами по себе отражают в наиболее общей форме, в масштабе всей страны, важнейшие результаты миграций постоянных рабочих.

Сведения о числе неместных уроженцев среди всех рабочих (см. табл. 10, приложения 9 и 11) мы заимствуем из сборника «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения...», в котором сообщается: 1) число неместных уроженцев в каждой губернии; 2) из каких губерний они переселились. Однако распределение неместных уроженцев по категориям рабочих в этом сборнике отсутствует.

Таблица 10

Число неместных уроженцев среди всех наемных рабочих (включая прислугу)

	Мужчины	Женщины	Всего
Рабочие, занятые в промышленности, на транспорте, в торговле, сельском хоз-ве; поденщики, чернорабочие и прислуга	6 333 885	2 820 735	9 154 620
В том числе			
уроженцев других губерний	1 873 191	650 220	2 523 411
уроженцев других государств	127 646	15 588	143 234
Итого неместных уроженцев	2 000 837	665 808	2 666 645
В % к общему числу рабочих	31,6	23,6	29,1

Источник. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения..., таблица II. Из общего числа рабочих исключены русские в Финляндии, Бухаре и Хиве, а также рабочие, находившиеся в заграничном плавании и на военных судах (всего 1460 человек).

Неместные уроженцы составляли 29,1% общего числа наемных рабочих, причем среди мужчин процент неместных уроженцев был гораздо выше, чем среди женщин (эта закономерность проявляется во всех категориях рабочих). Б. П. Кадомцев писал, что подвижность рабочих в России «не находит себе равной ни в одном государстве Зап. Европы и может быть сопоставлена лишь с подвижностью рабочего класса Северо-Американских Соединенных Штатов» [10]. Подвижность рабочих в России примерно в три раза превосходила подвижность населения России вообще: если учтенные переписью рабочие (без членов их семей) составляли только 7,3% населения страны, то неместные уроженцы среди них

[10] *Кадомцев Б. П.* Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. (Критико-статистический этюд). СПб., 1909, с. 67.

составляли 22,5%[11] всех уроженцев других губерний и других государств, зарегистрированных переписью. В условиях нарастающей земледельческой колонизации обширных слабозаселенных и незаселенных территорий и принимая во внимание, что в число неместных уроженцев вошли также военнослужащие и ссыльные, последнюю цифру нужно признать очень высокой. Ее следует запомнить, так как впоследствии она будет использована для развернутого сравнения основных направлений миграции рабочих и населения вообще.

Необходимость такого сопоставления вытекает из еще одного существенного различия между данными С. А. Короленко и данными переписи 1897 г. Когда Короленко выясняет, откуда и куда передвигались рабочие, он может быть вполне уверен в том, что имеет дело исключительно с лицами, которые направлялись из одной губернии в другую в поисках заработка. Правда, не все они действительно находили работу, некоторые пополняли ряды безработных, но все они уезжали из дому с указанной определенной целью. У нас такой уверенности быть не может. Однако этот недостаток данных переписи 1897 г. весьма относителен, и мы не склонны односторонне преувеличивать его значение. Высокий процент рабочих среди неместных уроженцев (22,5%) означает, что даже если многие переселенцы и не являлись рабочими непосредственно в момент переселения, то они, как правило, принадлежали к низшей группе крестьянства — к беднякам, полупролетариям, неспособным обзавестись собственным хозяйством на новом месте, окончательно разорившимся в итоге переселения. Именно поэтому работа по найму стала для них единственным или по крайней мере главным источником существования. Таким образом, в любом случае наши данные характеризуют в определенной мере социальный состав переселенцев и результаты миграций, но вместе с тем употребляемое нами выражение «миграции рабочих» не следует понимать слишком буквально. Странно, что эта любопытная особенность данных переписи 1897 г. совершенно не привлекла к себе внимания исследователей, рассматривающих абсолютно изолированно друг от друга только либо передвижения населения вообще, либо передвижения рабочих.

Сведения о числе неместных уроженцев среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле, приведены в предисловии В. Степанова (см. табл. 11, приложения 10 и 11). Он распределил неместных уроженцев по губерниям их пребывания, но не распределил их по месту рождения. Кроме того, мы лишены возможности указать число неместных уроженцев по различным отраслям обрабатывающей и горнозаводской промышленности. Среди рабочих этих категорий насчитывалось крайне мало женщин, а процент неместных уроженцев и у мужчин, и у женщин был выше, чем в любой другой категории рабочих.

[11] См. таблицу 4 (глава 1) о численности наличного населения и неместных уроженцев.

Таблица 11

Число неместных уроженцев среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле

	Мужчины	Женщины	Всего
Рабочие, занятые в промышленности, на транспорте и в торговле	2 776 503	445 062	3 221 565
В том числе			
уроженцев других губерний	1 035 572	134 010	1 169 582
уроженцев других государств	52 481	2 106	54 587
Итого неместных уроженцев	1 088 053	136 116	1 224 169
В % ко всем рабочим	39,2	30,6	38,0

Источник. Численность и состав рабочих в России. . ., т. 1, с. XV.

Рабочие-мужчины, занятые в промышленности, на транспорте и в торговле, составляли 43,8% общего числа наемных рабочих-мужчин, а неместные уроженцы среди них — 54,4% общего числа неместных уроженцев также среди всех рабочих-мужчин. У женщин соответствующие показатели равнялись 15,8 и 20,4%. По сведениям А. В. Погожева, правда, относящимся к 1902 г. и не вполне однородным с нашими ввиду иной интерпретации признаков пришлых рабочих, — чем крупнее было промышленное предприятие, тем большее участие принимали в нем пришлые рабочие (табл. 12, данные по 50 губерниям Европейской России).

Таблица 12

Распределение пришлых фабрично-заводских рабочих в Европейской России по группам заведений (1902 г.)

Группа заведений по числу рабочих	Число заведений	Всего рабочих	Пришлые рабочие	% пришлых рабочих
От 6 до 10 рабочих	2 996	23 404	6 634	28,3
» 11 » 20 »	2 858	43 162	15 778	36,6
» 21 » 49 »	2 976	93 973	40 167	42,7
» 50 » 499 »	3 179	478 181	259 453	54,3
» 500 » 999 »	294	201 528	101 094	50,2
1000 рабочих и более	289	695 594	382 096	54,9
Всего	12 592	1 535 842	805 222	52,4

Источник. *Погожев А. В.* Указ. соч., с. 96.

Концентрация пришлых рабочих на крупных и средних предприятиях тесно связана с характерной для русской фабрично-заводской промышленности высокой концентрацией производства: «Чем крупнее фабрика, тем сильнее и быстрее сосредоточивает она все большую часть рабочего люда, в то же время стягивая

к себе и наибольшую долю общей его численности»[12]. Следует отметить высокий процент пришлых рабочих в предприятиях, занятых обработкой металлов (64,4%).

В. И. Ленин на примере России убедительно показал, что если первые две стадии развития промышленности — мелкие промыслы и мануфактура — обычно сочетаются с оседлостью населения, то «напротив, крупная машинная индустрия необходимо создает подвижность населения. . ., создает ряд новых индустриальных центров, которые с невиданной раньше быстротой возникают иногда в незаселенных местностях,— явление, которое было бы невозможно без массовых передвижений рабочих»[13].

Для определения числа пришлых рабочих по группам губерний используем также погубернские данные Погожева (табл. 13).

Таблица 13

Распределение пришлых фабрично-заводских рабочих по группам губерний Европейской России (1902 г.)

№ п/п	Группы губерний	Всего рабочих	Пришлые рабочие	% пришлых рабочих
1	Столичные	423 039	315 103	74,5
	В том числе в С.-Петербурге и в Москве	223 040	201 234	90,2
2	Промышленные и неземледельческие	330 266	141 023	42,7
3	Прибалтийские	73 075	45 958	62,9
4	Западные	50 272	18 996	37,8
5	Уральские	109 190	28 830	26,4
6	Крайнего Севера	18 794	9 130	48,6
7	Юго-Западные	95 244	25 511	26,8
8	Центрально-земледельческие	95 497	23 866	25,0
9	Малороссийские	64 450	27 397	42,5
10	Средневолжские	56 367	20 734	36,8
11	Новороссийские	177 215	132 013	74,5
12	Нижневолжские и восточные	42 433	16 661	39,5
	Итого в 50 губ. Европейской России	1 535 842	805 222	52,4

Источник. *Погожев А. В.* Указ. соч., с. 94—95.

Следовательно, наивысший и притом одинаковый (74,5%) процент пришлых рабочих наблюдался, с одной стороны, в столичных губерниях, благодаря интенсивному притоку крестьян в Москву и С.-Петербург, а с другой — в заселяемых новороссийских губерниях, где возникали новые промышленные центры (Донбасс). Только в этих двух районах и в прибалтийских губерниях рассматриваемый показатель был выше среднего по Европейской России. Характерно также, что по самому низкому проценту приш-

[12] *Погожев А. В.* Указ. соч., с. XV.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 549.

Таблица 14

Число неместных уроженцев среди сельскохозяйственных рабочих

	Мужчины	Женщины	Всего
Всего сельскохозяйственных рабочих	1 969 453	753 170	2 722 623
В том числе			
уроженцев других губерний	341 446	64 110	405 556
уроженцев других государств	31 349	3 744	35 093
Итого неместных уроженцев	372 795	67 854	440 649
В % ко всем рабочим	18,9	9,0	16,2

Источник. Численность и состав рабочих в России. . ., т. 1, с. XIX.

лых рабочих (25,0%) выделялся один из основных районов выхода переселенцев — центрально-земледельческие губернии.

В упомянутом предисловии В. Степанова содержатся и сведения о числе неместных уроженцев в 1897 г. среди сельскохозяйственных рабочих, причем на этот раз неместные уроженцы не распределены даже по губерниям (см. табл. 14).

На 2 132 899 рабочих, занятых собственно земледелием, приходилось только 325 320 неместных уроженцев (15,3%), а из 411 817 рабочих, занятых в животноводстве, лишь 53 223 человека (12,9%) показали себя неместными уроженцами. Такой низкий процент неместных уроженцев объясняется тем, что перепись производилась зимой, и тем, что сезонные сельскохозяйственные рабочие, имевшие свое хозяйство, зачастую считали своим главным занятием земледелие либо животноводство вообще, а работу по найму относили к побочным занятиям. Даже сезонные сельскохозяйственные рабочие, все же считавшие работу по найму главным занятием, были, как правило, переписаны в тех губерниях, где они проживали постоянно и где они родились, а не в тех губерниях, куда они отправлялись в отход весной или осенью. В результате они не попадали в разряд неместных уроженцев. В этот разряд попали преимущественно сельскохозяйственные рабочие, переселившиеся на постоянное жительство из центральных губерний Европейской России в южные и юго-восточные губернии, губернии и области Северного Кавказа и др.

В лесных промыслах и лесоводстве на 84 714 рабочих приходилось 26 884 неместных уроженца (31,7%), т. е. подвижность рабочих была весьма значительной. Зима являлась удобным временем для довольно полной регистрации рабочих лесной промышленности ввиду отхода многих из них на рубку леса.

Сведения о неместных уроженцах среди поденщиков, чернорабочих и прислуги отсутствуют в обоих сборниках Центрального статистического комитета, но, зная общее число неместных уроженцев и их распределение между различными категориями рабочих (в предыдущих таблицах), мы можем легко восполнить этот пробел (см. табл. 15).

Таблица 15

Число неместных уроженцев среди поденщиков, чернорабочих и прислуги

	Мужчины	Женщины	Всего
Всего поденщиков, чернорабочих и прислуги	1 586 027	1 621 456	3 207 483
В том числе			
уроженцев других губерний	496 173	452 100	948 273
уроженцев других государств	43 816	9 738	53 554
Итого неместных уроженцев	539 989	461 838	1 001 827
В % ко всем рабочим	34,0	28,5	31,2

Зарегистрированные переписью 1897 г. поденщики, чернорабочие и прислуга в подавляющем большинстве постоянно работали по найму в городских и негородских индустриальных и торгово-промышленных центрах, часто проживая за пределами тех губерний, в которых они родились. Процент неместных уроженцев среди этой категории рабочих был выше средней нормы и немногим ниже, чем среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле.

Таковы некоторые общие сведения, характеризующие важнейшие результаты миграций постоянных рабочих и необходимые для более глубокого понимания распределения главных миграционных потоков. Основные направления межгубернских миграций рабочих, по данным переписи 1897 г., намечены нами в зависимости от миграционного баланса. Из двух теоретически возможных, параллельных, но ведущих в противоположные стороны направлений миграции рабочих мы отбирали лишь одно — наиболее крупное. Размеры направлений также определялись не общим числом рабочих, переселившихся в данном направлении, — абсолютным числом неместных уроженцев, а их относительным числом, т. е. за вычетом числа рабочих, переселившихся в обратном направлении (см. приложение 8). Этим способом мы решаем две задачи: во-первых, выявляем наиболее крупные направления; во-вторых, в каждом отдельном случае ставим их размеры в зависимость также от степени концентрации передвижения рабочих в том или ином направлении, что имеет особое значение для исследования процесса складывания внутреннего рынка на рабочую силу. Иными словами, размеры направлений определяются результатом миграций, так как относительное число неместных уроженцев является важнейшим показателем, характеризующим итоги миграций, влияние миграций на изменение численности и состава населения губерний. Сплошной отбор в масштабе всей страны всех направлений без учета совокупности этих факторов только затемняет важнейшие закономерности миграций постоянных рабочих. Он не отделяет главных потоков передвижения рабочих от второстепенных и гораздо хуже оттеняет

их связь с наиболее общими условиями формирования рынка на рабочую силу. Погоня за полнотой учета всех более или менее крупных передвижений рабочих может неожиданно обернуться «хаосом», от которого с таким трудом избавился Короленко.

После детального анализа ответов на анкету Департамента земледелия и сельской промышленности и широкого круга других источников, Короленко пришел к выводу о хаотичности ежегодных передвижений рабочих и о резких, неожиданных не соответствующих состоянию рынка на рабочую силу колебаниях размера сезонных миграций рабочих в различные годы. «Никем и ничем, кроме молвы о более или менее удачных заработках в предыдущем году в той или другой местности, не регулируемое и не направляемое ежегодное передвижение рабочих ведет в большинстве случаев к крайне неравномерному и несообразному с требованием распределению рабочих... Отхожие промыслы отличаются крайней беспорядочностью передвижения рабочих не только между отдельными уездами, но даже между целыми губерниями. Сплошь и рядом встречаются губернии, принимающие рабочих из других губерний и в то же время отпускающие своих рабочих в другие места. Немало также губерний и уездов, обменивающихся рабочими» [14].

Особенно выделялись своей хаотичностью, по мнению Короленко, сезонные миграции сельскохозяйственных рабочих; в неземледельческой полосе отхожие промыслы, сосредоточенные главным образом в определенных промышленных центрах, характеризовались большей устойчивостью направлений. Нередко в центрально-земледельческих губерниях вследствие чрезмерного отхода сельскохозяйственных рабочих на юг землевладельцам и хозяевам промышленных предприятий приходилось нанимать рабочих из других губерний. Этому явлению, подмеченному Короленко, придавал большое значение В. И. Ленин: «Изучение передвижения рабочих (г. С. Короленко...) показало то оригинальное и важное явление, что из многих мест выхода рабочие уходят в таком большом количестве, что в этих местах получается недостаток рабочих, восполняемый приходом рабочих из других мест. Значит, уход рабочих выражает не только стремление населения равномернее распределиться по данной территории, но и стремление рабочих уйти туда, где лучше»[15]. В. И. Ленин отметил и такой «парадокс», как приход земледельческих рабочих из земледельческих в неземледельческие губернии взамен уходящих отсюда промышленных рабочих[16]. Подводя итоги изучению трех стадий развития капитализма в русской промышленности, В. И. Ленин на примере уездов Московской губ. подтвердил, что аналогичное стремление уходить туда, где лучше, где выше заработная плата, определяло и передвижения промышленных рабо-

---

[14] *Короленко С. А.* Указ. соч., с. 86, 92.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 233—234.
[16] Там же, с. 266—267.

чих и что наибольшим процентом пришлых рабочих отличались как раз наиболее промышленные уезды губернии. В связи с этим он вновь говорил об ошибочности взглядов народников-экономистов, отрицавших прогрессивность отхожих промыслов и создаваемой капитализмом подвижности населения [17].

Несмотря на всю беспорядочность отхода рабочих, Короленко сумел, выявляя только случаи межгубернских миграций, выделить «магистральные», по его выражению, пути массового движения рабочих, которые он нанес на приложенную к книге карту [18]. Фактически из двух параллельных направлений миграции рабочих он обычно отбирал одно — наиболее крупное, основное, «магистральное», и единственное существенное отличие его методики от нашей сводится к тому, что, не располагая сколько-нибудь точными количественными показателями, характеризующими размеры направлений, он вынужден был производить отбор приблизительно. Нельзя не заметить и другое. Примеры, когда Короленко сохранял на карте оба параллельных направления, часто являются спорными и неубедительными. Так, наряду с действительно «магистральными» направлениями, ведущими из Новгородской и Эстляндской губерний в С.-Петербургскую, он оставил и противоположные направления только по той причине, что из последней губернии «бывают случаи ухода рабочих в Эстляндскую и Новгородскую (пастухи) губ.» [19] Поэтому, хотя им и выделено больше направлений, чем это сделано нами, у нас нет убедительных оснований считать все намеченные им направления достаточно крупными, отражающими по-настоящему массовые передвижения рабочих и достойными называться «магистральными».

Таким образом, хаотичность передвижений временных рабочих связана с временными колебаниями спроса и предложения на рабочие руки в различных местностях страны, с неравномерностью развития капитализма в различных отраслях промышленности и земледелии. Впечатление хаотичности значительно усиливается, если исследователь располагает крайне приблизительными данными о передвижениях рабочих не за год, а за несколько лет, и выход может быть только один, найденный Короленко: примерное выделение важнейших потоков передвижения рабочих. Переселения рабочих из одних губерний в другие на постоянное жительство меньше зависят от этих временных колебаний, в большей степени определяются наиболее типичными, постоянными условиями складывания внутреннего рынка на рабочую силу.

Действительно, рассматривая особенности миграций рабочих по данным переписи 1897 г., мы легко убеждаемся в том, что

---

[17] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 549—550.

[18] См.: *Короленко С. А.* Указ. соч., с. 92—93. См. также карту передвижения земледельческих рабочих, приложенную к работе: *Чаславский В. И.* Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. — В кн.: Сборник государственных знаний, т. 2. СПб., 1875.

[19] См.: *Короленко С. А.* Указ. соч., приложения к общему обзору, с. 133.

передвижения постоянных рабочих гораздо менее хаотичны, чем передвижения сезонных рабочих, изученные Короленко, и чем передвижения жителей в целом. Судя по приложению 8, относительное число неместных уроженцев среди рабочих для подавляющего большинства направлений, в первую очередь крупных и средних, лишь незначительно отличается от абсолютного числа. В итоге распределение основных направлений миграции рабочих по разрядам в зависимости от относительного, а не абсолютного числа неместных уроженцев обычно почти не влияет на их размеры, взаимно же уничтожаются только некоторые мелкие и отдельные средние направления. Нам почти не удалось обнаружить губерний, между которыми происходил бы сколько-нибудь широкий обмен постоянными рабочими. Сопоставление миграций рабочих и населения вообще показывает, что передвижения рабочих, как правило, сильнее, отчетливее сконцентрированы в одном из двух возможных направлений и что обмен населением между соседними губерниями обычно более значителен, чем обмен рабочими (табл. 16) [20].

Таблица 16

Интенсивность обмена населением вообще и рабочими между некоторыми соседними губерниями

Направления миграций населения вообще и рабочих (губерния)		Абсолютное число неместных уроженцев		Миграционный баланс	
Куда	Откуда	всего	рабочих	всего	рабочих
Московская	Калужская	85 952	47 144	75 745	46 078
С.-Петербургская	Новгородская	81 720	45 462	70 041	44 047
С.-Петербургская	Псковская	59 200	30 993	53 269	30 522
Пермская	Вятская	66 901	21 792	59 151	20 825
Область Войска Донского	Воронежская	88 372	20 055	81 453	19 669
Херсонская	Киевская	78 526	20 477	66 211	19 527

В Херсонской губ., например, проживало 78 526 уроженцев Киевской губ. (из них 20 477 рабочих). Если же из числа неместных уроженцев вычесть всех переселившихся в противоположном направлении, то первая цифра изменится довольно существенно (66 211 человек), а вторая останется почти без изменений (19 527 человек). Именно такие направления миграции рабочих можно назвать основными, «магистральными», именно они с наибольшей полнотой характеризуют и процесс массового перемещения постоянных рабочих, и состояние рынка на рабочую силу. Только тогда, когда мы заранее ограничиваем себя определенной

[20] Данные таблиц 16—24 получены путем сопоставления приложений 1, 2, 8 и 9.

местностью, давно и довольно плотно заселенной, с примерно одинаковым уровнем капиталистических отношений, можно, вероятно, с меньшей требовательностью отнестись к признакам основных направлений, учтя и важнейшие случаи обмена рабочими.

Поскольку передвижения рабочих рассматриваются как составная часть передвижений населения вообще, то и размеры основных направлений миграции рабочих нельзя устанавливать произвольно. Зная, что неместные уроженцы среди рабочих составляли 22,5% всех неместных уроженцев, зарегистрированных переписью, т. е. первых было приблизительно в 5 раз меньше, мы для получения основных направлений миграции рабочих соответственно уменьшили в 5 раз и размеры намеченных в первой главе основных направлений миграции населения вообще (табл. 17).

Таблица 17

Размеры и число основных направлений миграции населения вообще и рабочих

Направления	Относительное число неместных уроженцев (тыс. чел.), определяющее размеры основных направлений миграции		Число основных направлений миграции	
	населения вообще	рабочих	населения вообще	рабочих
Крупные направления	свыше 25	свыше 5	54	81
а) первая группа	свыше 100	свыше 20	3	12
б) вторая группа	от 75 до 100	от 15 до 20	7	9
в) третья группа	от 50 до 75	от 10 до 15	10	19
г) четвертая группа	от 25 до 50	от 5 до 10	34	41
Средние направления	от 10 до 25	от 2 до 5	103	82
Мелкие направления	от 5 до 10	от 1 до 2	119	128
Всего	свыше 5	свыше 1	276	291

Сопоставим число основных направлений миграции рабочих и населения вообще. Общее число направлений и число мелких направлений несколько возрастает: следовательно, появились новые направления миграции рабочих там, где размеры миграции населения вообще недостаточны для признания их основными. Середина — средние направления — как бы вымывается: одни направления превращаются в мелкие, другие — в крупные. Число крупных направлений возрастает во всех четырех группах, но особенно сильно — в первой группе (с 3 до 12).

В чем смысл подобного сопоставления, от чего зависит разница в числе и размерах направлений? Она зависит либо от процента рабочих среди всех неместных уроженцев, т. е. социального состава переселенцев, либо от той или иной концентрации передвижений рабочих в данном направлении, либо — в подавляющем большинстве случаев — от взаимодействия обоих факторов. Предположим, что среднему направлению миграции населения во-

обще соответствует крупное направление миграции рабочих. Следовательно, либо процент рабочих среди всех неместных уроженцев значительно выше средней нормы, либо обмен населением между губерниями развит значительно сильнее, чем обмен рабочими, либо, вероятнее всего, налицо обе эти причины. Мы дважды подчеркнули «значительно», так как незначительные (и несущественные для нас) отклонения от средней нормы могут и не повлиять на размеры направлений миграции рабочих.

2

Порайонные сопоставления миграций населения вообще и рабочих

Достоинства указанного метода обнаруживаются в полной мере при переходе от общих сопоставлений к сопоставлениям более конкретным, порайонным, причем принципы группировки губерний должны способствовать комплексному анализу взаимосвязи между миграциями населения вообще и рабочих. Оказывается, и в данном случае исследование С. А. Короленко может быть весьма полезным, способно дать несколько важных отправных точек.

Известно, что Короленко посредством довольно приблизительных расчетов выяснил соотношения, во-первых, между числом сельских жителей и количеством удобных земель, во-вторых, между площадью посевов и числом рабочих, необходимых для ее обработки. В итоге он получил следующую группировку 50 губерний Европейской России в зависимости от избытка или недостатка в них сельского населения и рабочих:

1-я группа. Губернии с избытком населения и рабочих. Виленская, Волынская, Воронежская, Гродненская, Казанская, Калужская, Киевская, Ковенская, Курская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Подольская, Полтавская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская и Черниговская.

2-я группа. Губернии с недостатком населения и рабочих. Бессарабская, Область Войска Донского, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Таврическая и Херсонская.

3-я группа. Губернии с недостатком населения и избытком рабочих. Архангельская, Астраханская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Вятская, Костромская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Пермская, Псковская, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Уфимская, Эстляндская и Ярославская [21].

Несмотря на явную односторонность исходных посылок (исключение из подсчетов городского населения), эта группировка

---

[21] *Короленко С. А.* Указ. соч., отд. I, с. 78—79.

не лишена известного смысла и с точки зрения анализа закономерностей передвижения рабочих. В частности, как полагает сам Короленко, избыток рабочих из губерний первой группы направлялся почти исключительно в губернии второй группы и за пределы Европейской России — на Северный Кавказ, в Сибирь, в степные области Средней Азии[22]. В третью же группу вошли в основном губернии, из которых избыток рабочих устремлялся в неземледельческие губернии, преимущественно в С.-Петербург и Москву[23]. Группировка губерний в зависимости от тяготения передвижений рабочих к столичным или к южным земледельческим губерниям является, по нашему мнению, совершенно правильной. В дальнейшем мы воспользуемся этим принципом, однако проведем его последовательнее, чем это сделал Короленко, так как из-за односторонности его исходных посылок этот принцип соблюдается не полностью, он не определяет группировки, а является ее побочным продуктом. С.-Петербургскую и Московскую губернии, оказавшиеся в разных группах, логичнее выделить в самостоятельную группу, а Калужскую, Рязанскую и Тульскую губернии, учитывая громадный неземледельческий отход рабочих из них в Московскую губ., — перенести из первой в третью группу; Астраханскую губ. нельзя включать в одну группу с Архангельской губ. и т. д.

В понятия «избыток» и «недостаток» рабочих мы вкладываем иное содержание, чем Короленко. Московскую губ., ввиду излишка в ней рабочих рук, необходимых для обработки посевов, он отнес к числу губерний с избытком рабочих, мы же решаем этот вопрос на основе баланса действительного прилива и отлива рабочих. Тем самым мы косвенно как бы завершаем подсчеты Короленко, принимая во внимание не только сельское, но и городское население, т. е. выясняем, что в целом излишек рабочих в сельских местностях поглощался промышленностью губернии и, кроме того, в Москве и в других индустриальных центрах находили себе работу сотни тысяч переселенцев извне. Точно так же, если не в еще большей степени, различно и понимание «избытка» и «недостатка» населения. Почти во всех нечерноземных губерниях (даже в крайних северных — Архангельской, Вологодской, Олонецкой) Короленко обнаружил много удобных земель сверх суммы вычисленных им предельных земельных участков, соответствующих рабочей силе всех семейств в сельских местностях, и поэтому отнес их к числу губерний с недостатком населения. Получилось полнейшее расхождение между теоретическими выкладками и действительными миграциями жителей этих губерний.

---

[22] Там же, с. 81—82.

[23] «Уход на земледельческие работы (из губерний третьей группы. — *Б. Т.*) является как исключение, а все идут главным образом или на ремесленные промыслы... или же на фабрики... и на другие внеземледельческие промыслы» (*Короленко С. А.* Указ. соч., отд. I, с. 90).

По данным переписи 1897 г. о неместных уроженцах возможно наметить такую группировку губерний, которая отражала бы, с одной стороны, взаимосвязь между миграциями постоянных рабочих и населения вообще, а с другой — приблизительное соотношение между миграциями неземледельческих и земледельческих рабочих, двусторонний процесс отрыва населения от земледелия и развития земледельческого капитализма. Для этого прежде всего выделим по приложению 9[24] две группы губерний с приливом рабочих — столичные (неземледельческие) и расположенные на южной и восточной окраинах Европейской России (в основном земледельческие), а затем распределим остальные губернии Европейской России, с отливом рабочих, в зависимости от преобладающего тяготения основных направлений миграции рабочих к той или иной из этих двух групп. Выделять группу переходных губерний нецелесообразно, так как сомнительных случаев немного и они легко разрешаются, если принимать во внимание не только количество направлений, но и их размеры. Рязанская губ. дает шесть основных направлений миграции рабочих, ведущих на юг и юго-восток (в Астраханскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Тамбовскую, Херсонскую губернии и в Область Войска Донского), однако все они, вместе взятые, по своим размерам уступают лишь одному направлению, ведущему в С.-Петербургскую губ., не говоря уже о крупнейшем направлении, ведущем в Московскую губ. По-видимому, Короленко преувеличил размеры передвижений рабочих (даже временных, сезонных) из Рязанской губ. на юг. Иначе обстоит дело с Нижегородской губ. Вследствие влияния такого удобного пути сообщения, как Волга, направления, ведущие в Нижнее Поволжье (Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии), в Область Войска Донского и далее, на Кавказ (в Бакинскую губ.), по своим размерам несколько превосходят направления, ведущие в Московскую и С.-Петербургскую губернии. Точно так же распределены по группам и западные губернии, причем три из них — Гродненская, Минская и Могилевская — по количеству и размерам направлений признаны тяготеющими к южным земледельческим губерниям, остальные — к столичным.

Почти во всех губерниях приливу населения вообще соответствовал прилив рабочих и наоборот. Однако встречаются и расхождения; укажем на важнейшие из них и выясним их происхождение в связи с теми или иными особенностями складывания миграционного баланса:

1) Киевская, Лифляндская и Пермская губернии — отлив населения вообще и прилив рабочих. Расхождение связано главным

---

[24] Расчеты прилива и отлива рабочих в 50 губерниях Европейской России, произведенные Б. П. Кадомцевым, не точны ввиду неисключения из числа неместных уроженцев лиц, родившихся за пределами России и в Финляндии (*Кадомцев Б. П.* Указ. соч., с. 71—72).

образом с усиленным притоком рабочих в промышленную Пермскую губ. и в крупные торгово-промышленные центры — Киев и Ригу;

2) Волынская и Уфимская губернии — прилив населения вообще и отлив рабочих. Расхождение можно объяснить усиленным переселением рабочих из Волынской губ. в Киевскую и Херсонскую губернии, из Уфимской губ. — в Оренбургскую и Пермскую губернии. Кроме того, прилив населения в Волынскую губ., по данным переписи 1897 г., является в известной мере случайным, так как зависит от притока военнослужащих;

3) Семипалатинская обл. и Тобольская губ. — тоже прилив населения вообще и отлив рабочих. И область, и губерния были крайне слабо развиты в промышленном отношении, поэтому приток рабочих в них также был совершенно незначителен, многие же рабочие переселялись из них в соседнюю Томскую губ. и даже далее на восток — в другие губернии и области Сибири.

Определяя состав районов, мы учли это почти полное совпадение губерний с приливом или отливом рабочих и населения вообще. В случае несовпадения данных признаков мы стремились к тому, чтобы каждая группа губерний была совершенно однородна с точки зрения характеристики миграций рабочих. Особняком стоит только Лифляндская губ., с приливом рабочих, которую невозможно присоединить к столичным губерниям и которая ввиду отсутствия направлений, ведущих на юг, отнесена ко второй группе. Пермскую губ. следовало бы отнести к третьей группе, однако в ней наблюдается прилив рабочих, и поэтому мы сочли возможным условно включить ее в группу южных и восточных губерний, к которым она примыкает на востоке (граничит с Оренбургской губ.). Наоборот, Уфимская губ., с приливом населения, должна быть причислена к южным и восточным губерниям, но в связи с отливом из нее рабочих не вошла в эту группу ни у нас, ни у Короленко.

Приводим наш вариант группировки 50 губерний Европейской России:

1-я группа. Столичные губернии с приливом рабочих и населения. Московская и С.-Петербургская.

2-я группа. Губернии с отливом рабочих и населения, тяготеющие к губерниям первой группы. Архангельская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Калужская, Ковенская, Костромская, Курляндская, Лифляндская (прилив рабочих), Новгородская, Олонецкая, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Эстляндская и Ярославская.

3-я группа. Губернии с отливом рабочих и населения, тяготеющие к губерниям четвертой группы. Волынская (прилив населения), Воронежская, Вятская, Гродненская, Казанская, Курская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Подольская, Полтавская, Саратовская, Симбирская, Там-

бовская, Уфимская (прилив населения), Харьковская и Черниговская.

4-я группа. Южные и восточные губернии с приливом рабочих и населения. Астраханская, Бессарабская, Область Войска Донского, Екатеринославская, Киевская (отлив населения), Оренбургская, Пермская (отлив населения), Самарская, Таврическая и Херсонская.

Обосновать правильность предлагаемой группировки и глубже раскрыть ее содержание можно путем распределения основных направлений миграции населения вообще и рабочих по отдельным группам губерний (табл. 18).

Таблица 18

Сопоставление размеров и числа основных направлений миграции населения вообще и рабочих по группам губерний Европейской России *

Откуда \ Куда	В 1-ю группу			Во 2-ю группу			В 3-ю группу			В 4-ю группу			За пределы 50 губ. Европ. России			Итого		
Из 1-й группы	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Из 2-й группы	15	9	3	1	7	8	—	2	5	—	3	10	1	—	5	17	21	31
	24	2	4	4	10	7	1	2	5	2	6	11	—	1	2	31	21	29
Из 3-й группы	—	—	5	—	—	2	2	4	9	14	27	21	13	20	28	29	51	65
	1	5	13	—	—	1	3	3	8	26	24	13	6	7	31	36	39	66
Из 4-й группы	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	5	2	3	8	7	5	14	9
	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	5	4	2	4	7	4	9	12
Итого	15	10	8	1	7	10	2	7	14	16	35	33	17	28	40	51	87	105
	25	8	17	4	10	8	4	5	14	30	35	28	8	12	40	71	70	107

* Верхний ряд цифр в таблице показывает число основных направлений миграции населения, нижний ряд — число основных направлений миграции рабочих. Первая цифра в каждом ряду обозначает число крупных направлений, вторая — средних и третья — мелких.

В пределах 50 губерний Европейской России наиболее сильно были развиты миграции рабочих из второй группы в первую и из третьей группы в четвертую. Концентрация передвижений рабочих в этих направлениях достигает такой степени, что игнорировать ее немыслимо, все другие варианты группировки губерний отпадают сразу. Передвижения рабочих внутри второй, третьей и четвертой групп, а также из второй группы в четвертую были развиты гораздо слабее. Здесь можно выделить миграции рабочих в промышленные губернии второй группы, из южных губерний второй группы (Калужской, Рязанской, Смоленской, Тульской) в новороссийские губернии и из северных губерний черноземного центра в южные. Миграции рабочих из второй группы в третью, из третьей в первую и вторую, из четвертой во все

остальные либо были невелики по размерам, либо отсутствовали вовсе. В этих случаях часто происходил лишь незначительный обмен рабочими. Наконец, бросается в глаза коренное различие между губерниями второй и третьей групп по числу и размерам направлений, ведущих за пределы Европейской России (учтены направления, ведущие на Кавказ, в Сибирь и в Среднюю Азию). Рабочие, переселявшиеся из губерний второй группы, оседали почти исключительно внутри Европейской России (ср. третью группу Короленко), в то время как многие рабочие из губерний третьей группы уходили за ее пределы (ср. первую группу Короленко). Примечательно также, что по числу крупных и средних направлений, ведущих за пределы Европейской России, миграции рабочих уступают миграциям населения вообще.

Из 188 вошедших в табл. 18 основных направлений миграции рабочих в пределах 50 губерний Европейской России 155 направлений (или 82,4%) имеются и у Короленко, судя по приложению 7 к общему обзору его книги, а из отсутствующих у него 33 направлений 17 ведут в Московскую и С.-Петербургскую губернии. Их отсутствие вполне можно отнести за счет того, что передвижения неземледельческих рабочих изучены Короленко менее подробно, чем передвижения сельскохозяйственных рабочих. Это почти полное совпадение направлений, — но, разумеется, не их размеров, — объясняется двоякого рода причинами. Во-первых, массовый отход временных рабочих в индустриальные центры и на земледельческие окраины сам по себе подготавливал условия, создавал благоприятные предпосылки для переселения рабочих на постоянное жительство. Роль временных рабочих можно образно сравнить с ролью крестьянских ходоков, заранее высматривающих наиболее подходящие места для переселения. Во-вторых, освоение прежде слабозаселенных территорий и развитие в них капиталистических отношений, в свою очередь, приводили к расширению внутреннего рынка на рабочую силу, причем к расширению настолько быстрому, что, несмотря на рост постоянного населения и числа постоянных рабочих, нужда в пришлых временных рабочих в течение определенного периода не только не сокращалась, но и усиливалась. И сезонные, и постоянные миграции были направлены из наиболее отсталых в социально-экономическом отношении местностей в местности, наиболее развитые в капиталистическом отношении, с наиболее высокой заработной платой.

Из отмеченного совпадения можно сделать и другой вывод, в несколько ином, источниковедческом, плане, а именно: Короленко, намечая пути передвижения рабочих, тщательно разобрался в предоставленном ему первичном статистическом материале (не вполне доброкачественном), и в этой части его труд заслуживает самой высокой оценки. Ведь его источники и источники, использованные нами, совершенно различны по своему происхождению.

Если ограничиться рассмотрением только числа крупных, средних и мелких направлений, то миграции рабочих в южные и восточные губернии Европейской России покажутся несколько более интенсивными, чем в столичные губернии; особенно ощутима разница в числе средних и мелких направлений. Однако из 12 крупнейших направлений, с относительным числом неместных уроженцев свыше 20 000 человек, в столичные губернии ведут десять направлений, а в южные и восточные губернии — одно и то в Пермскую губ., лишь условно включенную в эту группу (см. приложение 8). Вследствие такой дополнительной концентрации крупнейших направлений и с целью избежать каких-либо искажений истинной картины миграций рабочих обратимся к другим данным — о приливе или отливе рабочих и населения вообще (табл. 19).

Таблица 19

Сопоставление размеров прилива и отлива населения вообще и рабочих по группам губерний Европейской России

Группа губерний	Прилив (+) или отлив (—)		Прилив или отлив рабочих в % к приливу или отливу населения вообще
	населения вообще	рабочих	
1-я	+1 272 113	+671 239	52,8
2-я	—1 791 386	—767 144	42,8
3-я	—2 791 746	—618 865	22,2
4-я	+942 580	+419 092	44,5
Итого в 50 губ. Европейской России	—2 368 439	—295 678	12,5

В результате межгубернских миграций населения вообще (70-е—90-е годы XIX в.) число жителей в столичных губерниях увеличилось на 1272,1 тыс. человек, из них 671,2 тыс. (52,8%) либо являлись рабочими непосредственно в момент переселения, т. е. переселялись на постоянное жительство в поисках заработка, либо принадлежали к беднейшим слоям крестьянства, к полупролетариям, вынужденным на новом месте независимо от причин переселения добывать себе средства к жизни исключительно или главным образом работой по найму. Население 50 губерний Европейской России в итоге переселений сократилось на 2368,4 тыс. человек, подавляющее большинство которых не считало работу по найму своим главным занятием. Данные миграционных балансов являются не отвлеченными, абстрактными, а вполне конкретными величинами, отражающими итоги переселений. Иная, чересчур прямолинейная постановка вопроса при рассмотрении миграций населения вообще и рабочих изолированно друг от друга приводит к явной бессмыслице: нельзя утверждать, будто Европейская Россия «потеряла» 295,7 тыс. рабочих.

Очевидно, что третья и четвертая группы губерний по размерам передвижения рабочих уступали столичным и тяготеющим к ним неземледельческим губерниям. Эмиграция населения из губерний третьей группы значительно превышала эмиграцию населения из губерний второй группы, но по размерам эмиграции рабочих эти группы меняются местами. К тому же немалая часть рабочих из губерний третьей группы, как мы уже знаем, оседала за пределами Европейской России. Столичные губернии по приливу рабочих также опережали южные и восточные губернии; разница в размерах прилива населения вообще менее заметна. Отнеся всех рабочих, эмигрировавших из губерний второй группы, к неземледельческим, мы не только не погрешим против истины, но, несомненно, преуменьшим число переселившихся неземледельческих рабочих. С одной стороны, в неземледельческих губерниях переселения сельскохозяйственных рабочих были развиты слабо, с другой — многие рабочие, переселившиеся из центрально-земледельческих, малороссийских и средневолжских губерний на южные и юго-восточные окраины Европейской России (особенно в Область Войска Донского, Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую губернии), а также из Вятской губ. в Пермскую, не являлись сельскохозяйственными. Так, в Екатеринославской губ. 61 289 человек из 98 195 неместных уроженцев среди рабочих были заняты в промышленности, на транспорте и в торговле, в Области Войска Донского — 50 163 из 112 022, в Херсонской губ. — 43 252 из 107 727, в Пермской губ. — 22 403 из 40 045 человек и т. д. (см. погубернские данные в приложениях 9 и 10, порайонные данные в приложении 11). Всего в 5 новороссийских губерниях из 427,5 тыс. рабочих-неместных уроженцев 189,1 тыс. были заняты в промышленности, на транспорте и в торговле. А ведь мы учитываем не всех неземледельческих рабочих: к ним нужно отнести еще бóльшую часть поденщиков, чернорабочих и прислуги. Поэтому в общем неземледельческие рабочие составляли, вероятнее всего, свыше 50% от всего числа рабочих, переселившихся в новороссийские губернии. Среди рабочих, переселившихся в нижневолжские и восточные губернии, доля лиц, оторвавшихся от земледелия, была несколько меньшей.

Следовательно, можно утверждать, что среди постоянных рабочих, переселившихся из одной губернии в другую на постоянное жительство, заметно преобладали лица с неземледельческими занятиями.

По размерам прилива рабочих в пределах Европейской России выделяются вне всякой конкуренции С.-Петербургская и Московская губернии, далее идут Область Войска Донского, Херсонская и Екатеринославская губернии. По размерам отлива рабочих первое место занимает Тверская губ., расположенная между С.-Петербургом и Москвой и тяготеющая к этим двум индустриальным центрам, за ней следуют три губернии, граничащие с Московской — Рязанская, Тульская, Калужская, и лишь на пятом месте

находится одна из центрально-черноземных губерний третьей группы — Курская. Приводимые в табл. 20 цифры свидетельствуют о несколько ином порядке следования этих губерний в зависимости от размеров прилива или отлива населения вообще.

Таблица 20

Сопоставление размеров прилива и отлива населения вообще и рабочих по некоторым губерниям заселения и выхода переселенцев

Губерния	Прилив (+) или отлив (—)		Прилив или отлив рабочих в % к приливу или отливу населения вообще
	населения вообще	рабочих	
С.-Петербургская	+777 436	+357 994	46,0
Московская	+494 677	+313 245	63,3
Область Войска Донского	+286 912	+ 96 956	33,8
Херсонская	+235 965	+ 86 928	36,8
Екатеринославская	+134 122	+ 69 550	51,9
Тверская	—243 532	—115 956	47,6
Рязанская	—292 844	—115 915	39,6
Тульская	—208 573	— 93 399	44,8
Калужская	—191 743	— 88 368	46,1
Курская	—350 268	— 75 897	21,7

Поражает высокий процент (по отношению ко всему миграционному балансу) отлива рабочих из губерний второй группы и прилива рабочих в столичные губернии. Процент прилива рабочих в южные и восточные губернии Европейской России также довольно высок. Кроме того, в эти губернии, как и в другие районы земледельческой колонизации, гораздо чаще переселялись на постоянное жительство не в одиночку, а семьями. Между тем перепись 1897 г., как мы уже знаем, совершенно не учла переселений членов семей рабочих. С учетом членов семей прилив рабочих в южные и восточные губернии составлял, по всей вероятности, свыше половины прилива населения вообще. Сюда устремлялась, в основном из центрально-земледельческих губерний, крестьянская беднота, которой было не под силу переселяться в отдаленные местности Кавказа и тем более в Сибирь. Не все сельские пауперы и полупролетарии в черноземном центре становились рабочими ввиду малоземелья, господства отработок в помещичьих хозяйствах и отсутствия достаточного числа крупных промышленных пунктов. Переселение в районы развитого капитализма обычно завершало процесс превращения сельских пауперов и полупролетариев в наемных рабочих — не только сельскохозяйственных, но и промышленных.

Вернемся к губерниям, включенным в табл. 20. В С.-Петербургской губ. рабочие составляли 41,0% всех неместных уроженцев, в Московской — 50,8, в Области Войска Донского — 25,7, в Херсонской — 26,6, в Екатеринославской — 30,1% (см. графу 6 приложения 9). Среди уроженцев Тверской губ., живших в мо-

мент переписи за ее пределами, рабочие составляли 42,6%, Рязанской — 36,0, Тульской — 38,9, Калужской — 39,8, Курской — 20,6% (см. графу 9 приложения 9). Эти процентные соотношения немного ниже, чем в 4-й графе табл. 20, так как абсолютно не отражают концентрации передвижений рабочих. В общее число всех неместных уроженцев вошли и те из них, которые появились в результате обмена населением между губерниями. Попробуем сгруппировать эти данные по двум губерниям несколько иначе (табл. 21).

Таблица 21

Пример усиленной концентрации передвижения рабочих в определенном направлении

	С.-Петербургская губ.	Тверская губ.		С.-Петербургская губ.	Тверская губ.
Число неместных уроженцев среди рабочих	375 121	7 119	Число рабочих, уроженцев губернии, живших за ее пределами	17 127	123 075
В % ко всем неместным уроженцам	41,7	15,6	В % ко всем уроженцам губернии, жившим за ее пределами	14,1	42,6

Разумеется, можно ограничиться простым утверждением, что в С.-Петербургскую губ. переселялось несравненно больше рабочих, чем уезжало из нее, но это будет только часть истины, причем самая поверхностная. Если же мы хотим выяснить всю правду, то непременно добавим: кроме того, процент рабочих среди всех неместных уроженцев в С.-Петербургской губ. был почти в три раза выше, чем среди уроженцев губернии, живших за ее пределами. В Тверской губ., с резко выраженным преобладанием отлива рабочих, наблюдались обратные соотношения. Таким образом, погубернские данные рисуют ту же картину усиленной концентрации передвижений рабочих из одних губерний в другие, что и данные по отдельным направлениям. При всех, порой очень серьезных, различиях в социальном составе переселенцев в полной мере обнаруживается, что оба признака — процент рабочих среди неместных уроженцев и усиленная концентрация передвижений рабочих в определенных направлениях — по существу, дополняют друг друга, не разнородны, а однотипны. Усиленная концентрация передвижений рабочих наблюдалась, как правило, в губернии, в которых процент рабочих среди неместных уроженцев был выше среднего, и наоборот, хотя теоретически это сочетание признаков вовсе не обязательно. Его можно отчетливо проследить даже на примере центрально-черноземных губерний, несмотря на громадные размеры переселений из них в Сибирь представителей средних слоев крестьянства. Неоднократно и на-

стойчиво подчеркиваемое В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» стремление жителей переселяться туда, где лучше, было свойственно всем социальным группам населения, но в наибольшей степени оно определяло размеры и направления миграций сельских пролетариев, полупролетариев и собственно рабочих. Вот почему В. И. Ленин говорил, что «картина передвижения рабочих даст общее представление о том, как именно складывается внутренний рынок на рабочую силу», и что «главные потоки передвижения рабочих показывают главные формы» процесса складывания внутреннего рынка для капиталистического общества [25].

Метод вычисления миграционного баланса позволяет безошибочно отделить местности, где лучше, от местностей, где хуже, но он не в состоянии исчерпывающе выяснить степень этого «лучше», все особенности процесса складывания внутреннего рынка для капитализма, зависящие от сложного взаимодействия разнообразных экономических, социальных и культурных факторов. Поэтому В. И. Ленин добавлял, что главные потоки передвижения рабочих показывают «далеко не все» формы этого процесса, которые «различны в крестьянском и в помещичьем хозяйстве, различны в различных районах торгового земледелия, различны на различных стадиях капиталистического развития промышленности и т. д.» [26]

Изучение межгубернских миграционных балансов необходимо постоянно сочетать с изучением особенностей географического распределения главных потоков передвижения рабочих, с комбинированием разнообразных показателей, без которых картина переселений будет далеко не полной, обедненной. Так, необходимо обратить внимание на сопоставление процента неместных уроженцев среди всех рабочих (включая прислугу) и среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле. Напоминаем, что в последнюю категорию вошли все наиболее квалифицированные неземледельческие рабочие и не вошли чернорабочие и поденщики. В приложениях 9 и 10 эти показатели даны по отдельным губерниям, а в приложении 11 — по группам губерний, ранее намеченным в первой главе.

В пределах Европейской России процент неместных уроженцев среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле, был выше всего в новороссийских (64,2%), столичных (58,7%), нижневолжских и восточных (45,4%) губерниях. Доля неместных уроженцев среди рабочих этой категории была во всех районах выше, чем среди рабочих и прислуги в целом (кроме столичных губерний, благодаря значительному притоку поденщиков, чернорабочих и прислуги в С.-Петербург и Москву), и в подавляющем большинстве случаев выше, чем среди городского на-

---

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 587, 590.
[26] Там же, с. 590—591.

ления. Таким образом, межгубернские миграции жителей России оказывали на формирование постоянных кадров наиболее квалифицированных неземледельческих рабочих более сильное влияние, чем даже на формирование городского населения.

Говоря о влиянии миграций населения на формирование кадров наемных рабочих, нельзя забывать и о «переселении мелких промышленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины... Крестьянин-промышленник в губерниях Нижегородской, Владимирской, Тверской, Калужской и т. п., чувствуя усиление конкуренции вместе с ростом населения и угрожающий мелкому производству рост капиталистической мануфактуры и фабрики, уходит на юг, где «мастеровых» людей еще мало, заработки высоки, а жизнь дешева»[27]. В результате капиталистические отношения переносились на земледельческие окраины. По мере развития новых промыслов выделялись, с одной стороны, владельцы более крупных заведений, а с другой — наемные рабочие. Кроме того, развитие промыслов способствовало подготовке специалистов для крупной промышленности. Наконец, известны случаи и прямого переселения квалифицированных промышленных рабочих на окраины, в новые индустриальные центры.

Так, в Екатеринославской губ. кустарными промыслами занимались в основном пришлые крестьяне, выходцы из других губерний[28]. Из Тульской губ. приходили специалисты по железоделательному производству, а также рабочие, которые трудились в подмосковных угольных копях. На заводах Юза можно было встретить квалифицированных рабочих из С.-Петербурга, с шепеловских (Нижегородская губ.) и других металлургических заводов[29].

Переселенцам-«промышленникам» обязаны своим возникновением и многие промыслы в нижневолжских и восточных губерниях Европейской России. Кожевники села Богородского, Горбатовского уезда, Нижегородской губ., переселялись в Оренбург, Орск и другие города Заволжья. Сапожники Выездной слободы Арзамасского уезда той же губернии перенесли свой промысел в Астрахань, Самару, Уральск. Из них одни перечислялись в мещане, а другие продолжали ежегодно выправлять паспорта[30]. Ниже будут приведены аналогичные факты, относящиеся к Северному Кавказу и к Сибири.

Принимая во внимание, что перепись 1897 г. вовсе не учла переселений членов семей рабочих (т. е. главным образом жен-

[27] Там же, с. 336.
[28] Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. II. СПб., 1894, с. 160.
[29] *Лукомская И. М.* Формирование промышленного пролетариата Донбасса. 70-е—начало 80-х годов XIX в. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 298, 301.
[30] Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. 3. СПб., 1880, отд. II, с. 33—34; вып. 9. СПб., 1883, отд. II, с. 2441.

щин), и желая всемерно разнообразить систему показателей, мы отметили в приложении 8 (7-я графа) процент рабочих среди всех мужчин, переселившихся в данном направлении. Для крупных направлений этот показатель в целом выше, чем для средних, а для средних выше, чем для мелких направлений. Не менее интересные выводы получаются и при конкретном исследовании отдельных направлений.

Наиболее крупные направления миграции рабочих в Московскую губ. вели из соседних с ней губерний, и именно эти направления отличались наивысшим процентом рабочих среди всех переселившихся мужчин: от 59,1% (Тверская губ.) до 67,9% (Смоленская губ.). Концентрация передвижений рабочих в Москву была настолько сильной, что обмен населением между Московской и соседними губерниями не оказывал сколько-нибудь ощутимого влияния на этот показатель.

Совершенно иная картина наблюдалась в Области Войска Донского: направления, ведущие в нее из соседних губерний, выделялись наименьшим процентом рабочих среди всех переселившихся мужчин: от 38,6% (Астраханская губ.) до 19,9% (Екатеринославская губ.). Для направлений, ведущих в Область Войска Донского из более отдаленных губерний, этот показатель был заметно выше, а для направлений, ведущих из наиболее отдаленных губерний, — наивысшим и достигал 54,1% (Тульская губ.), 56,6% (Нижегородская губ.) и даже 69,9% (Смоленская губ.).

Направления, ведущие в Кубанскую обл., с удивительной последовательностью распределяются на три группы:

1) из соседних губерний и губерний, имеющих выход к Черному и Азовскому морям, — Екатеринославской, Ставропольской, Таврической, Херсонской и Области Войска Донского. Процент рабочих среди всех переселившихся мужчин колеблется в пределах от 12,5 (Ставропольская губ.) до 15,0 (Екатеринославская губ.);

2) из малороссийских губерний, южных губерний черноземного центра и губерний Нижнего Поволжья — Воронежской, Киевской, Курской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Харьковской и Черниговской. Процент рабочих среди всех переселившихся мужчин колеблется в пределах от 19,6 (Киевская губ.) до 26,5 (Курская губ.);

3) из северных губерний черноземного центра — Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской. Процент рабочих среди всех переселившихся мужчин колеблется в пределах от 34,7 (Рязанская губ.) до 36,8 (Тамбовская губ.).

Вообще большинство направлений, соединяющих соседние губернии, кроме промышленных, характеризуется низким процентом рабочих среди всех переселившихся мужчин. Этот факт свидетельствует именно о невысокой социально-экономической значимости этих переселений, особенно в земледельческой полосе.

Процент рабочих среди всех переселившихся мужчин в немалой степени зависел также от конкуренции между различными центрами притяжения рабочих. Особенно сильна была конкуренция между С.-Петербургом и Москвой. Если из какой-либо губернии рабочие направлялись одновременно и в С.-Петербургскую, и в Московскую губ., то более крупному направлению обычно соответствовал более высокий процент рабочих среди всех переселившихся мужчин, и наоборот. Единичные исключения из этого правила (например, Рязанская и Костромская губернии) не меняют общего вывода (см. табл. 22).

Таблица 22

Доля рабочих среди всех мужчин, переселившихся из некоторых губерний в С.-Петербургскую и Московскую губернии

Основные направления миграции рабочих		Процент рабочих среди всех мужчин, переселившихся в	
из какой губернии	куда ведет более крупное направление	С.-Петербургскую губ.	Московскую губ.
Владимирская	Московская	42,1	60,3
Вологодская	С.-Петербургская	52,3	35,1
Калужская	Московская	49,3	63,4
Костромская	С.-Петербургская	42,5	64,4
Орловская	Московская	38,1	57,7
Пензенская	»	34,0	65,9
Рязанская	»	68,6	66,0
Смоленская	»	65,1	67,9
Тамбовская	»	31,6	58,9
Тверская	С.-Петербургская	62,2	59,1
Тульская	Московская	58,1	66,0
Ярославская	С.-Петербургская	55,5	42,7

Таким образом, Москва как бы перетягивала к себе от С.-Петербурга рабочих, направлявшихся из северных губерний черноземного центра и из большей части центрально-промышленных губерний, а влияние С.-Петербурга преобладало в северных центрально-промышленных губерниях и было безраздельным в северных и северо-западных губерниях Европейской России (Архангельской, Витебской, Лифляндской, Новгородской, Олонецкой, Псковской и Эстляндской), из которых вовсе не было основных направлений миграции рабочих, ведущих в Москву, даже мелких.

Методика изучения миграций рабочих за пределами 50 губерний Европейской России принципиально ничем не отличается от разработанной ранее, и мы ограничимся анализом некоторых важнейших данных, относящихся к двум наиболее значительным районам земледельческой колонизации — Северному Кавказу и Западной Сибири. Прежде всего сопоставим общее число и размеры основных направлений миграции населения вообще и рабочих (табл. 23).

Таблица 23

*Сопоставление размеров и числа основных направлений миграции населения вообще и рабочих на Северный Кавказ и в Западную Сибирь**

Откуда / Куда	Из групп губерний Европейской России			Итого
	2-й	3-й	4-й	
На Северный	— — 2	7 5 7	2 3 2	9 8 11
Кавказ	— 1 1	6 3 11	1 1 4	7 5 16
В Западную	1 — 3	6 10 13	1 2 2	8 12 18
Сибирь	— — 1	— 3 9	1 1 1	1 4 11

* См. примечание к табл. 18.

Число основных направлений миграции рабочих, ведущих на Северный Кавказ, совпадает с числом основных направлений миграции населения вообще, но число крупных и средних направлений несколько сократилось. Если же рассматривать переселения рабочих в Западную Сибирь, то можно заметить сильное сокращение как общего числа направлений, так и числа крупных, средних и мелких направлений в отдельности. Размеры обмена населением вообще и рабочими между этими районами и губерниями Европейской России были либо невелики (Северный Кавказ), либо совершенно ничтожны (Западная Сибирь). Отсюда следует вывод, что указанные изменения числа направлений связаны главным образом с иным социальным составом переселенцев. Этот вывод полностью подтверждается сравнением порайонных миграционных балансов (табл. 24).

Таблица 24

Сопоставление размеров прилива населения вообще и рабочих по Северному Кавказу и Западной Сибири

Группы губерний	Прилив (+)		Прилив рабочих в % к приливу населения вообще
	населения вообще	рабочих	
Северного Кавказа	+826 568	+139 780	16,9%
Западной Сибири	+826 067	+ 73 620	8,9%

В результате межгубернских миграций население обеих групп губерний возросло на 1652,6 тыс. человек, из которых лишь 213,4 тыс. были постоянными наемными рабочими. Сюда переселялись с целью освоения новых земель или организации земледельческих хозяйств на участках старожилов крестьяне преимущественно из третьей группы губерний Европейской России,

а еще точнее — из губерний черноземного центра. Процент рабочих среди мужчин, переселившихся в Томскую губ., был поразительно низок: 7,6 — переселения из Рязанской губ., 7,1 — из Тамбовской, 5,6 — из Воронежской, 5,4 — из Курской и, наконец, 4,3% — из Полтавской губ. Между тем среди томских переселенцев, по данным подворного обследования 1894 г., процент семей, работающих по найму, составлял: у пришедших без денег — 91,3, у принесших до 25 руб. — 89,5, от 25 до 50 руб. — 82,7, от 50 до 100 руб. — 76,9, от 100 до 200 руб. — 59,7, свыше 200 руб. — 38,7 [31]. Таким образом, только в последней, наиболее зажиточной и ничтожной по численности населения группе большинство домохозяев окрепло настолько, что не нуждалось в заработках, но и в этой группе свыше $^1/_3$ семей в течение определенного времени добывали недостающие средства работой по найму (см. отмеченное В. И. Лениным батрачество новоселов в Сибири) [32]. Однако, сменив место жительства с целью организации более крупного земледельческого хозяйства, новоселы упорно надеялись «выбиться в люди» и, даже получая главный доход от работы по найму, называли себя не наемными рабочими, не сельскохозяйственными батраками, а крестьянами-земледельцами.

При всей незначительности числа рабочих — неместных уроженцев, зарегистрированных переписью 1897 г. в Азиатской России, они оказывали большое и даже решающее влияние на процесс формирования кадров наемных рабочих, особенно неземледельческих и квалифицированных. На Северном Кавказе, в Западной Сибири, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке неместными уроженцами являлись от 61,4 до 82,9% общего числа рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле (для сравнения: в столичных губерниях — 58,7%). На Северном Кавказе, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке коренное население не составляло большинства даже среди всех рабочих и прислуги (см. приложение 11).

На Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях, почти все промыслы возникли с появлением русских поселенцев. Однако собственно казаки промыслам уделяли мало внимания, «промышленниками» были главным образом переселенцы из числа крестьян [33]. Очень интересны данные по Ставропольской губ. (конец 70-х годов): из 1954 учтенных мастеров, занимавшихся кустарными промыслами, местными коренными жителями являлись только 816 человек (41,8%), выходцами из центрально-земледельческих губерний — 497 (25,4%), из промышленных и неземледельческих губерний — 451 (23,1%), из других местностей — 190 человек (9,7%). А среди 537 рабочих

---

[31] *Кауфман А. А.* Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 года. — В кн.: Община, переселение, статистика. М., 1915, с. 281.

[32] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

[33] Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. I. СПб., 1892, с. 122—123.

этих промыслов к местным коренным жителям принадлежали всего-навсего 103 человека (19,2%), к выходцам из промышленных и неземледельческих губерний — 317 (59,0%), из центрально-земледельческих губерний — 111 (20,7%), из других местностей — 6 человек (1,1%) [34].

Новоселы в Сибири постоянно нуждались в заработке; они способствовали развитию разнообразных промыслов, становясь извозчиками, лесорубами, пильщиками, плотниками, столярами, штукатурами, каменщиками, землекопами и пр. В дальнейшем одни новоселы обзаводились земледельческим хозяйством, а другие навсегда оставались рабочими или мелкими «промышленниками». Можно сказать, что «основным источником пополнения рядов пролетариата Сибири было крестьянское переселение» [35].

Для строительства Сибирской железной дороги потребовались опытные рабочие и мастера из Европейской России: «На магистрали работали рабочие-строители буквально из всех губерний европейской части России. Здесь трудились землекопы Юхновского уезда Смоленской губернии, Масальского уезда Калужской губернии, Рязанской, Гродненской, Орловской, Тамбовской, Казанской, Оренбургской, Самарской, Нижегородской и Воронежской губерний, владимирские плотники, каменщики и камнеломы, тверские и вятские каменотесы, тульские и пензенские молотобойцы, машинисты, слесари и кузнецы из Москвы, Петербурга и Урала» [36]. Они не только строили магистраль, но и способствовали подготовке опытных специалистов из среды местного населения. После окончания сооружения железной дороги многие из них остались в Сибири в качестве рабочих или основали новые промыслы. Большинство железнодорожников и рабочих подсобных предприятий Сибирской магистрали были из числа не коренных сибиряков, а пришлых людей [37].

Заслуживает также упоминания возникновение на окраинах России под влиянием развития капитализма своих (так сказать, «местных») направлений миграции рабочих. Таковы направления, ведущие из Западной Сибири в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Некоторые из них выделяются необычайно высоким процентом рабочих среди всех переселившихся мужчин: 90,5% (из Тобольской губ. в Якутскую область, «рекордный» показатель), 59,3% (из Тобольской губ. в Амурскую область), 55,2% (из Тобольской в Иркутскую губ.), 51,2% (из Тоболь-

---

[34] Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. 1. СПб., 1879, отд. 1, с. 55.

[35] *Тужиков В. И.* О формировании пролетариата Сибири во второй половине XIX в. (1861—1891 гг.). — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1964, вып. 1, с. 58.

[36] *Борзунов В. Ф.* К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX—начале XX вв. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 98.

[37] *Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1959, с. 75.

ской губ. в Забайкальскую область) и т. д. В связи с этим прилив рабочих в Восточную Сибирь и на Дальний Восток в процентах к приливу населения вообще (26,8%) был гораздо выше, чем в Западной Сибири, на Северном Кавказе и на других южных и восточных окраинах России[38].

В Закавказье тоже возникали свои «местные» направления миграции рабочих, ведущие в Бакинскую и Тифлисскую губернии.

Все изложенное свидетельствует о возможности привлечь данные переписи 1897 г. для глубокого погубернского и порайонного изучения миграций постоянных рабочих с использованием гибкой системы разнообразных дополняющих друг друга показателей и в тесной связи с изучением миграций населения вообще. В этом отношении материалы переписи 1897 г. незаменимы, хотя и не позволяют проследить передвижения рабочих в пределах губерний и в пределах уездов, т. е. передвижения на незначительные расстояния, оказывающие, однако, большое влияние на формирование рабочего класса, особенно в некоторых промышленных губерниях Европейской России.

---

[38] Так, в Закавказье данное соотношение равнялась 16,1%, в степных областях Средней Азии — 10,4%, в Туркестане — 10,3%.

Глава третья

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОТХОД НА ЗАРАБОТКИ ПО ДАННЫМ ПАСПОРТНОЙ СТАТИСТИКИ

Данные переписи 1897 г. о передвижениях постоянных рабочих дополняются данными паспортной статистики о крестьянском отходе, т. е. о передвижениях главным образом наемных рабочих и всевозможных «личных промышленников», подавляющее большинство которых фактически работало по найму. Разумеется, мы не в состоянии использовать здесь материалы земских подворных обследований, производившихся в разное время, по разным программам и с трудом поддающихся сводке. Мы не предполагаем также осветить все многообразные влияния отхода на эволюцию аграрных отношений, на состояние крестьянских хозяйств; попытки в этом смысле привели бы только к поверхностному изложению ряда сложных вопросов и к поверхностным заключениям. Нас интересуют в первую очередь сводные, сопоставимые данные о распространении отхода, о возможности и признаках его перерастания в фактическое переселение.

Такие данные по 50 губерниям Европейской России содержатся в «Материалах» комиссии, учрежденной 16 ноября 1901 г.[1]; они позволяют изучать распространение и динамику отхода в пореформенные годы. Кроме того, для более глубокого понимания форм перерастания отхода в фактическое переселение мы использовали архивные материалы по Московской губ. о выдаче паспортов крестьянам.

---

[1] «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России», ч. 1. СПб., 1903, таблица XX. Другие сводки данных этого источника с добавлением данных начала XX в. см.: «Энциклопедический словарь» Русского библиографического института Гранат, 7-е изд., т. 36, ч. IV, приложения, таблица 38; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1926, с. 16—18, 22—24 и др. Довольно широко привлечены материалы паспортной статистики для изучения крестьянского отхода в книге: *Панютич В. П.* Из истории формирования пролетариата Белоруссии. 1861—1914 гг. Минск, 1969, с. 46—49, 71 и др.

1

Значение крестьянского отхода и его перерастание в фактическое переселение

О значении неземледельческого отхода В. И. Ленин пишет: «Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя *явление прогрессивное*. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности» [2]. Неземледельческий отход способствовал складыванию капиталистических отношений между участниками производства, перенесению этих отношений из города в отсталую деревню, углублению капиталистического разделения труда и в конечном итоге образованию внутреннего рынка для капитализма.

Изучая формы перехода землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому, В. И. Ленин раскрыл и прогрессивное значение земледельческого отхода, который был направлен в местности с более высокой заработной платой, разрушал отработки и кабальные формы найма, создавал подвижность сельского населения, не давая ему «обрастать мхом» [3].

Эти взгляды на прогрессивное значение отхода В. И. Ленину приходилось отстаивать в борьбе с идеологами либерального народничества: «И никому из этих прекраснодушных господ не приходит в голову, что, прежде чем толковать о „разрешении серьезнейших проблем“, необходимо позаботиться о полной свободе передвижения для крестьян, свободе отказа от земли и выхода из общины, свободе поселения (без „откупных“ денег) в какой угодно, городской или сельской, общине государства!» [4].

В этой связи интересно отметить, что К. Маркс, конспектируя книгу Скалдина «В захолустьи и в столице» (СПб, 1870), обратил внимание на стеснения свободы передвижения крестьян: «Все *общество* несет круговую поруку; отсутствующий должен платить подушную подать не на месте своего {действительного} жительства, а *на месте своей приписки по ревизии*. Это обеспечивается *паспортами*, которые выдаются обществом всем отлучающимся лицам. **Таким образом оно держит их в своих руках»** [5].

Широкое распространение крестьянского отхода в пореформенной России — факт общеизвестный, тем не менее точного, общепризнанного определения отхода не существовало. В земских статистических сборниках отходниками признавались крестьяне, работавшие и проживавшие более или менее продолжительное

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.
[3] Там же, с. 244—246.
[4] Там же, с. 581.
[5] Архив Маркса и Энгельса, т. XI. М.—Л., 1948, с. 124.

время за пределами своей деревни, своего уезда или губернии. Наиболее типичным в конце XIX в. было деление промыслов на местные (в пределах своего уезда) и отхожие (за его пределами).

В земской литературе отсутствовала и единая классификация отхожих «промыслов», причем разрабатывалась главным образом классификация по роду занятия (производства), а не по положению «промышленника» в производстве. Ввиду господства народнических взглядов на значение и роль неземледельческих занятий крестьян «нужно признать, что по отношению к отходу земская статистика была скорее мачехой, чем матерью» [6].

Данные паспортной статистики позволяют примерно подсчитать общее число отходников и определить (тоже примерно) продолжительность их отлучки. Ввиду отсутствия других массовых источников исследователи обычно вынуждены считать отходниками только лиц, получивших виды на жительство, хотя крестьяне уходили из дому и без этих документов, хотя билеты и паспорта могли выдаваться, с одной стороны, лицам, уходившим не на заработки, а с иными целями (на богомолье, для встречи с родными и друзьями и т. п.), а с другой стороны, лицам, постоянно и длительное время проживавшим вне места приписки [7]. В 1870 г. крестьяне получили право возобновлять паспорта не в том месте, где они были прописаны, а в месте их постоянного жительства (работы), по почте, с условием внесения платежей [8].

В. И. Ленин, изучая отходничество, широко использовал данные паспортной статистики для уяснения динамики этого явления, степени распространения неземледельческого и земледельческого отхода, продолжительности отлучек и распределения их числа по месяцам и временам года. Однако он не связывал отход обязательно с выдачей видов на жительство и — что всего интереснее — различал собственно отход на заработки и переселение из сельских местностей в неземледельческие центры, хотя паспортная статистика не дает оснований для такого разграничения. Выше мы уже приводили ленинское высказывание о том, что неземледельческий отход представлял из себя прогрессивное явление, *подобно* отвлечению населения из сел в города. Теперь приведем другое высказывание, открывающее в «Развитии капитализма в России» параграф, посвященный отхожим неземледельческим промыслам: «Но и добавление к городам фабричных,

---

[6] Изучение отхожих промыслов в земской статистике. Доклад В. К. Руднева, читанный в заседании подсекции статистики на X съезде естествоиспытателей и врачей в Киеве. СПб., без г. изд., с. 4. См. также: *Руднев Н. Ф.* Промыслы крестьян в Европейской России. — «Сборник Саратовского земства», 1894, № 6, отд. III, с. 189—200.

[7] *Минц Л. Е.* Указ. соч., предисловие С. Г. Струмилина, с. 5.

[8] *Ромашова В. И.* Образование постоянных кадров рабочих в пореформенной промышленности Москвы. — В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. М., 1966, с. 156—157.

заводских и торгово-промышленных сел и местечек далеко не исчерпывает еще всего индустриального населения России. Отсутствие свободы передвижения, сословная замкнутость крестьянской общины вполне объясняют ту замечательную особенность России, что в ней к индустриальному населению должна быть отнесена не малая часть сельского населения, добывающая себе средства к жизни работой в промышленных центрах и проводящая в этих центрах часть года. Мы говорим о так наз. отхожих неземледельческих промыслах» [9].

Типичным неземледельческим отходником следует считать крестьянина, который часть года работал в промышленном центре, а другую часть — в своем хозяйстве по месту приписки. Точно так же земледельческий отходник часть года занимался сельскохозяйственными работами где-то на стороне, а потом возвращался домой.

Следовательно, отхожий «промышленник» должен часть года работать вне своего — обычно, но не обязательно земледельческого — хозяйства, которое находилось по месту приписки отходника [10]. Таким образом, само понятие отхода связывается прежде всего с временным отрывом (отходом) крестьянина от хозяйства по месту приписки, вне зависимости от того, на какое расстояние он уходил, отправлялся ли в путь с документами (билетом либо паспортом) или без них. Дальность отхода имеет, разумеется, важное значение, но не решающее; это хорошо подметил еще в 1877 г. Б. Ленский — один из первых исследователей неземледельческого отхода в пореформенной России. Он писал: «Несправедливо считать промысел отхожим только тогда, когда рабочий выходит из пределов своей губернии; вообще элемент дальности пути не выдерживает здесь критики. Два уезда одной и той же губернии очень часто отстоят дальше друг от друга, чем две соседние губернии; равным образом, перейдя из одного уезда какой-нибудь губернии в другой уезд той же губернии, крестьянин попадает иногда в более чуждую ему среду, чем после перехода в другую губернию» [11].

Отхожий «промышленник» должен не только работать вне хозяйства по месту приписки, но и настолько оторваться от него, чтобы в течение определенного времени (например, не менее двух недель) жить вне усадьбы, не возвращаясь домой для ночевки и еды. Этот признак позволяет еще резче отделить отхо-

---

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 569.

[10] Формально для отходника «своим» являлось хозяйство, при котором остался его земельный надел, даже если этот надел был сдан в аренду. Безземельные отходники и ушедшие на заработки женщины имели по месту приписки семью, из которой они хозяйственно на родине не выделились. Какова была действительная связь отходника со «своим» хозяйством, как он относился к нему и даже считал ли его «своим» — об этих сложных вопросах нужно говорить особо.

[11] *Ленский Б.* Отхожие неземледельческие промыслы в России. — «Отечественные записки», 1877, № 12, с. 242.

жих «промышленников» от местных, хотя некоторая неопределенность, расплывчатость все же сохраняется и не может быть устранена. Двухнедельный срок избран нами условно[12], но условным в равной степени будет любой другой срок. Совершенно невозможно также установить, так сказать, «высший», наиболее продолжительный срок отсутствия отходника в родной деревне с целью провести четкую грань между собственно отходом и фактическим, независимо от приписки, переселением на новое место жительства. Отходничество и вообще переселения были поставлены в пореформенной России в такие своеобразные, сложные и стеснительные для крестьян условия в социально-экономическом, юридическом и бытовом отношениях, что выделить «чистого» отходника удается далеко не всегда.

С одной стороны, крестьяне, особенно бедняки и середняки, весьма часто отлучались из дому на короткое время, едва лишь узнавали о каком-либо случайном заработке, обходясь при этом без выборки паспортов и других видов на жительство. В статистическом обзоре Курской губ. нам встретилось следующее описание подобных промыслов: «Регистрировать можно наиболее установившиеся промыслы и заработки, а между тем курские крестьяне больше занимаются случайными заработками, которые носят у них характерное название — «промышлять вокруг дома» или «вокруг села». Так, сегодня крестьянин обрабатывает загон соседа, завтра он подрядился свезти помещику снопы на усадьбу, потом скупил немного хворосту и повёз на базар, занялся рубкою леса для скупщика, сметает снег по линии железной дороги, возит муку с мельницы на станцию, молотит хлеб у соседа-крестьянина или частного владельца, роет канавы — словом, занимается всем тем, на что имеется спрос в окружности»[13]. Такого рода случайные, большей частью низкооплачиваемые заработки были особенно распространены в губерниях черноземного центра Европейской России, но их можно было обнаружить почти повсеместно. Никакая статистика — ни земская, ни тем более паспортная — не могла сколько-нибудь полно зарегистрировать подобных «промышленников», часто отлучавшихся в поисках заработка на короткое время из дому, и сколько-нибудь точно распределить их по двум группам — отхожих и местных. Избранный нами двухнедельный срок отсутствия дома отходников хотя и является, повторяем, условным, но все же способствует условному выделению наиболее полно регистрируемых и устойчивых отхожих «промыслов» и «промышленников».

С другой стороны, крестьяне могли покинуть свое хозяйство с намерением (зачастую тайным для местных властей и даже односельчан) никогда не возвращаться в родную деревню, но

[12] Предполагаем, что выборка крестьянином билета сроком только на 1 месяц в среднем соответствует отходу в течение двух недель.

[13] Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887, с. 177.

периодически продлевали годовые паспорта. Иные отходники отправлялись в путь с намерением при первой же возможности вернуться домой, но на самом деле так и застревали в городе либо устраивали новые земледельческие хозяйства. Такие беглецы относились — по весьма распространенному в земской литературе неопределенному и, если вдуматься, нелепому термину — к числу отходников, «круглый год отсутствующих дома». Нелепость этого термина очевидна: ведь само понятие отхода связано именно со временным, а не с постоянным, в течение всего года, отрывом крестьян от хозяйства по месту приписки. Мало того, исследователь вынужден учитывать одну неприятную особенность статистики того времени. Паспортная статистика позволяет точно определить число ежегодно выдаваемых паспортов и билетов, но она совершенно не интересовалась тем, в течение какого времени то или иное лицо систематически выправляло годовой паспорт. Земская статистика также не уточняет, в течение какого времени отходники, «круглый год отсутствующие дома», действительно отсутствовали по месту приписки. Дело осложняется тем, что получение годового паспорта само по себе еще не гарантирует отсутствия отходника в течение «круглого года», а виды на жительство, выданные на срок менее года, легко могли быть продлены и в совокупности привести уже к годовому отходу. Так, крестьяне, «круглый год» работавшие на стороне, в случае нехватки денег (3 руб.) на годовой паспорт брали и возобновляли полугодовые паспорта. В 1897 г. прежние паспорта и билеты были заменены бланком образца на срок не более года и отменена плата за выдачу паспортов. С этого времени стало еще труднее определять по паспортам действительную продолжительность отлучек [14].

Рассмотрим соотношение между данными паспортной статистики об отходничестве и данными переписи 1897 г. о численности наличного, постоянного, приписного населения и наемных рабочих.

Прежде всего, в отличие от переписи 1897 г., которая учитывала людей, как таковых, паспортная статистика отмечала не число отходников, а число выбранных ими видов на жительство. Паспорта бывали не только личные, но и семейные (глава семьи получал один паспорт на всю семью). Кроме того, некоторые отходники покидали место приписки несколько раз в году, каждый раз заново выправляя билеты и паспорта. При отходе на небольшие расстояния многие крестьяне вообще обходились без видов на жительство, но, с другой стороны, фабриканты и заводчики требовали предъявления паспорта при найме на работу даже в том случае, когда нанимавшийся крестьянин жил в соседней деревне [15]. Паспорта были вынуждены брать и крестьяне,

[14] *Минц Л. Е.* Указ. соч., с. 16, 20.
[15] *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972, с. 28, 71, 82.

уже давно постоянно проживающие в городе или переселившиеся самовольно, под видом ухода на заработки, без перечисления из одного общества в другое, на земледельческие окраины Европейской и Азиатской России. В общем, по мнению Д. Н. Жбанкова, число отправлявшихся в отход превышало число выбранных паспортов [16].

Далее, перепись 1897 г. специально выделила наемных рабочих, главным образом постоянно занятых работой по найму, а среди лиц, получавших виды на жительство, преобладали временные, сезонные рабочие, причем наряду с наемными рабочими учитывались и всевозможные мелкие «самостоятельные промышленники», предприниматели, торговцы и даже крестьяне, уходившие не на заработки, а с иными целями. Данные паспортной статистики более соответствуют сведениям С. А. Короленко, с той разницей, что эта статистика позволяет наметить только распределение губерний в зависимости от числа выданных паспортов и продолжительности отхода, а не конкретные направления отхода.

Крестьяне, взявшие билеты сроком на один или несколько месяцев либо шестимесячные паспорта, с точки зрения счетчиков, проводивших перепись 1897 г., должны были относиться к разряду лиц, временно отсутствующих в месте постоянного жительства и временно пребывающих в месте переписи. Исключение составляли лишь те отходники, которые, продлевая краткосрочные билеты, проживали по месту работы в общей сложности более 6 месяцев в году: их следовало включить по этому месту в состав и наличного, и постоянного населения, а у себя на родине они попадали только в состав приписного населения.

Краткосрочные отходники были еще очень тесно связаны с хозяйством по месту приписки, с земледелием, если это хозяйство было земледельческим. Однако ввиду того, что максимум краткосрочного отхода приходился на весну, такие отходники обычно уже не могли по месту приписки участвовать во всех сельскохозяйственных работах, а иногда (например, при отходе на пять месяцев, с весны до осени) и вообще отрывались от земледельческих занятий. Перепись 1897 г., проводившаяся зимой, отнесла бо́льшую часть краткосрочных отходников к крестьянам-земледельцам по месту приписки, не зарегистрировав их ни в качестве временно отсутствующих, ни в качестве наемных рабочих. Поэтому и «данные переписи 1897 г. не особенно надежны в смысле отражения размеров отхода, особенно сезонного, т. е. главной массы отходящих...» [17]

Остаются крестьяне, выбиравшие годовые паспорта. В этом случае мы имеем дело с долгосрочным отходом, с крестьянами, которые по крайней мере бо́льшую часть года отсутствовали в хозяйстве по месту приписки, обязательно были, хотя бы частично,

---

[16] *Жбанков Д. Н.* Бабья сторона. Кострома, 1891, с. 28.
[17] *Минц Л. Е.* Указ. соч., с. 36.

оторваны от земледельческих занятий, а в случае приезда на побывку в деревню зимой или как бы «в гости» — полностью оторваны от земледелия. Эти отходники во время проведения переписи 1897 г. считались постоянными жителями по месту работы, если только не вели «бродячего» образа жизни, а по месту приписки включались лишь в состав приписного населения или в случае совпадения момента переписи с моментом приезда отходника на побывку — и в состав наличного населения (как временно пребывающие в месте переписи). Если же место работы часто менялось, то «бродячий» отходник мог вообще не попасть в число постоянного населения. На практике счетчики допускали и двойную регистрацию отходников, включая их в состав постоянного населения одновременно по месту работы и по месту приписки. В целом же перепись 1897 г. с наибольшей полнотой зарегистрировала передвижения именно долгосрочных отходников, крестьян с годовыми паспортами, причем отходник, живущий в каком-либо определенном месте по годовому паспорту, в принципе полностью подпадает под определение «постоянного жителя», проживающего «обыкновенно» (т. е. круглый год или бо́льшую часть года) в указанном месте. Наконец, следует заметить, что крестьяне с годовыми паспортами, работающие по найму, постепенно начинали осознавать своим главным занятием именно эту работу, приносящую главный доход им и членам их семей, а не земледелие, и поэтому с наибольшей точностью и легкостью регистрировались в качестве наемных рабочих во время переписи 1897 г.

Глубокий, постоянный разрыв таких рабочих с местом приписки, с земледелием проявляется в различной степени и в самых разнообразных формах. Нужно всегда помнить слова В. И. Ленина о том, что «ограничиваясь общими формулами (вроде таких, как: „соединение промысла с земледелием“ или „отделение промышленности от земледелия“), нельзя сделать ни шагу в деле уяснения действительного процесса развития капитализма» [18].

Многообразие форм отрыва рабочего от земледелия, от места приписки создает трудности в четком разграничении «типичного» отходника от не менее «типичного» переселенца. В нечерноземной полосе крестьянское переселение в гораздо большей степени, чем в земледельческих районах, было связано с отходом, являлось следствием и, можно сказать, логическим завершением, крайним проявлением отходничества. Поэтому и отход не был отделен от переселения глубокой пропастью: несомненный отходник незаметно, постепенно превращался в переселенца, а у фактического переселенца вдруг отчетливо обнаруживаются черты, обнажающие его «родственную связь» с «типичным» отходником. Путаница усиливается потому, что источники очень часто не дают исследователю полноценных ответов на все возникающие у него

---

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 380.

вопросы, не позволяют ему заглянуть одновременно в место отхода и в место приписки. С особой тщательностью историки должны искать, обрабатывать и изучать массовые статистические данные; только они могут послужить основой для широких обобщений [19].

Посмотрим, какие признаки отделяют отхожего крестьянина, длительное время живущего по годовому паспорту за пределами места приписки, от «типичного», «стопроцентного» переселенца, но вместе с тем оказываются недостаточными для такого безусловного отделения.

Отхожий крестьянин периодически выправлял годовой паспорт, не меняя при этом места приписки, не перечисляясь из своего сельского общества в другое — городское или тоже сельское — по месту работы. Отсутствие надобности в ежегодном выправлении паспорта, формальное перечисление из одного общества в другое — первый признак, свидетельствующий о полном разрыве переселенца со старой «родиной» и о прочности водворения на новом месте. Но, думается, не нужно пространно доказывать, что этот признак не является достаточным для отделения отходника от переселенца. Считать переселенцами только лиц, переселившихся на законном основании, своевременно перечислившихся из одного общества в другое, — значит неимоверно сузить круг переселенцев, совершенно не понимать сущности переселенческого движения в пореформенной России. Ведь характерная черта переселений и в неземледельческой, и в земледельческой полосе — это бесконечная цепь нарушений закона, который либо вовсе не признавал свободы передвижения, либо сводил ее на нет всевозможными запретами и ограничениями.

Второй признак — преобладание отхода одиночек над семейным отходом, наличие у рабочего семьи или близких родственников в деревне по месту приписки. Этот признак не менее важен, чем предыдущий, ибо при всех условиях семейное переселение обычно связано с наиболее быстрым и прочным водворением переселенца на новом месте. Однако между переселениями на земледельческие окраины, с одной стороны, и переселениями в города, в индустриальные и торгово-промышленные села — с другой, имеется коренное различие. Переселенец-одиночка не может успешно завести новое земледельческое хозяйство, для этого нужна семья, а если подразумеваются трудные для освое-

---

[19] *Рындзюнский П. Г.* Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. — В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970, с. 413—435; *Зюзин А. Д.* Неземледельческая деятельность крестьян Тульской губернии в пореформенное время. — В кн.: Вопросы экономической и социальной истории России XVIII—XIX вв. Тула, 1973, с. 31—40; *Степанова Е. С.* Развитие отхожих крестьянских промыслов в Рязанской губернии 70-х—80-х годов XIX в. — В кн.: Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII—XIX вв. (по материалам центральных губерний). Рязань, 1974.

ния местности (например, в Сибири) — то и большая семья, с достаточным числом взрослых работников. Напротив, переселяться в города и на фабрики в сельских районах можно и даже в силу узости внутреннего рынка на рабочую силу лучше не целой семьей, а в одиночку. В города и другие неземледельческие центры, на предприятия фабрично-заводской промышленности шла прежде всего крестьянская молодежь, даже подростки; допуская только семейное переселение, мы тем самым автоматически признаем за ней право лишь на временные отлучки. Между тем именно энергичная молодежь быстрее ломала привычный образ жизни, искала новое, резче реагировала «на общую духоту деревенской жизни, убийственное однообразие последней» [20].

Даже главы семей в одиночку уходили в города, на фабрики, годами лишь по большим праздникам приходя в родную деревню. Относительно этой категории рабочих мы можем сказать только одно: если состояние хозяйства по месту приписки позволяло им вернуться к семье, то они действительно возвращались после нескольких лет непрерывной работы в городе, на фабрике; в противном случае они тоже становились постоянными рабочими с большим производственным стажем, окончательно возвращаясь в деревню лишь после потери трудоспособности.

Прочность семейного переселения в неземледельческой полосе Европейской России не та, что в Сибири. Поскольку у семьи остался дом в деревне, теоретически она могла в любой момент вернуться на место приписки. Если дом был продан, то у семьи оставался (обычно) земельный надел, поэтому теоретически она могла снова осесть на земле, построив новый дом. Таким образом, даже ограничиваясь рассмотрением одного семейного переселения, мы опять сталкиваемся с необходимостью учета не иллюзорных возможностей, а реальной действительности.

Хотя переселения крестьян-одиночек характерны прежде всего для неземледельческой полосы, они наблюдались и в черноземных губерниях. Многие из таких фактических переселенцев постоянно работали батраками в Новороссии и на Северном Кавказе, другие уходили в молодые индустриальные центры Донбасса, в портовые города, в Москву и даже в С.-Петербург. Земские статистики, проводя подворные переписи сельского населения, иногда отдельно регистрировали постоянно отсутствующее приписное население, но обычно только в тех случаях, когда целые семьи порывали хозяйственную связь со своим обществом. Постоянно отсутствующие одиночки почти всегда избегали регистрации; и в этом отношении статистика конца XIX в. не может удовлетворить современного исследователя. Возможно, лишь данные всеобщей переписи 1897 г. в какой-то мере восполняют этот

---

[20] *Кириллов Л. А.* К вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения. СПб., 1899, с. 31.

пробел, так как в число неместных уроженцев вошли и семейные, и одинокие переселенцы.

Далее, в большинстве случаев отходник имел по месту приписки не только надел, но и возделанную землю (посев). Каковы бы ни были размеры посевной площади и вообще состояние земледельческого хозяйства, очевидно, что сохранение надела по месту приписки — это признак, сближающий постоянного рабочего с настоящим отходником. Но сам по себе этот признак совершенно недостаточен для того, чтобы отличить переселенца от отходника, и даже для того, чтобы выяснить что-либо определенное об отношении ушедшего крестьянина к хозяйству по месту приписки.

Начнем с того, что крестьянин, ушедший из дому с намерением навсегда обосноваться в городе или через какое-то время вернуться в деревню, обычно не мог освободиться от надела. На это требовалось согласие общины, а в нечерноземной полосе, особенно в промышленных губерниях, где земля ценилась мало и земледелие играло второстепенную роль в крестьянских хозяйствах, общину интересовал не надел сам по себе, а платежи за него[21]. Крестьянин мог уйти на заработки, мог годами не показываться в деревне, продлевая паспорт по почте, но он должен был вносить все требуемые законом платежи за право пользования наделом, причем на практике часто не только за себя, но и за родственников, оставшихся в деревне и обрабатывавших землю.

Наряду с крестьянами, которые стремились сохранить за собой надел, были и такие «шалтаи», которые тяготились связью с наделом, с общиной. Но выделить тех и других не представляется ни малейшей возможности, даже непосредственный опрос отхожих «промышленников» вряд ли способствовал бы выяснению истины. Крестьянин мог не оставлять мысли вернуться в деревню, к земледелию, а в действительности до самой старости прожить в городе, проработать на фабрике.

Далеко не всегда освобождались от надела и семьи, в полном составе покидавшие деревню. Правда, у крестьян, разрывавших все хозяйственные связи с местом приписки, был еще один выход — забросить надел. Но, не обрабатывая землю, они ничего не выигрывали, а, напротив, проигрывали: лишались хоть какого-то дохода от земледелия, полностью внося платежи за пользование наделом. Поэтому к окончательному разрыву крестьяне прибегали лишь тогда, когда жизнь в деревне, всякая хозяйственная деятельность в ней становилась для них абсолютно невозможной. Для сельской общины в целом в условиях принудитель-

---

[21] По мнению владимирского губернатора (начало 80-х годов), в нечерноземной полосе «переселения особенно неудобны до окончания выкупной операции, так как при плохих землях, по выбытии рабочих рук, сельские общества часто окажутся неспособны к погашению выкупной ссуды» (ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 9, л. 41 об.).

ного севооборота забрасывание наделов означало дальнейший упадок сельскохозяйственного производства и, следовательно, усиление бегства общинников из деревни. В крайнем случае община могла примириться с отдачей отходниками надела в аренду односельчанам за уплату податей или на других условиях.

Исходя из совокупности изложенных соображений, всегда следует обращать главное внимание не на простое наличие у отходника или фактического переселенца земельного надела по месту приписки, а на их действительное отношение к сельскохозяйственному производству, на их непосредственное участие в сельскохозяйственных работах. Отсутствие надела углубляет отрыв отходника от хозяйства по месту приписки, но не является решающим критерием этого отрыва; таким критерием следует признать отрыв от земледелия в сочетании с известным стажем работы, с постоянным продолжительным проживанием вне места приписки. Кроме того, оценивая связь отходника с земледелием, нельзя ни на минуту забывать о ничтожных размерах большинства крестьянских наделов: «По всей России эти наделы существуют больше ради экономического курьеза, чем для поддержки крестьянского хозяйства»; «при таких экономических условиях применение к земле понятия «кормилицы» является аллегорией, не имеющей ни малейшего практического значения» [22].

Следует обратить внимание и на определенную текучесть населения городов и других неземледельческих центров в сочетании с быстрым его ростом, на известную текучесть кадров фабрично-заводского пролетариата в сочетании с быстрым ростом числа рабочих. И в этом отношении переселения в неземледельческой полосе отличаются от переселений на земледельческие окраины. Семейный переселенец, обзаведясь с большим трудом земледельческим хозяйством на новом месте, пусть даже на арендованной земле, не испытывал никакой охоты к бродяжничеству. Переселенец-одиночка, явившийся в город или торгово-промышленное село, не имел на новом месте ни семьи, ни хозяйства, ни просто домашнего очага в подлинном смысле этого слова. Часто и семейные рабочие жили в общих квартирах или общежитиях. Ясно, что их удерживал на месте только постоянный заработок и невозможность, бесперспективность возврата назад, в деревню. Ничто не препятствовало им уйти в другой город, в другое село, поступить на другую фабрику, если такая перемена способствовала улучшению условий их жизни и повышению заработной платы. Недаром в «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии» В. И. Ленин писал о «постоянных перебрасываниях рабочих с фабрики на фабрику».[23]

---

[22] *Ленский Б.* Указ. соч., с. 208; *Карцев Е. Е.* Экономические этюды. Отхожий промысел. — «Наблюдатель». СПб., 1882, № 3, с. 255.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч, т. 2, с. 92.

По наблюдениям Б. Н. Васильева, «фабричная промышленность не только стягивала рабочее население в промышленные центры, но и перебрасывала массы рабочих из одного промышленного района в другой, создавала густую сеть взаимопереплетавшихся направлений движения рабочих с фабрики на фабрику, из одного промышленного центра в другой и обратно» [24].

Текучесть рабочей силы — явление весьма распространенное в различных районах и в различных исторических условиях. Нам важно подчеркнуть, что такие передвижения — из одного индустриального поселения в другое, с фабрики на фабрику — не имеют ничего общего с регулярными перемещениями «типичного» отходника от места «промысловой» деятельности к земледельческому хозяйству. «Типичный» отходник часть года работал в своем хозяйстве по месту приписки, и с таким возвращением в деревню недопустимо смешивать поездки горожанина или постоянного наемного рабочего на родину для встречи с родными, на праздники. Наконец, текучесть рабочей силы порождалась неизбежными при капитализме промышленными кризисами и безработицей [25].

Поэтому известную текучесть населения городов и других земледельческих торгово-промышленных центров, особенно быстро растущих, нельзя объяснить лишь возвращением части рабочих к земледельческому хозяйству. Анализируя паспортные книги промышленных предприятий, Васильев объясняет изменение количества рабочих, вышедших из той или иной волости, именно переходами с фабрики на фабрику, а не возвратом в деревню, к земледелию [26]. И даже в новых промышленных районах на юге Европейской России, где еще был заметен сезонный характер найма, «текучесть состава рабочих на предприятиях Донбасса совершенно не соответствовала продолжительности труда рабочих в каменноугольной промышленности Донбасса в целом» [27].

Особенно ярко проявлялось перерастание отхода в фактическое переселение, когда крестьяне отправлялись на заработки в крупные города, большие индустриальные и торговые центры, в первую очередь такие, как С.-Петербург и Москва.

---

[24] *Васильев Б. Н.* К характеристике формирования пролетариата в России. «Ученые записки Шахтинского гос. пед. института». Шахты, 1957, т. 2, вып. 2, с. 246.

[25] См.: *Клейнборт Л.* История безработицы в России. 1857—1919. М., 1925, с. 45 и др.

[26] *Васильев Б. Н.* Указ. соч., с. 240. Вот характерный отрывок из воспоминаний ткача П. А. Моисеенко: «Я поступил на фабрику (Морозова. — *Б. Т.*) в 1883 г., доработал до пасхи и ушел в Ликино, проработал я там у Смирнова, хотел посмотреть, как там работают». Между прочим, П. А. Моисеенко уже тогда отнюдь не был рабочим-новичком (Морозовская стачка 1885—1935. Сб. статей, документов и материалов. М., 1935, с. 63).

[27] *Лукомская И. М.* Указ. соч., с. 302.

2

Перерастание крестьянского отхода в фактическое переселение по материалам Московской губернии

В целях лучшего понимания сложного процесса перерастания крестьянского отхода на заработки в фактическое переселение важно выделить такие узловые моменты, когда возникает возможность сопоставить отношение конкретных отходников и к месту приписки и к месту нового жительства одновременно. Одним из таких моментов является получение (или неполучение) паспорта. В ЦГА г. Москвы, в фондах Московского губернского по крестьянским делам присутствия (1861—1889 гг.) и сменившего его после введения института земских начальников Московского губернского присутствия[28], хранятся дела о невыдаче паспортов крестьянам, причем в подавляющем большинстве случаев речь шла о невысылке волостными правлениями по почте паспортов лицам, когда-то покинувшим деревню и регулярно возобновлявшим виды на жительство. Эти архивные материалы еще не вводились в научный оборот.

Дела о невыдаче паспортов крестьянам, обычно из-за недоимки по платежам, попадаются весьма часто: в описях они постоянно встречаются среди дел, посвященных земельным и имущественным тяжбам крестьян. А ведь в губернское присутствие поступали лишь жалобы крестьян на постановления уездных присутствий, причем, судя по всем данным, крестьяне жаловались только в исключительных случаях — когда сумма недоимки была слишком велика или когда отсутствие паспорта ставило их в особо тяжелое положение. Вообще же обращаться в губернское присутствие было почти бесполезно: раз сельское общество не выдавало паспорта, то присутствие, как правило, ограничивалось формальным рассмотрением дела, оставляя прошение «без последствий». Очевидно, еще больше дел о невыдаче паспортов не доходило до уездных присутствий, так как споры решались на месте — в сельских обществах или в волостных судах. Все это заставляет расценивать невыдачу паспортов крестьянам как широко распространенное явление в Московской губ.

Между тем невыдача сельским обществом паспорта лишала крестьянина его главного или даже единственного источника средств существования. Сами крестьяне хорошо сознавали нелепость этого акта: «Не имея паспорта, я не мог бы пойти на заработки, а, следовательно, не мог и уплатить требуемые с меня 15 рублей. Наоборот, если признать правильной уплату за истекшее время, я имею возможность, получив сперва паспорт, заработать деньги для личного содержания и на прожитие моему

[28] Фонды уездных присутствий Московской губ. почти не сохранились.

отцу»[29]. Шараповский волостной старшина (Звенигородский уезд) выдавал кратковременные «письменные виды» в первую очередь «неблагонадежным лицам, зарекомендовавшим себя неисправностию в платеже повинностей и потерявшим его доверие», а во вторую очередь, с опозданием — исправным домохозяевам[30]. Очевидно, он рассчитывал таким образом добиться скорейшей уплаты недоимки.

Однако дела о невыдаче паспортов касались, за отдельными исключениями, других крестьян — тех, которые покинули свою деревню и круглый год проживали на стороне по годовым паспортам. Отход на заработки перерос в фактическое переселение; в таком случае невыдача паспорта — это единственное для сельских обществ средство выманить переселившихся крестьян на родину. Паспорт «гуляки» получали лишь тогда, когда приходили к соглашению с обществом относительно уплаты недоимки сразу или по частям, причем вместо годового паспорта им иногда выдавался краткосрочный вид на жительство.

Нами просмотрено свыше сотни архивных дел о невыдаче паспортов крестьянам Московской губ.; ниже вкратце излагаются полученные выводы и приводятся наиболее яркие места из крестьянских прошений.

Крестьян, жаловавшихся на невыдачу им паспорта, можно разделить на две группы. Первая группа — это крестьяне, которые не только не обрабатывали землю личным трудом, но и вообще не имели в деревне никакого хозяйства, часто даже избы. Обычно они давно покинули деревню, а то и родились в городе. Однако формально сельское общество отводило им земельный надел и требовало уплаты податей. В своих прошениях они, как правило, совершенно определенно говорят о том, что не пользуются землей и не имеют оседлости в деревне: «Никогда никакими общественными земельными угодьями и лесными отводами не пользовался»; «всегда с малолетства земли надела не имел, так равно и недвижимого имущества не было, как всем наделом земли пахотной и лугами всегда и по сие время пользовалось... общество» (живет в Москве); «я ничего не имею в деревне» (живет в Москве); «я землю мою отдал в отсутствие свое в арендное содержание односельчанину своему... с тем, чтобы он уплачивал за оную следующие с меня повинности» (живет в С.-Петербурге); «проживая же в деревне, я не в силах из доходов от скудного надела уплачивать подати и в то же время пропитывать семейство; к тому же там я не имею оседлости в течение 10 лет, у меня нет ни дома, ни хозяйства» (живет в Москве); «я жилого дома своего не имею и с женою и двумя малолетними детьми проживаю в г. Москве»; «я землею никогда не владел» (живет

---

[29] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 314, д. 21533, л. 2 об.; см. также ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 55, д. 334, л. 22; св. 56, д. 460, л. 2.
[30] Там же, ф. 17, оп. 66, д. 30, л. 3.

в С.-Петербурге); «недоимки (112 руб. — *Б. Т.*) накопил мой отец, а я человек мастеровой, сапожник, и денег более могу зарабатывать в Москве, чем в деревне, и по силе—возможности буду уплачивать недоимки. Отец лошади не имеет, а землю сдает в аренду»; «никакой там (в деревне. — *Б. Т.*) оседлости не имею» (живет в Москве, кондуктор Московско-Курской жел. дор.); «с момента малолетства своего находился на чужой стороне и не пользовался никаким наделом земли» (живет в Москве) [31].

Именно такие крестьяне прочнее всего обосновывались на постоянное жительство в городах и других торгово-промышленных центрах. Поэтому они, судя по их прошениям, испытывали настоящий страх перед перспективой хотя бы временного возвращения на родину, с которой их ничего, кроме паспорта, уже не связывало. Некоторые из них, не получив паспорта, предпочитали вести бродячий образ жизни, чем возвращаться в деревню, а другие если и возвращались, то только для того, чтобы урегулировать свои взаимоотношения с сельским обществом и как можно скорее уйти обратно в город.

Крестьянин деревни Крутиц, Кубинской волости, Верейского уезда, Климов забросил землю в 1884 г., желая платить «с пуста». В 1887 г. общество отказалось выдать ему паспорт за недоимку (около 53 руб.). Климов возбудил судебное дело: «Дело это тянется другой год, никакого результата добиться не могу; возвратиться на родину некуда, оседлости никакой не имею, да и ни к чему, разве только для того, чтобы надеть суму и идти по миру. В Москве, где я своим трудом, как ремесленник, имею пропитание, жить без паспорта нельзя...» [32]

Крестьянка деревни Щитниковой, Пехорской волости, Московского уезда, Марусина, проживавшая в Москве, в своем прошении (1888 г.) также указывала на невозможность возвращения в деревню: «Муж мой, по распоряжению которого мне не выдают паспорта, ничего не добывает, определенных занятий не имеет, хлебопашеством и скотоводством не занимается, жить нам в деревне нечем. Единственный доступный мне источник дохода, если я буду жить в деревне Щитниковой, есть хождение по миру...» [33]

Крестьянин села Знаменского, Аксиньинской волости, Звенигородского уезда, Комаров не получил паспорта из-за недоимки и в 1893 г. был вызван повесткой на родину, в волостной суд: «А когда я, семейный человек, живя постоянно в г. Москве и уже престарелый, стал просить себе паспорт, который не получаю около 2-х лет, то сельский староста угрожал меня посадить

[31] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 3, св. 237, д. 14803, л. 3; оп. 1, т. 5, св. 293, д. 19761, л. 1 об.; св. 302, д. 20512, л. 4; св. 303, д. 20571, л. 3; св. 310, д. 21042, л. 1 об.; оп. 2, т. 1, св. 365, д. 1081, л. 1; ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 50, д. 52, л. 4 об.; св. 55, д. 395, л. 2; св. 56, д. 443, л. 5 об.; д. 492, л. 2.

[32] Там же, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 291, д. 19401, л. 2.

[33] Там же, св. 301, д. 20418, л. 1.

в холодную на 4 дня, и я лишь с большим трудом мог удалиться из волости. Не имея письменного вида, я, мастеровой, лишился в течение 2-х лет совершенно мастерового труда, чем кормил свою семью, прожил последнее, что имел, и принужден скитаться по Москве, как бродяга, не имеющий письменного вида» [34].

Неудивительно, что в прошениях этих крестьян мы находим весьма резкие отзывы о паспортной системе и стеснениях свободы передвижения. Один из крестьян прямо приравнял невысылку ему паспорта к аресту и к лишению свободы, так как волостной старшина «лишил меня с семейством свободы на житие в Москве и заработка на содержание себя с семейством, и я неминуемо должен с семейством следовать из Москвы на родину этапным порядком под стражею» [35]. Другой крестьянин говорил о незаконности лишения его паспорта, так как крепостное право отменено и «по закону всем дарованы права свободных сельских обывателей. . .» [36]

Пытаясь снова получить совершенно необходимый для них паспорт, крестьяне жаловались на неправильную раскладку податей, на ошибочное исчисление недоимки и т. п. Но наряду с этими жалобами в крестьянских прошениях все чаще ставился вопрос: а должен ли платить подати тот, кто фактически не пользуется землею?

Крестьянин деревни Бедовой, Солнечногорской волости, Клинского уезда, Тукманов в 1893 г. не получил паспорта из-за недоимки в сумме 231 руб. «Действительно ли общественный сход, — спрашивает он, — имеет право делать раскладку от 20 и 27 рублей в год с человека, который землей никогда не владел и не владеет? И в деревне у него ничего нет. Будучи в деревне, я узнавал, за что именно числится такая огромная недоимка. Мне сельский сход заявил, что он наложил на меня надел на четыре души. Я, чтобы хоть глазом взглянуть, попросил их указать ту землю, которая на мне числится, на что они сказали, что ты заплати деньги, тогда мы тебе ее и отведем. Это становится ясным, что общество только требует за землю, которой в наличности у меня нет, всей землей пользуются те из крестьян, которые живут в деревне. Я, живя в гор. Москве и имея *троих* малолетних детей, едва могу заработать на их пропитание, и это только тогда, когда имею законный вид. . .» [37]

Недоумение сменялось протестом: руководствуясь «здравым смыслом», крестьяне отказывались платить за землю, которую они не обрабатывали и от которой они хотели избавиться раз и навсегда.

Крестьянин села Еремеева, Еремеевской волости, Звенигородского уезда, Яковлев вырос в Москве, затем переехал в Великий

[34] ЦГА г. Москвы, ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 56, д. 469, л. 1 об.—2.
[35] Там же, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 292, д. 19736, л. 1 об.—2.
[36] Там же, ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 55, д. 372, л. 2 об.
[37] Там же, св. 57, д. 553, л. 1 об.

Устюг Вологодской губ. Не получив в 1889 г. паспорта из-за недоимки в сумме 21 руб., он заявил: «Земельным наделом я никогда не пользовался и ныне не пользуюсь, а пользуются им односельцы мои, следовательно, они и должны платить подати, исчисляемые за надел, так как ни здравый смысл, ни закон и ни распоряжения правительства отнюдь не обязывают платить с пуста подати, а другим даром владеть и пользоваться земельным наделом» [38]. На это губернское присутствие возразило, что сельское общество землю у просителя не отнимало, а он сам, по собственному желанию, не пользуется наделом и поэтому должен платить подати.

Крестьянин деревни Плетневой, Озерецкой волости, Дмитровского уезда, Братиков жил в Москве. Общество не выдало ему паспорта, требуя от него, как от «гуляки», не пожелавшего пользоваться землей, уплаты 5 руб. в год. Братиков платить отказался (1893 г.): «Ибо, как я и ранее объяснял, крестьянин, не видал и не знаю пяди той земли, которой так щедро награжден обществом... После же всего этого весьма странным и курьезным до недобросовестности является объяснение общества о том, что я исчислен им в звание «гуляки» и что я обязан нести какие-то крестьянские повинности. На основании изложенного невольно является вопрос: как я, крестьянин без земли, обязан платить обществу за то, чем не пользуюсь и чего не видал? Вместе с тем прошу обратить внимание на то, что если и существует мой надел, то общество всегда имеет возможность пользоваться им за счет мой, Братикова» [39].

Порой отказывались платить крестьяне, которые еще не успели накопить большой недоимки или платили сравнительно мало, «с пуста». Для них, очевидно, была обременительна сама связь с сельским обществом, даже чисто юридическая; их интересовала нелепость самого принципа платы за землю, которую они даже не видели.

Некоторые крестьяне не просто жаловались на неправильное исчисление недоимок, не просто недоумевали, за что должны платить, если не пользуются землей, не просто отказывались платить, а предъявляли сельскому обществу обвинение в «самоправном» захвате их земельных наделов. Всерьез принимать подобное обвинение не следует: просителей земля не интересовала, им нужен был паспорт; обвинение общины в незаконных действиях — только уловка, довольно наивный прием, чтобы придать прошению бóльшую убедительность. Эти крестьяне понимали, что подати связаны с надельной землей, но не учитывали того, что в Московской губ. главную ценность для многих сельских общин представляла не земля, а платежи за нее.

[38] Там же, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 310, д. 21097, л. 1—1 об.
[39] Там же, ф. 62, оп. 1, св. 57, д. 506, л. 2 об.—3; св. 56, д. 443, л. 5 об.; д. 492, л. 2—2 об.; ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 299, д. 20049, л. 1; св. 302, д. 20439, л. 1 об.; св. 309, д. 20939, л. 2 об.

Так, на жалобу крестьянина села Воронова, Подчерковской волости, Дмитровского уезда, Устинова, проживавшего на фабрике Чернышева в селе Пирогово Московского уезда, общество заявило (1888 г.), что «от Устинова земли не отнимали и что таковую он сам не стал обрабатывать, и что у них в селении было 20 человек подобных Устинову гуляков, которые землею не занимаются и платят наложенные на них за земли по раскладке оброки..., и что если Устинову заблагорассудится самому заниматься землею, то они в этом ему никогда не откажут, а так как Устинов за последние четыре года накопил за собой недоимки 44 руб. 32½ к., то до уплаты таковой они ему паспорта не выдадут» [40]. Другое общество в аналогичном случае ответило, что всегда согласно дать просителю земли, «сколько ему потребуется, так как в обществе много земли пустует» [41].

Вторая, не менее многочисленная, группа крестьян, жаловавшихся на невыдачу им паспорта, состояла из лиц, которые тоже не обрабатывали землю личным трудом, но являлись членами одной «нераздельной» семьи, имевшей оседлость и хозяйство на родине. Такие крестьяне могли годами жить на стороне, обзавестись там новой семьей, но, чтобы выйти из состава общины, они должны были хозяйственно отделиться от своей семьи у себя на родине [42]. Глава «нераздельной» семьи отвечал за уплату податей, и без его согласия никто из членов семьи не мог получить или возобновить паспорта и отлучиться из дому. Разница между крестьянами двух намеченных групп не всегда является достаточно четкой; в частности, глава семьи, запретивший выдачу паспорта одному из ее членов, сам мог не иметь в деревне ни хозяйства, ни вообще оседлости.

Паспортная система должна была способствовать укреплению власти и авторитета главы семьи, а тем самым — и укреплению власти сельского общества над всеми крестьянами. Как утверждалось в одном из прошений, выдача паспорта сыну без разрешения отца «поощряет, таким образом, молодое крестьянское поколение к неплатежу повинностей и неповиновению родительской власти» [43].

Одна из наиболее распространенных причин невыдачи паспорта членам «нераздельной» семьи — неприсылка ими на родину

---

[40] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 299, д. 20137, л. 13—13 об.

[41] Там же, св. 291, д. 19401, л. 24. Аналогичные обвинения см. ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 55, д. 372, л. 2 об.; св. 56, д. 405, л. 1 об.

[42] «Каждый крестьянин, в том числе взрослый самостоятельный работник, рассматривался не как самодовлеющая обособленная личность, а как зависимая часть „естественно создавшейся общности“, т. е. крестьянской семьи, крестьянского двора» (*Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е годы XIX в.). М., 1966, с. 68).

[43] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 300, д. 20202, л. 3; св. 293, д. 19707, л. 6 об.

денег для уплаты податей и на содержание нетрудоспособных или престарелых родителей [44].

Члены «нераздельной» семьи часто боялись возвращения на родину не меньше, чем крестьяне, не имевшие в деревне никакого хозяйства, и очень тяжело воспринимали лишение их паспорта. Ограничимся одним примером: «Ремесло мое живописец, требующее приискания работы на стороне для пропитания себя и своего семейства. У родителя моего... еще родной мой брат — работник да две сестры, земли два надела, которой пользуются отец, брат и сестры... Находясь в подобном мучительном положении, то есть без паспорта, доведен этим до низкого и горького нищенства; и вдобавок ко всему принуждают бросить детей и больную жену на произвол судьбы, требуя меня на родину самого» [45].

По требованию главы семьи любой другой член мог быть возвращен на родину не только для уплаты податей, но и «для совместного ведения хозяйства» [46]. Этим правом пользовались родители, желавшие поддержать хозяйство, которое разваливалось из-за недостатка рабочих рук [47].

Насильственное возвращение в деревню крестьян, имевших в городе хороший заработок и успевших отвыкнуть от земледелия, далеко не всегда способствовало подъему земледельческого хозяйства. Паспортная система ограничивала также свободу передвижения женщин: в архиве сохранилось много требований мужей запретить выдачу паспортов женам и жалоб замужних женщин на невыдачу им паспорта [48]. Наконец, община могла избрать своего члена, жившего на стороне, сельским должностным лицом и заставить его вернуться на родину.

На стеснительную паспортную систему жаловались не только бедняки и середняки. В архиве хранятся жалобы директора фабрики в пос. Клинцы Черниговской губ., который не был на родине более 30 лет и накопил недоимку; состоятельного московского домовладельца, тоже накопившего недоимку и едва не отправленного на родину этапным порядком, и многие другие жалобы [49].

Изучение архивных материалов о невыдаче паспортов крестьянам показывает, что власть сельской общины, дополняемая

---

[44] См., например: там же, ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 50, д. 75, л. 2; ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 292, д. 19685, л. 1; св. 299, д. 20095, л. 1; св. 308, д. 20847, л. 1—1 об.; св. 309, д. 20931, л. 2; св. 311, д. 21234, л. 4; св. 312, д. 21262, л. 5—6; д. 21298, л. 5 об.; св. 314, д. 21533, л. 2; оп. 2, т. 1, св. 365, д. 1098, л. 3.

[45] Там же, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 312, д. 21262, л. 1—1 об.

[46] Там же, ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 56, д. 436, л. 3 об.

[47] Там же, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 301, д. 20429, л. 1—1 об.; св. 299, д. 20159, л. 3; оп. 2, т. 1, св. 338, д. 365, л. 2—2 об.

[48] См., например: там же, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 302, д. 20444; св. 307, д. 20827; св. 313, д. 21405; св. 315, д. 21592; оп. 2, т. 1, св. 338, д. 347.

[49] Там же, оп. 2, т. 2, св. 383, д. 1817, л. 2—2 об.; оп. 1, т. 5, св. 306, д. 20706, л. 2—2 об.; св. 311, д. 21254, л. 1—3, 6—6 об.; ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 57, д. 565, л. 3—4.

властью глав «неразделыных» семей, была велика и распространялась даже на лиц, не имевших в деревне ни хозяйства, ни оседлости. Нельзя недооценивать ни насильственного прикрепления общинников к наделу, ни степени стеснения свободы передвижения крестьян. Вместе с тем упомянутые материалы в сочетании с массовыми статистическими данными, собранными земскими учреждениями, и с данными переписей населения свидетельствуют о принципиальном — и в теории, и на практике — бессилии общины помешать массовому бегству крестьян из деревни, перерастанию отхода в фактическое переселение. Община могла вызвать «гуляк» на родину для уплаты недоимки, но заставить их возобновить заброшенное хозяйство, снова заняться земледелием — почти никогда не удавалось. Члены «неразделыной» семьи, имевшей хозяйство в деревне, также могли переселиться в город; возврат таких крестьян к земледелию обычно был даже невыгоден для общины, так как на них держалась уплата податей. Вообще если крестьяне, постоянно живя на стороне, не накапливали недоимки, то община не лишала их паспортов и не вызывала на родину без каких-либо серьезных оснований (это не исключает случаев произвола со стороны сельских должностных лиц).

С другой стороны, сами фабриканты не только принимали специальные меры, вплоть до удержания при расчете части заработной платы (проще говоря, штрафа), с целью не допустить ухода рабочих на полевые работы, но и стремились удержать рабочих от поездок для продления годовых паспортов. Так, в прошении правления тов-ва Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» московскому губернатору (1881 г.) утверждалось, «что крестьяне и мещане, поступившие по условию на фабрику или какое-либо заведение для работ, в случае желания их и хозяина остаться на фабрике долее срока выданного им паспорта или билета, если имеют право на получение оных на будущее время, не обязаны для сего являться сами в города, но хозяину, у кого они живут, предоставляется самому относиться в подлежащее место для истребования новых паспортов (ст. 59 Устава о промышленности фабричной и заводской, изд. 1879 г.). Это положение установлено с тою, конечно, целью, чтобы не отвлекать рабочих от заработка и не вынуждать их, без явной в том необходимости, на бесполезную трату времени и заработка для личной явки за получением паспортов в места, находящиеся иногда довольно в дальнем расстоянии от фабрик или заводов»[50]. Товарищество просило воздействовать на те волостные правления Московской губ., которые с запозданием высылали паспорта по требованию администрации фабрики в местечке Никольском (район Орехово

---

[50] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 3, св. 239, д. 14941, л. 1. О настойчивом стремлении Морозова создать кадры постоянных рабочих и покончить с сезонным характером найма см.: *Толоконский Н. И.* Орехово-Зуевская стачка 1885 г. М., 1956, стр. 17—18.

Зуева). Паспортная система оказывалась стеснительной и для предпринимателей, которые, впрочем, сами использовали ее для того, чтобы держать в повиновении рабочих [51].

Такая практика возобновления паспортов способствовала еще большему разрыву рабочих с местом их приписки, с сельским обществом и с земельным наделом. В 1889 г. крестьянин деревни Куркина, Серединской волости, Волоколамского уезда, который постоянно жил и работал на фабрике Морозова в местечке Никольском, писал в прошении, разбиравшемся в Московском губернском по крестьянским делам присутствии: «Я, Андреев, вот истекло 10 лет, плачу обществу казенных и мирских податей ежегодно по 10, иногда и 12 руб. сер., а буде я когда не доплю обществу 1 руб. податей, то мне не выдают паспорта до тех пор, пока [не] уплачу им 1 руб. А при всем этом я, Андреев, имею в обществе крестьян дер. Куркина земли, как-то: усадебную, пахотную, луговую и лесные отводы. Этими угодьями пользуется Куркинское общество, и я, Андреев, от этой земли и леса 10 лет не имел и не имею пользы расколонного гроша. А им подати отдай сполна. А этого они не считают, что я в течение 10 лет уплатил им напрасно податей 99 руб. сер.» [52]

Разложение мелкого кустарного и ремесленного производства, разорение кустарей, рост фабрично-заводской промышленности и сокращение капиталистической работы на дому — все эти причины в сочетании с острым малоземельем и тяжестью податей все чаще заставляли крестьян забрасывать земледелие, отправляться в отход в поисках заработка, переселяться в города и торгово-промышленные села. В результате росло число безнадельных семей [53] и семей, имеющих надел, но не обрабатывающих его. В 1877—1878 гг. каждая четвертая приписная крестьянская семья в губернии не занималась земледелием (см. табл. 25). При этом из 49784 неземледельческих семей 29945 (60,1%) забросили свой надел, а 19 839 (39,9%) вовсе его не имели. Процент безнадельных семей был выше, как это ни странно на первый взгляд, в земледельческих уездах — Клинском, Рузском, Дмитровском и других, обычно самых «многоземельных» [54]. В этих уездах семьи, не способные вести земледельческое хозяйство, часто были вынуждены при отсутствии местных заработков надолго и на большие расстояния уходить из своих деревень, и им было труднее сохранить за собой наделы, чем крестьянским семьям в промышленных уездах с развитыми местными промыслами. Особняком

---

[51] См. например: ЦГА г. Москвы, ф. 17, оп. 66, д. 10, 62, 79, 102, 104, 472.
[52] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 314, д. 21520, л. 1—1 об.
[53] По данным земской статистики, безнадельные семьи в Московской губ., как правило, вообще не имели земли или имели только приусадебные участки.
[54] *Рожкова М. К.* Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х—начале 80-х годов XIX в. М., 1974, с. 27.

Таблица 25

Распределение числа неземледельческих крестьянских семей по уездам Московской губ. в 1877—1878 гг.

Уезд	Всего приписных крестьянских семей	В том числе					
		безнадельных		имеющих надел, но не обрабатывающих его		итого неземледельческих семей	
		всего	% к графе 2	всего	% к графе 2	всего	% к графе 2
Коломенский	16 027	1 560	9,7	3 560	22,2	5 120	31,9
Богородский	23 843	2 048	8,6	4 951	20,8	6 999	29,4
Бронницкий	21 519	1 880	8,8	4 009	18,6	5 889	27,4
Звенигородский	13 555	1 649	12,1	1 949	14,4	3 598	26,5
Верейский	7 678	690	9,0	1 325	17,2	2 015	26,2
Серпуховский	13 863	1 404	10,1	2 083	15,0	3 487	25,1
Подольский	14 499	1 122	7,7	2 438	16,8	3 560	24,5
Волоколамский	13 906	1 433	10,3	1 942	14,0	3 375	24,3
Рузский	11 982	1 398	11,7	1 445	12,0	2 843	23,7
Дмитровский	16 832	1 841	10,4	2 013	11,9	3 854	22,8
Можайский	10 350	984	9,5	1 259	12,2	2 243	21,7
Клинский	18 170	2 290	12,6	1 502	8,3	3 792	20,9
Московский	17 136	1 540	9,0	1 469	8,6	3 009	17,6
Итого в губернии	199 360	19 839	10,0	29 945	15,0	49 784	25,0

Источник. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. III. М., 1879, приложение «Общая сводная таблица статистических сведений по уездам Московской губернии».

стоит промышленный Московский уезд, близкий по проценту неземледельческих семей к земледельческим уездам.

У крестьян-собственников бывших помещичьих из 94 795 домохозяев 26 043 (27,5%) не занимались земледелием, а у бывших государственных крестьян — 12 977 (20,4%) из 63 537 домохозяев[55]. Крестьяне забрасывали земледелие по самым разнообразным причинам; «общий же характер их тот, что нет сил взяться за землю; «обессилел человек», «ослабел» — лишился или рабочего скота, или инвентаря, или нехватило семян... Отхожие промыслы отлучают от земледелия и лишают вместе с тем лицо, занятое ими с малолетства, необходимых условий земледельческого труда: скота, орудий обработки и т. п.»[56]

Чаще всего забрасывали земледелие крестьяне в промышленных и вместе с тем наиболее малоземельных уездах — Богородском, Бронницком, Коломенском (но не в Московском, ввиду большой доходности сельского хозяйства в пригородной зоне). Так в Гребневской волости Богородского уезда 53,5% всех приписных

[55] Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. III, общие сводные таблицы по разрядам крестьян.

[56] Там же, т. II. М. 1878, отд. III, с. XXXVII, XXXVIII.

домохозяев не занимались земледелием, а в Осеевской волости — 42,9% [57]. По словам исследователя промыслов Московской губ. А. Исаева, в некоторых местностях Богородского уезда «многие крестьяне оставляют земледелие совершенно и посвящают себя промышленным занятиям. По показаниям туземцев, число таких лиц увеличивается (их гораздо больше среди работающих на стороне, в отходе)» [58]. В Усмерской волости Бронницкого уезда оторвались от земледелия 47,6% всех приписных домохозяев, а в Гжельской волости — 43,3%. Как свидетельствует Исаев, в районе гжельского гончарного промысла «число лиц, не возделывающих земли, увеличилось, и это увеличение туземцы приводит в тесную связь с развитием разных заработков (на дальних фарфоровых заводах) на стороне, отвлекающих от деревни крестьян с их семьями на целый год без возможности возвращаться в деревню на полевые работы. По отзывам туземцев, такие крестьяне постепенно усваивают себе мещанский облик, теряют охоту к земледельческим работам, разучаются действовать косой или цепом и все более отчуждаются от деревни» [59]. В Коломенском уезде по степени отрыва крестьян от земледелия (56,5% всех приписных домохозяев) выделялась Горская волость с ее крупными текстильными фабриками.

Если в земледельческом хозяйстве имелся рабочий скот и инвентарь, если платежи за общинную землю были ниже, чем возможный доход с нее, то оставшиеся в деревне домохозяева не отказывались от надельных участков, приходившихся на долю постоянно отсутствующих членов семьи, даже в том случае, когда размер надела уже не соответствовал силе мужчин-работников: тогда за плуг нередко брались женщины. При распространенной в общинах Московской губ. тягольной разверстке земли учитывалось число рабочих рук, т. е. мужчин в рабочем возрасте, чаще всего уходивших в город на заработки. При этом во многих общинах даже на подростков «наваливалась» часть надела (из расчета на $^1/_4$, $^1/_2$ «мирской души»); с другой стороны, взрослые мужчины нередко получали землю из расчета на 2 «души» и более, а старики совсем освобождались от надела и повинностей.

Как писал В. И. Орлов, крестьяне «расстаются с нею (землей. — *Б. Т.*) и добровольно отказываются от нее только ввиду полной невозможности пользоваться ею, как, напр., при вымирании всех рабочих членов семьи, при постигшем убожестве, при

---

[57] Все данные по волостям см. в «Сборнике статистических сведений по Московской губернии». Отдел хозяйственной статистики, т. III, приложение, сводные таблицы по уездам.

[58] *Исаев А.* Промыслы Московской губернии, т. 2. М., 1876, с. 77. «Крестьяне Богородского уезда, занимаясь исключительно фабричными работами на стороне, не имеют других средств к уплате повинностей, как только деньги от заработков» (ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 311, д. 21156, л. 3 об.).

[59] *Исаев А.* Указ. соч., т. 2, с. 163—164.

старости, при постоянной отлучке целой семьи на заработки и т. п. Только в подобных случаях миру приходится «снимать души» с дворов, наваленные на них при общем переделе земли»[60]. Особенно стремились недопустить сокращения своих наделов из-за ухода членов семьи на заработки малоземельные крестьяне. Однако сельские общества часто отбирали землю у бедняков, накопивших недоимку, и передавали ее зажиточным домохозяевам под предлогом необходимости «уравнения» землепользования. Бедняки жаловались: «Крестьяне нашей деревни, большею частию из кулаков, сильных, сошлись на сход, составили приговор и отняли от меня одну душу земли, и продали ее односельному крестьянину... А при одной душе какой хозяин — нищий!»; «Общество крестьян... только и делает все свои дела на водке, т. е. короче сказать, если какой-нибудь крестьянин купит обществу ведро... водки, то общество старается все для него делать...»; «Местное сельское общество по составленному приговору отобрало у меня двухдушевой надел полевой земли и таковой продало односельцам... за 54 руб., из которых в присутствии старшины того же числа 4 руб. пропили на вине»[61].

Если же хозяйство не имело скота и инвентаря, если рабочие силы семьи целиком поглощались промыслами, если платежи за общинную землю превышали ее доходность, то отношение крестьян к наделу менялось. Каждый домохозяин стремился «свалить» с себя лишнюю надельную землю и платежи за нее, в первую очередь освободиться от «душ», причитавшихся ушедшим из деревни работникам. Но их интересы вступали в противоречие с интересами других домохозяев, которые старались распределить непомерные платежи и недоимку между возможно бо́льшим числом работников, не обходя и крестьян, круглый год работающих на стороне. С этой же целью иногда понижался возраст работников, получающих надел или его часть[62]. Мало того, наличие у семьи постоянных работников на стороне могло подать повод для «наваливания» на нее, как платежеспособную, дополнительных «душ». Безлошадные крестьяне, пытаясь хоть что-то получить от земли, обрабатывали ее наймом (отсюда широкое распространение обработки надела наймом именно в малоземельных

---

[60] *Орлов В. И.* Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. IV, вып. 1). М., 1879, с. 201. Крестьяне часто жаловались на неправильное, недостаточное наделение их землей, на отобрание у них надела за недоимку (ЦГА г. Москвы, ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 55, д. 389; св. 56, д. 416, 437, 446; св. 57, д. 503, 545, 551, 562, 563, 573; св. 58, д. 587, 628, 645, 652; св. 59, д. 702, 705; св. 60, д. 727, 739).

[61] ЦГА г. Москвы, ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 58, д. 628, л. 17; д. 645, л. 4; св. 59, д. 683, л. 3.

[62] К примеру, в селе Ильинском Коломенского уезда в 1891 г. «находится излишних 18 наделов, и общество их накладывает на малолетних 10, 12, 15-летнего возраста и престарелых 70-летнего возраста, и все они недоимщики и не платят даже и текущего оброка» (Там же, св. 51, д. 122, л. 2).

промышленных уездах) и, наконец, забрасывали свои наделы ввиду полной невозможности вести хозяйство, превращали их в пустыри, становясь «пустырниками».

Раскол внутри общины углублялся, «окончательно разорившись и переставши заниматься хлебопашеством, принуждены бывают со своими семьями уходить на сторону для заработков, а между тем, не пользуясь своими наделами, должны платить все лежащие на них подати, иначе мир не выдаст им паспорта и притом «стегает» их в волостном правлении за неплатежи; очевидно, мир в глазах пустырников является обузою, бичем, тормозом» [63]. Если можно говорить об иллюзорности связи многих постоянно отсутствующих в деревне крестьян с земледельческим производством, то теперь эта связь выглядит, как насмешка над ними, превращается только в тягость даже для оставшихся в деревне («при наделе»!) членов их семей. Случаи «свалки и навалки душ» учащались, сокращались промежутки между общими переделами земли, многополосица и чересполосица довершали развал хозяйства у большинства членов общины.

Расширение пустырей, «залужалых» участков, полей, поросших сорными травами и мелким кустарником, частое дробление полос и в конечном счете полный упадок хлебопашества еще более усиливали несоразмерность платежей с доходностью земли, особенно в малоземельных промышленных уездах (кроме Московского). Тогда общие переделы земли снова почти прекращались; крестьяне говорили: «К земле охладели и хозяйство совсем опустилось; а коли не пашем — так и делить незачем»; «достанется тебе пустырь — его не одолеешь, не упашешь; а другому дай и хорошую полосу — травой зарастет» [64]. Состоятельные крестьяне предпочитали покупать или арендовать землю у частных владельцев, чем брать наделы, обремененные платежами и запущенные «пустырниками», «шалтаями», «гуляками»: «Что ему! Он вымотал свою землю, ушел на фабрику и знать не хочет мира, его и с собаками не найдешь, а тут его пустыри ломай...» [65] Чтобы защитить интересы зажиточных крестьян, во многих общинах практиковались такие меры, как исключение из жеребьевки при общих переделах домохозяев, имеющих пустыри, и закрепление за ними

---

[63] Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. IV, вып. 1, с. 55. А. А. Булгаков пишет о «суровой дисциплинарной власти общества над отдельным его членом» (*Булгаков А. А.* Современные передвижения крестьянства. Направления, размеры и условия крестьянских движений Московской губернии по новым цифровым данным за десятилетие 1894—1903 гг. СПб., 1905, с. 5).

[64] Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. IV, вып. 1, с. 228—229. По подсчетам В. И. Орлова, 37,2% общин Московской губ. перераспределяли свои поля с 1858 по 1878 г. один раз, а 42,3% — два раза; 49,3% общин имели продолжительность промежутков между общими переделами в 15 и более лет (там же, с. 154, 159).

[65] Там же, с. 54.

пустынных полос или нарезание для них наименее удобной земли, «на задах».

Разоренные крестьяне покидали деревню и освобождались от надела, сдавая землю в аренду. Другие добивались передачи надела в полное распоряжение общины и платили подати «с пуста», в меньшем размере. В результате распространения уплаты «с пуста» (или «гуляцкого оброка») появлялись «упалые» наделы и расширялась категория безнадельных крестьян [66]. Некоторые члены общины вообще пропадали «в неизвестности» и превращались в постоянных неплательщиков податей.

К 1898—1900 гг. уже около $^1/_3$ (30,8%) приписных крестьянских семей Московской губ. оторвались от земледелия (см. табл. 26). Доля неземледельческих семей возросла по сравнению с 1877—1878 гг. во всех уездах, сильнее всего в Дмитровском (с 22,3 до 31,5%), Серпуховском (с 25,1 до 34,2%) и Бронницком (с 27,4 до 36,2%) уездах. В целом по губернии число неземледельческих семей за 20 лет увеличилось с 49 784 до 75 873 (или на 52,4%), однако число семей, имеющих надел, но не обрабатывающих его, уменьшилось с 29 945 до 29 449, зато число безнадельных семей увеличилось с 19 839 до 46 424 (или на 134,0%). Если в 1877—1878 гг. среди неземледельческих семей только 39,9% вовсе не имели надела, но в 1898—1900 гг. — уже 61,2%. Следовательно, отрыв от земледелия принимал наиболее резко выраженные формы, когда сельские общества все чаще были вынуждены освобождать постоянно отсутствующих на родине домохозяев от надела, чтобы они платили хотя бы «с пуста».

Именно поэтому мы предпочитаем пользоваться данными обо всем приписном крестьянском населении, а не об одном наличном. В. И. Ленин в письме Б. Н. Книповичу (6 июня 1912 г.), разбирая его книгу «К вопросу о дифференциации русского крестьянства», сделал следующее замечание: «Мне показалось, что кое-где упускается из виду уход из деревни при учете итогов „дифференциации“. Поясню свою мысль примером: а) первый момент. Из 100 дворов 25 безлошадных = 25% или беспосевных. б) Второй момент. Из 150 дворов 36 беспосевных = 24%. Кажется, уменьшение дифференциации? Но, если 30 дворов или семей ушли из деревни — в город, в переселение и т. п., то *на деле* пролетаризация усилилась. Я думаю, это пример типичный. Статистика всегда берет наличные дворы, оставаясь «узкостатистической» и опуская самое, иногда, главное» [67].

---

[66] Интересен приговор сельского схода крестьян деревни Аксанова, Глазовской волости, Можайского уезда, от 20 апреля 1886 г.: «Имели суждение о бездомовых крестьянах, имеющих полевой надел земли; посоветовавшись между собою, положили: с крестьян, не имеющих домов и не желающих владеть землею, плату за каждую душу владельной земли платить по 4 руб. в год, а землю их взять в общественную распашку, и какие по обществу будут доходы или расходы, бездомовые крестьяне не участвуют» (ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 5, св. 310, д. 21136, л. 4)

[67] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 64.

Таблица 26

Распределение числа неземледельческих крестьянских семей по уездам Московской губ. в 1898—1900 гг.

Уезд	Всего приписных крестьянских семей	В том числе											
		безнадельных				имеющих надел, но не обрабатывающих его				итого неземледельческих семей			
		наличных	отсутствующих	всего	% к приписным	наличных	отсутствующих	всего	% к приписным	наличных	отсутствующих	всего	% к приписным
Коломенский	18 591	1 364	2 066	3 430	18,4	1 108	2 420	3 528	19,0	2 472	4 486	6 958	37,4
Бронницкий	28 399	1 638	3 525	5 163	18,2	1 345	3 763	5 108	18,0	2 983	7 288	10 271	36,2
Богородский	31 947	2 012	2 409	4 421	13,8	3 719	3 042	6 761	21,2	5 731	5 451	11 182	35,0
Серпуховский	18 482	908	2 801	3 709	20,1	738	1 876	2 614	14,1	1 646	4 677	6 323	34,2
Дмитровский	20 160	2 076	3 485	5 561	27,6	303	483	786	3,9	2 379	3 968	6 347	31,5
Рузский	12 753	1 005	2 003	3 008	23,6	326	606	932	7,3	1 331	2 609	3 940	30,9
Верейский	9 984	699	1 141	1 840	18,4	378	670	1 048	10,5	1 077	1 811	2 888	28,9
Можайский	11 594	670	1 497	2 167	18,7	390	703	1 093	9,4	1 060	2 200	3 260	28,1
Клинский	21 388	2 093	2 281	4 374	20,5	641	909	1 550	7,2	2 734	3 190	5 924	27,7
Волоколамский	17 474	1 190	2 777	3 967	22,7	319	443	762	4,4	1 509	3 220	4 729	27,1
Звенигородский	15 745	1 243	1 828	3 071	19,5	443	710	1 153	7,3	1 686	2 538	4 224	26,8
Подольский	16 629	633	1 970	2 603	15,6	413	1 299	1 712	10,3	1 046	3 269	4 315	25,9
Московский	23 350	1 522	1 588	3 110	13,3	1 321	1 081	2 402	10,3	2 843	2 669	5 512	23,6
Итого в губернии	246 496	17 053	29 371	46 424	18,8	11 444	18 005	29 449	12,0	28 497	47 376	75 873	30,8

Примечание. Из 46 424 безнадельных семей 1189 имели приусадебные участки или арендованную землю, но выделить арендаторов не представляется возможным.

Источник. Московская губерния по местному обследованию 1893—1900 гг., т. I, вып. 3, М., 1904, таблица «Поуездные итоги».

Данные таблицы 26 как раз и способствуют уяснению связи между забрасыванием земледелия и бегством целых крестьянских семей из деревни. В 1898—1900 гг. 62,4% всех неземледельческих семей постоянно отсутствовали в месте своей приписки. 19,2% всех приписных крестьянских семей Московской губ. в полном составе постоянно отсутствовали в деревне и не занимались земледелием; особенно высок был процент таких семей в малоземельных южных и юго-восточных уездах — Коломенском (24,1%), Серпуховском (25,3%) и Бронницком (25,7%). Из 47 376 постоянно отсутствующих семей 35 177 (или 74,3%) не имели на родине даже изб, причем в трех названных уездах не имели изб в общей сложности 19—20% всех приписных крестьянских семей[68]. Отход на заработки, постепенно перерастающий в фактическое переселение семьи, доводил процесс ее отрыва от земледелия до полного завершения. Добавим к этому, что и наличные в деревне семьи нередко отказывались от возделывания земли по причине отсутствия рабочих рук, так как все взрослые мужчины отправлялись в отход.

Как правило, земские обследования губерний не позволяют установить, какая часть приписного крестьянского населения постоянно отсутствовала на родине; в лучшем случае учитывались только семьи, в полном составе покинувшие деревню. Московская губ. — редкое исключение из этого правила, и поэтому теперь мы можем, подытоживая приведенные ранее сведения об отходе и переселениях крестьян губернии, определить, какой процент приписного крестьянского населения (мужчин и женщин отдельно) по каждому уезду составляли лица, постоянно отсутствующие в месте приписки либо целыми семьями, либо в одиночку.

В 1898—1900 гг. было обследовано все приписное крестьянское население Московской губ., как наличное, так и отсутствующее. Наличной признавалась всякая приписная семья, из состава которой хотя бы одно лицо постоянно проживало в деревне и притом не на иждивении других лиц, а самостоятельно вело хозяйство (не обязательно земледельческое). Отсутствующие приписные семьи не имели в деревне своего хозяйства: «Из... приписного населения часть, и иногда очень значительная, отсутствует всей семьей, сохраняя с своим обществом лишь формальную связь; есть и такие, которые, хотя имеют и избу, но тоже не живут здесь или же ограничиваются весьма редкими наездами и на очень краткий срок, причем обычно не имеют никакого посева и вообще земледельческого хозяйства... При этом отсутствующими семьями считались не только такие, которые годами не бывают в своем селении и иногда даже неизвестно где находятся, но и такие, которые приезжают на несколько летних месяцев (менее 6) и не для работ, а „как бы на дачу“...»[69] Наконец, в составе наличных при

[68] *Булгаков А. А.* Указ. соч., с. 16.

[69] Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг., т. I вып. 1. М., 1903, с. XX.

писных семей также выделялись лица, проживающие на стороне круглый год и связанные с деревней «по личным своим трудом, который целиком поглощается промысловой деятельностью, а только в лице членов своих семей, проживающих в деревне» [70]. Отсутствующие приписные семьи и отсутствующие члены наличных приписных семей вместе образуют отсутствующее приписное население (см. табл. 27).

Таблица 27

Доля приписного крестьянского населения, постоянно проживающего на стороне, по уездам Московской губ. в 1898—1900 гг.

Уезд	% приписного крестьянского населения								
	проживающего на стороне круглый год			в том числе					
				всей семьей			в одиночку		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
Серпуховский	45,1	23,1	33,9	16,0	14,0	14,9	29,1	9,1	19,0
Коломенский	43,0	20,6	31,4	15,7	13,2	14,3	27,3	7,4	17,1
Бронницкий	42,3	20,2	30,9	17,0	15,1	15,4	25,3	5,1	15,5
Подольский	40,1	17,0	28,0	11,8	10,5	11,2	28,3	6,5	16,8
Можайский	29,8	16,2	22,7	10,9	9,4	10,1	18,9	6,8	12,6
Рузский	28,3	15,4	21,5	11,6	9,5	10,4	16,7	5,9	11,1
Верейский	27,1	15,5	21,0	10,3	8,8	9,6	16,8	6,7	11,4
Клинский	25,9	15,9	20,7	8,5	7,3	7,9	17,4	8,6	12,8
Волоколамский	26,6	14,4	20,2	10,1	9,2	9,6	16,5	5,2	10,6
Звенигородский	26,4	14,3	20,1	9,1	8,2	8,6	17,3	6,1	11,5
Дмитровский	24,5	15,7	19,9	10,5	9,5	10,0	14,0	6,2	9,9
Богородский	23,6	12,8	17,5	11,0	9,9	10,4	12,6	2,9	7,1
Московский	25,0	10,2	16,4	7,1	6,0	6,5	17,9	4,2	9,9
Итого в губернии	30,6	16,4	23,2	11,6	10,2	10,9	19,0	6,2	12,3

Источник. Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг., т. IV, вып. 1, М., 1907, с. 97.

Наиболее высокий процент приписного крестьянского населения, проживающего на стороне круглый год, наблюдался, прежде всего, в малоземельных южных и юго-восточных уездах — Серпуховском, Коломенском, Бронницком и Подольском (от 28,0 до 33,9% или от 40,1 до 45,1% всех мужчин). Далее располагались западные и северо-западные уезды, лучше обеспеченные землей, но гораздо хуже — местными заработками. Наконец, в малоземельных Московском и Богородском уездах, с развитой фабрично-заводской промышленностью, проживало на стороне круглый год только 16,4—17,5% приписного крестьянского населения или 23,6—25,0% всех мужчин.

[70] Там же, т. IV, вып. 1, с. 96.

Среди крестьян, переселявшихся целыми семьями, мужчин насчитывалось лишь немногим больше, чем женщин, а среди крестьян, отсутствующих в одиночку, мужчины во всех уездах резко преобладали над женщинами. Мужчины переселялись главным образом в одиночку, а женщины — в составе семей. В общем переселения в одиночку преобладали над семейным переселением, как и в других промышленных и неземледельческих губерниях, но крайне важно подчеркнуть, что в Московской губ. бегство из деревни целыми семьями представляло самое заурядное явление: в одиночку круглый год отсутствовало 12,3% приписного населения губернии, а всей семьей — 10,9%.

Однако возможность полного разрыва с общиной путем перехода из крестьянского в другие сословия (мещан, купцов, почетных граждан) была доступна лишь немногим крестьянам — наиболее зажиточным, предпринимателям. А. А. Булгаков, тщательно изучивший случаи выхода из крестьянства, пришел к выводу, что «этот акт сохраняет до сих пор большой реальный смысл и должен рассматриваться, как переход от неполноправного к полноправному общественному состоянию; если переселения — это уход «*на сторону*», то выход в другие звания — это уход «*вверх*» [71]. Наиболее тяжелым условием для лиц, желавших переселиться и перечислиться в мещанские или ремесленные общества, было требование уплаты недоимки и половины капитального долга по выкупной ссуде. При этом сельские сходы с большой неохотой выдавали увольнительные приговоры, заявляя, например, что считают увольняемого «первым исправным и богатым крестьянином, и если подобные ему крестьяне оставят общество, то тогда не останется достаточного числа лиц для уплаты казенных податей и недоимок...» [72] Бывали случаи, когда сельские общества отказывались поручиться за уплату другой половины капитального долга и увольняемым приходилось выкупать землю, т. е. вносить сумму, равную капитализированному из 6% платежу с надела [73].

3

Размещение и динамика крестьянского отхода в Европейской России

Ознакомимся теперь с размещением и динамикой крестьянского отхода в пореформенные годы XIX в., как она отражена в данных паспортной статистики, опубликованных в «Материалах» ко-

---

[71] *Булгаков А. А.* Указ. соч., с. 6. Курсив А. А. Булгакова.

[72] ЦГА г. Москвы, ф. 66, оп. 1, т. 3, св. 235, д. 14733, л. 5 об.; д. 14610; св. 234, д. 14683; св. 236, д. 14740; оп. 2, т. 1, св. 345, д. 517; ф. 62, оп. 1, т. 1, св. 52, д. 174.

[73] Там же, ф. 66, оп. 1, т. 3, св. 235, д. 14717, л. 7—7 об.; д. 14733, л. 24; оп. 2, т. 1, св. 338, д. 326, л. 2—2 об.

миссии 16 ноября 1901 г. и относящихся к 50 губерниям Европейской России. Эти данные не позволяют наметить важнейшие направления отхода по тому принципу, по которому ранее были намечены основные направления миграции населения вообще и рабочих, но вполне позволяют сравнивать степень распространения, а также продолжительность отхода в различных губерниях и районах.

Сведения о количестве паспортов (в тыс.), выбранных в среднем за год по десятилетиям с 1861 по 1900 г., в группах губерний Европейской России приводятся в приложении 12. Заметим, что в нижней части приложения, после подведения итогов, дополнительно помещены сводные данные по двум более обширным районам.

Первый район охватывает столичные, промышленные и неземледельческие губернии, без Псковской губ., отличавшейся крайне слабым развитием отхода, и с добавлением Рязанской и Тульской губерний, которые по направлениям отхода тяготели к Московской губ. Это — район резкого преобладания неземледельческого отхода в столичные города и другие индустриальные и торгово-промышленные центры.

Второй район охватывает центрально-земледельческие губернии (кроме указанных Рязанской и Тульской), малороссийские и средневолжские. Как уже упоминалось ранее, это основной район выхода переселенцев на земледельческие окраины России. Отход из этих губерний был направлен главным образом в новороссийские, нижневолжские и восточные губернии Европейской России, а также на Северный Кавказ. В районе преобладал земледельческий отход, но неземледельческий отход также развивался и с каждым десятилетием приобретал все большее значение.

Внимательное изучение данных приложения 12 раскрывает смысл этого районирования: выделение и сопоставление районов с наибольшим развитием отходничества соответственно в неземледельческой и земледельческой полосе Европейской России.

По абсолютному числу ежегодно выдаваемых паспортов, безотносительно к численности сельского населения, губернии первого района постоянно опережали губернии второго района. Однако разрыв между ними, очень большой в 1861—1870 гг., в последующие годы постепенно стал сокращаться, сперва быстро, а затем все медленнее. Так, если в первом районе число ежегодно выдаваемых паспортов увеличилось по сравнению с предыдущим десятилетием в 1871—1880 гг. на 138,8%, в 1881—1890 гг. — на 17,4, в 1891—1900 гг. — на 34,5%, то во втором районе оно увеличилось соответственно на 269,2, 43,0 и 38,6%. При этом в первом районе число паспортов возрастало медленнее, чем в среднем по всем 12 группам губерний Европейской России, а во втором районе — быстрее. Если в 1861—1870 гг. на долю первого района приходилось 58,7% общего числа выданных паспортов, то в 1891—1900 гг. — уже только 40,9%; доля же второго района увеличилась

с 20,1% до 27,2%. Таким образом, можно сказать, что по мере развития капитализма отсталые в социально-экономическом отношении, с наиболее сохранившимися крепостническими пережитками губернии второго района подтягивались по распространению отходничества до уровня губерний первого района, но достичь этого уровня так и не смогли. Характерно, что в списке губерний, занимавших первые пять мест по абсолютному числу выданных паспортов, при подсчетах по любому десятилетию оказываются губернии лишь первого района — Владимирская, Калужская, Московская, Рязанская и Тверская (в 1861—1870 гг. место Владимирской губ. занимала Ярославская губ., также входящая в первый район). Наконец, при меньших темпах прироста в первом районе число ежегодно выдаваемых паспортов с 1861 по 1900 г. увеличилось на 2088,8 тыс., а во втором районе, несмотря на более высокие темпы прироста, — всего на 1632,1 тыс. Иными словами, по абсолютному числу паспортов второй район все больше отставал от первого.

Аналогичные закономерности можно проследить, рассматривая количество паспортов, выбранных по десятилетиям (в среднем за год) на каждую 1000 сельских жителей[74]. Правда, в этом случае разрыв между губерниями изучаемых районов выглядит более внушительным. В 1861—1870 гг. в первом районе на 1000 сельских жителей было выбрано 62 паспорта, во втором районе — лишь 15 (или на 47 паспортов меньше); в 1891—1900 гг. — соответственно 170 и 74 (или уже на 96 паспортов меньше).

К уже доказанному ранее совпадению основных направлений миграции постоянных и временных рабочих (по данным переписи 1897 г. и С. А. Короленко) можно добавить еще одно отчетливое совпадение: преобладание как среди постоянных рабочих, переселившихся из одной губернии в другую, так и среди отходников лиц с неземледельческими занятиями. Как показал В. И. Ленин, изучая число выданных видов на жительство в группах губерний, намеченных Л. Весиным, отхожие промыслы в неземледельческой полосе Европейской России были развиты сильнее, чем в земледельческой полосе[75]. В. И. Ленин полагал, что из 5—6 млн. отхожих рабочих к неземледельческим принадлежали не менее 3 млн. человек[76].

Изучая динамику отходничества по данным паспортной статистики, нельзя не обратить внимания на 70-е годы XIX в., которые заслуживают быть названными «переломными» по отчетливо выраженному скачку числа выбранных паспортов. Этот скачок свя-

---

[74] Данные источника о числе сельских жителей по десятилетиям весьма приблизительны, поэтому мы используем их только для расчетов по районам и группам губерний.

[75] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 575—576; *Весин Л.* Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства. — «Дело», 1886, № 7, с. 127—155; 1887, № 2, с. 102—124.

[76] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 573, 576.

зан, во-первых, с тем, что в 60-е годы развитие отходничества (и переселений) сдерживалось началом проведения крестьянской реформы — установлением размеров крестьянских наделов, размежеванием помещичьих и крестьянских земель, заключением выкупных сделок и т. п. Во-вторых, требовалось известное время (особенно в черноземной полосе) для того, чтобы переход от преимущественно натурального хозяйства к товарно-денежным отношениям оказал заметное влияние на процесс разложения крестьянства и способствовал выталкиванию бедноты в поисках заработка из деревни[77]. В дальнейшем темпы прироста числа выбранных паспортов упали, стабилизировались и в 90-е годы вновь несколько увеличились (влияние промышленного подъема и голода).

Отдельно (см. приложение 13) нами подсчитано число (абсолютное и на каждую 1000 сельских жителей) выбранных годовых паспортов за три десятилетия, по которым имеются сопоставимые данные (с 1861 по 1890 г.). По числу годовых паспортов, а следовательно, и по числу отходников, проживавших вне своей деревни по крайней мере бóльшую часть года, фактически уже сменив место постоянного жительства, губернии первого района более чем в 3 раза превосходили губернии второго района. В 1881—1890 гг. из 1188,9 тыс. ежегодно выбранных годовых паспортов 617,5 тыс. (51,9%) приходилось на долю первого района, прежде всего Калужской, Московской, Рязанской, С.-Петербургской, Тверской и Ярославской губерний. При этом даже темпы прироста числа годовых паспортов в первом районе были лишь немногим ниже, чем во втором.

Особенно поражает разница в числе выбранных годовых паспортов на каждую 1000 сельских жителей по отдельным группам губерний (берем данные за 1881—1890 гг.): 90 паспортов в столичных губерниях, 34 — в промышленных и неземледельческих, 17 — в центрально-земледельческих (включая Рязанскую и Тульскую губернии), 9 — в малороссийских, 8 — в средневолжских и всего-навсего 3 — в нижневолжских и восточных губерниях Европейской России. И по этому показателю впереди располагаются те группы губерний, в которых переселения были наиболее тесно связаны с долгосрочным неземледельческим отходом в города и другие торгово-промышленные центры[78].

В целом для городского отхода, в отличие от деревенского, характерны «продолжительность и отдаленность отхода, так сказать, высшая ступень ремесел, требующая продолжительного обу-

---

[77] Еще в XIX в. экономисты, основываясь на данных паспортной статистики, называли рубеж 60—70-х годов временем «главного кризиса в крестьянской жизни» (*Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность..., с. 54).

[78] Характерно, что о случаях перерастания неземледельческого отхода в переселение (на примере Калужской губ.) еще в 60-х годах XIX в. писал Н. Флеровский (Берви В. В.). См.: *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. М., 1938, с. 398.

чения, постоянство и почти полная независимость отхода от местных условий, непригодность большинства ремесел для деревни, крайне вредное влияние их на земледелие, довольно глубокий разрыв с семьей и деревней и, наконец, известное развивающее значение городской жизни» [79].

От десятилетия к десятилетию во всех без исключения группах губерний наблюдался устойчивый рост числа выбранных годовых паспортов, устойчивый рост долгосрочного отхода и фактического переселения за ширмой отхода. Однако рост числа годовых паспортов в общем сочетался с уменьшением их процента ко всем выбранным паспортам сроком до одного года. Процент годовых паспортов особенно упал в 70-е годы, в период уже отмеченного резкого подъема отходничества, когда множество крестьян отправились в отход впервые и на короткие сроки. В следующем десятилетии в большинстве групп губерний падение процента годовых паспортов было незначительным или почти приостановлено, а в столичных, промышленных и неземледельческих губерниях доля годовых паспортов стала расти. Эта тенденция еще более окрепла в 90-е годы, но данные последнего десятилетия XIX в. не вполне сопоставимы с предыдущими ввиду реформы паспортной системы и поэтому опущены [80].

Широкое распространение в России сезонных и вообще временных отхожих заработков, по словам В. И. Ленина, вполне объясняется «сословной замкнутостью» крестьянской общины, прикреплением общинников к наделу, круговой порукой, паспортной системой — вообще отсталыми полукрепостническими формами крестьянского землевладения и полукрепостническими способами стеснения свободы передвижения крестьян. Но нельзя забывать и о другой существенной причине социально-экономического порядка — об узости внутреннего рынка на рабочую силу из-за наличия в стране сильных крепостнических пережитков и недостаточно глубокого, скачкообразного развития капитализма вширь и вглубь. Процесс обнищания и пролетаризации крестьянских масс благодаря переплетению, слиянию и двойному гнету капиталистических отношений и крепостнических пережитков, растущему малоземелью и — в нечерноземной полосе — разорению кустарей фабрикой по своим темпам и масштабам намного опережал рост рынка на рабочую силу. Возникла «громадная масса резервных рабочих» [81], многие из которых могли в лучшем случае

---

[79] *Жбанков Д. Н.* Бабья сторона, с. 16; Зародыш сельского пролетариата в Ярославской губернии. Ярославль, 1884, с. 14; Обзор Ярославской губернии, вып. 2. Ярославль, 1896, с. 189—190.

[80] Впрочем, эту несопоставимость не следует понимать упрощенно: реформа привела не только к усиленной выборке годовых паспортов крестьянами, уходившими из деревни на сравнительно короткие сроки, но и на деле способствовала возрастанию числа отходников, покидавших деревню на более продолжительное время.

[81] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 583.

рассчитывать только на сезонные, непостоянные и даже просто случайные заработки. Сезонные «промыслы» часто были уделом малоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих, они не позволяли крестьянину существовать круглый год вне земледельческого хозяйства; таким образом, они и отвлекали его от нищенского надела, и привязывали к нему. С ростом городов и фабрично-заводской промышленности расширялся спрос также на женский и детский труд, но не настолько быстро, чтобы отходник мог без риска забрать из деревни семью, лишив ее дохода от земледелия. Если же отходник сумел устроиться на фабрику или вообще получал какую-либо постоянную работу в городе, он начинал дорожить заработком, связь с землей ослабевала, отход становился круглогодичным (или с кратковременными приездами в деревню на праздники) и незаметно превращался в фактическое переселение [82].

Не разбирая имеющихся в «Материалах» комиссии 16 ноября 1901 г. и в труде Л. Е. Минца сведений о распределении числа краткосрочных билетов и 6-месячных паспортов, мы рассмотрим подробнее погубернские данные о средней продолжительности и распространенности отхода за десятилетие 1881—1890 гг. (последнее перед реформой паспортной системы). Погубернские данные мы предпочли потому, что избранные нами показатели либо вовсе не разработаны в литературе, либо хотя и применяются, но не систематизированы по всем губерниям. Кроме того, нам хотелось наглядно отобразить различия в продолжительности отхода даже в соседних, принадлежащих к одному району губерниях. Достаточно сравнить, например, Ярославскую губ. (преобладание долгосрочного отхода в С.-Петербург) [83] с Владимирской губ. (преобладание сезонного отхода на строительные и другие работы).

Прежде всего проследим, как группировались в 1881—1890 гг. губернии Европейской России в зависимости от преобладания того или иного вида на жительство. При этом необходимо различать абсолютное преобладание, когда на долю данного вида приходилось свыше половины общего числа выданных паспортов и билетов, от преобладания относительного (меньше 50%, но первое место по количеству), а также указывать на те виды, которые по распространенности занимали второе место [84].

---

[82] Значению крестьянского отхода для возникновения кадров фабрично-заводских рабочих много внимания уделила А. М. Панкратова. *Панкратова А. М.* Пролетаризация крестьян и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—90-е годы XIX в.). — «Исторические записки», 1955, т. 54, с. 200—207.

[83] В конце XIX в. из числа отхожих промышленников Ярославской губ. 75,3% мужчин и 73,9% женщин совсем не возвращались на сельскохозяйственные работы. — *Воробьев Кл.* Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Ярославль, 1903, с. 21.

[84] См. также картограммы: Соотношение количества краткосрочных билетов, 6-месячных и годовых паспортов к общему числу выбранных паспортов за десятилетие 1881—1890 гг. в кн.: *Минц Л. Е.* Указ. соч., между с. 28 и 29.

Абсолютное преобладание годовых паспортов наблюдалось в небольшой по площади, но очень важной в торгово-промышленном отношении области на северо-западе Европейской России. В состав этой области входили пять губерний — С.-Петербургская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская. Второе место по степени распространенности во всех названных губерниях занимали 6-месячные паспорта, что также свидетельствует о большой продолжительности отлучек.

В пяти других губерниях годовые паспорта преобладали лишь относительно: три губернии — Виленская, Витебская и Ковенская — примыкали на юге к предыдущей северо-западной области Европейской России, а две — Бессарабская и Ярославская — были расположены изолированно. На меньшую продолжительность отлучек отходников в этих губерниях указывает и тот факт, что в них (за исключением Витебской губ.) второе место по количеству занимали уже не 6-месячные паспорта, а краткосрочные билеты.

6-месячные паспорта нигде не преобладали абсолютно, а их относительное преобладание наблюдалось лишь в Московской губ. и в соседних Калужской, Смоленской, Тверской и Тульской губерниях. При этом в Калужской и Смоленской губерниях на втором месте шли краткосрочные билеты, а в трех других — годовые паспорта.

Следовательно, в общем преобладание годовых или 6-месячных паспортов было заметно в северо-западной части Европейской России, в Московской и в примыкавших к ней губерниях (кроме Владимирской и Рязанской), а также в Бессарабской и Ярославской губ. В этих 15 губерниях отлучки отходников отличались наибольшей продолжительностью.

На всей остальной территории Европейской России преобладали краткосрочные билеты и краткосрочные отлучки. Только в 8 губерниях это преобладание было относительным: в трех центрально-земледельческих (Орловской, Рязанской, Тамбовской), в примыкающих к ним на западе Черниговской и Могилевской, а также в расположенных отдельно Архангельской, Гродненской и Новгородской губерниях. При этом в первых четырех губерниях на втором месте шли 6-месячные паспорта, а в других четырех — годовые.

В 27 (из 50) губерниях Европейской России краткосрочные билеты преобладали абсолютно. В южных степных губерниях (от Астраханской до Херсонской включительно), юго-западных губерниях и Минской губ. это безраздельное преобладание несколько смягчалось довольно большой распространенностью годовых паспортов, занимавших по количеству второе место. Однако в остальных губерниях, охватывающих юго-восточную, восточную и частично северную часть Европейской России, абсолютное преобладание краткосрочных билетов ничем не смягчалось, но, напротив, сочеталось с выдвижением на второе место 6-месячных паспортов

и с крайне слабой распространенностью годовых, что свидетельствует о малой продолжительности отхода. К этим губерниям относятся: две северные (Вологодская и Олонецкая), все уральские и восточные, поволжские (от Костромской до Саратовской включительно), Владимирская и южные губернии черноземного центра, наиболее удаленные от Москвы — Воронежская, Курская, Полтавская и Харьковская.

Л. Е. Минц предположил, что каждый билет сроком от 1 до 3 месяцев в среднем соответствует отходу на 2 месяца, 6-месячный паспорт — на 4,5 месяца, годовой — на 9 месяцев [85]. Разумеется, этот расчет условен, но условным будет и любой другой расчет, хотя бы потому, что невозможно учесть случаи повторной выборки билетов одним и тем же лицом и что полнота использования сроков отхода, указанных в билетах и паспортах, была неодинаковой в различных губерниях. Однако мы сочли возможным условно использовать эти цифры для определения и сопоставления средней продолжительности отхода по губерниям в десятилетие 1881—1890 гг. (см. табл. 28) [86].

Исходя из нормы, принятой для 6-месячных паспортов, можно выделить губернии с высокой средней продолжительностью отхода (свыше 4,5 месяца в году) и губернии с низкой средней продолжительностью отхода (менее 4,5 месяца). Если вспомнить о двух крупных районах, составленных ранее (см. стр. 135—136), то можно заметить, что из 12 губерний первого района только три (Владимирская, Костромская и Нижегородская) отличаются низкой средней продолжительностью отхода. В С.-Петербургской губ. средняя продолжительность отхода достигала 6,4 месяца, в Ярославской — 6,0 месяцев, в Московской — 5,8 месяца. Напротив, все 11 губерний второго района характеризуются низкой средней продолжительностью отхода — от 4,4 месяца в Орловской и Тамбовской губерниях до 2,9 месяца в Симбирской губ. Вообще рассматриваемый показатель всего выше в северо-западной части и всего ниже в юго-восточной и восточной части Европейской России.

Но ведь высокая средняя продолжительность отхода вполне может сочетаться со слабой распространенностью отходничества в данной губернии, и наоборот. Поэтому для полноты картины необходим еще один показатель, который, к сожалению, не применяется исследователями, — число человеко-месяцев, проведенных крестьянством губернии в отходе или, иначе говоря, потерян-

---

[85] *Минц Л. Е.* Указ. соч., с. 25.

[86] Несколько слов о методике расчета. Можно взять не только данные о количестве паспортов, но и процентные соотношения различных видов на жительство. Пример: в Смоленской губ. в среднем приходилось 28,9% на билеты, 42,7% на 6-месячные и 28,4% на годовые паспорта. Подсчитываем: $28{,}9\times2=57{,}8$; $42{,}7\times4{,}5=192{,}15$; $28{,}4\times9=255{,}6$. Затем складываем полученные числа, а итог (505,55) делим на 100, так как использовались не абсолютные величины, а процентные отношения. После округления получаем среднюю продолжительность отхода равную 5,1 месяца.

Таблица 28

Распространенность и продолжительность крестьянского отхода в 1881—1890 гг. (по 50 губерниям Европейской России)

Губерния	Среднее годовое число человеко-месяцев (в тыс.), проведенных крестьянами в отходе	Средняя продолжительность отхода (месяцев в году)	Губерния	Среднее годовое число человеко-месяцев (в тыс.), проведенных крестьянами в отходе	Средняя продолжительность отхода (месяцев в году)
Московская	1374,0	5,8	Казанская	337,6	3,1
Тверская	1307,0	5,3	Пензенская	337,1	3,7
Рязанская	1235,2	4,7	Витебская	316,2	5,5
Калужская	1006,5	4,9	Ковенская	298,0	5,9
Ярославская	898,2	6,0	Могилевская	292,5	5,0
Владимирская	878,6	3,8	Херсонская	289,5	4,4
Тульская	768,9	5,5	Волынская	287,6	4,7
С.-Петербургская	668,8	6,4	Минская	270,2	4,7
Смоленская	629,8	5,1	Вологодская	253,4	3,6
Курская	627,0	3,8	Екатеринославская	246,8	4,4
Костромская	584,1	3,4	Гродненская	245,5	4,9
Нижегородская	559,3	3,9	Виленская	209,5	5,9
Орловская	539,9	4,4	Псковская	202,2	6,3
Киевская	526,7	3,8	Бессарабская	177,6	5,9
Вятская	522,3	3,0	Архангельская	168,5	5,0
Тамбовская	507,3	4,4	Астраханская	155,4	2,9
Воронежская	498,6	3,2	Таврическая	146,3	4,6
Полтавская	472,6	3,4	Лифляндская	130,1	7,7
Новгородская	450,8	4,6	Олонецкая	130,0	4,0
Черниговская	431,3	4,2	Самарская	124,6	3,6
Харьковская	405,6	3,3	Оренбургская	120,9	3,0
Саратовская	397,0	3,7	Курляндская	113,2	6,7
Симбирская	387,2	2,9	Уфимская	102,1	2,9
Подольская	346,7	4,4	Область Войска Донского	80,0	4,0
Пермская	338,8	2,8	Эстляндская	54,3	8,1

ных для работы в крестьянских хозяйствах по месту приписки. Это число получается путем умножения средней продолжительности отхода на количество всех выбранных паспортов и билетов [87]. Оказывается, что за десятилетие 1881—1890 гг. в 12 губерниях первого района ежегодно затрачивалось в отходе 10 361,2 тыс. человеко-месяцев, между тем как в 11 губерниях второго района — всего 4 941,2 тыс. А в пересчете на каждую тысячу сельских жителей (без различия пола и возраста) разница увели-

[87] Расчет условен в таком же смысле, как и расчет средней продолжительности отхода. В частности, мы молчаливо подразумеваем, что один паспорт (билет) соответствует одному отходнику.

чится еще больше: 695,8 человеко-месяца в первом районе и 220,2 — во втором.

Приводимые в табл. 28 сведения способствуют более глубокому пониманию соотношения неземледельческого и земледельческого отхода в Европейской России. Конечно, обе эти разновидности отхода были представлены в каждом из выделенных нами районов, но с одной существенной разницей: в первом районе преобладание неземледельческого отхода было выражено гораздо сильнее, чем преобладание земледельческого отхода во втором районе.

Очевидно, что неземледельческий отход (особенно в города) отличался от земледельческого большей продолжительностью, меньшей зависимостью от сезонных условий. Уже только по одной этой причине он был выгоднее для крестьян, однако можно добавить еще несколько соображений в пользу большей выгодности именно первой разновидности отхода. В неземледельческой полосе крестьяне чаще отправлялись в отход с известными средствами, позволявшими им использовать для передвижения железные дороги или пароходы и тратить меньше драгоценного времени на дорогу, чем сельскохозяйственные рабочие. Неземледельческий отход был также устойчивее в смысле традиционности направлений и возможности найти заработок, хотя гарантии от безработицы, разумеется, не существовало. Сельскохозяйственные рабочие чаще принуждены были скитаться в поисках заработка и менять направления отхода в зависимости от спроса на рабочие руки в той или иной местности, от видов на урожай. Наконец, неземледельческие работы, в отличие от сельскохозяйственных, несравненно чаще требовали предварительного ученичества, опыта и квалификации и поэтому оплачивались гораздо выше. В губерниях второго района квалификация отходников вообще была более низкой, чем в губерниях первого района, как ввиду характера отхода (по преимуществу земледельческого), так и ввиду слабого развития местных промыслов, способных подготовить квалифицированных работников. «Энциклопедизм — это главнейшая характерная черта нашего черноземного промышленника; он за все берется, все делает, что ни заставят, что ни приведется, но по большей части ничего специально не знает и не умеет» [88].

Государственные крестьяне черноземного центра еще при крепостном праве часто занимались отхожими промыслами, тогда как помещичьи крестьяне обычно сидели на барщине [89]. Это различие не утратило своего значения и в первые пореформенные десятилетия: государственные крестьяне по-прежнему чаще и на более длительное время отправлялись в отход; среди них был

---

[88] Сборник статистических сведений по Курской губернии, т. 1. Промыслы и грамотность центрального района Курской губернии, отд. II. Курск, 1885, с. 39.

[89] *Дружинин Н. М.* Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 168—171.

выше процент неземледельческих «промышленников». Привыкнув к отходу, хорошо изучив его направления и местности с наиболее высокой заработной платой, они могли улучшить свое материальное положение. Они легче решались в случае необходимости и на переселение, причем наличие известных денежных средств позволяло им быть разборчивее при выборе мест поселения и быстрее создавать новые хозяйства.

Помещичьи крестьяне реже покидали родные места и дольше осваивали пути отхода: «У них нет знакомства с теми отдаленными местностями, которые привлекают рабочие силы; они не знают ни маршрута, ни тамошних условий быта, они не умеют выбрать наиболее удобное время для того, чтобы отправиться на промысел или остаться дома...»[90] Отсутствие у многих помещичьих крестьян устойчивой традиции отхода лишало их хозяйства важных доходных статей и препятствовало возникновению столь же устойчивой традиции переселения. А в случае переселения недостаток средств ставил их в особо тяжелые условия, побуждая переселяться не столько туда, где лучше, сколько туда, куда они были способны добраться.

В «Материалах» комиссии 16 ноября 1901 г. приведены средние погубернские годовые заработки одного рабочего в отхожих промыслах по данным 1900 г. Подобного рода расчеты, разумеется, приблизительны и даже спорны, но мы все-таки не стали бы относиться к ним чересчур скептически, предполагая, после всего сказанного ранее, что возможные ошибки связаны прежде всего с неполной оценкой всех преимуществ и выгодности для крестьян именно неземледельческого отхода. С учетом этого предположения, мы даем в таблице 29 сведения о средних годовых заработках одного отхожего рабочего по группам губерний и по двум районам[91].

Средний заработок отходника в первом районе (66 руб.) был почти в 2 раза выше, чем во втором (37 руб.). Кроме того, во всех группах губерний нечерноземной полосы, исключая уральские и Крайнего Севера, заработки были выше, чем в группах губерний черноземной полосы. Наивысшие заработки наблюдались в столичных, промышленных и неземледельческих губерниях (96 и 70 руб.), а наименьшие — в центрально-земледельческих и средневолжских губерниях (по 36 руб.). Из отдельных губерний выделялись: по самой высокой заработной плате — Яро-

---

[90] Сборник статистических сведений по Курской губернии, т. 1, отд. II, с. 32.

[91] Эти сведения получены не путем сложения средних погубернских заработков, а путем определения общей по всем губерниям каждой группы (района) суммы годового заработка отходников и общего числа отхожих рабочих с последующим делением первого числа на второе.

Хотя в источнике говорится именно об «отхожих рабочих», в их число, несомненно, попали и отходники, на деле не работавшие по найму. Устранить эту неопределенность сколько-нибудь убедительным способом невозможно, но ее нужно иметь в виду.

Таблица 29

Средний годовой заработок одного рабочего в отхожих промыслах по группам губерний Европейской России (около 1900 г.)

№ п/п	Группы губерний	Заработок (в руб.)	№ п/п	Группы губерний	Заработок (в руб.)
1	Столичные	96	10	Средневолжские	36
2	Промышленные и неземледельческие	70	11	Новороссийские	44
3	Прибалтийские	58	12	Нижневолжские и восточные	41
4	Западные	58		Итого в 50 губ. Европ. России	54
5	Уральские	44		1-я и 2-я группы (без Псковской губ.) с Рязанской и Тульской губ.	66
6	Крайнего Севера	41		8-я, 9-я и 10-я группы (без Рязанской и Тульской губ.)	37
7	Юго-западные	49			
8	Центрально-земледельские	36			
9	Малороссийские	45			

Источник. «Материалы» комиссии 16 ноября 1901 г., ч. 1, табл. XIX.

славская (122 руб.), Костромская (117 руб.) и Московская (110 руб.), по самой низкой — Симбирская (27 руб.), Пензенская и Курская (по 28 руб.).

При рассмотрении заработной платы сельскохозяйственных (пришлых и местных) рабочих также сохраняется основное различие между губерниями с наиболее низкой платой (центрально-земледельческими, средневолжскими и малороссийскими) и губерниями с более высокой платой (новороссийскими, нижневолжскими и восточными, а также столичными и основными промышленными в нечерноземной полосе) [92]. При этом для возникновения отхода достаточно, чтобы поденная заработная плата в сравниваемых местностях отличалась всего лишь на несколько копеек.

Изучение передвижений отходников, как и передвижений постоянных рабочих, показывает нам, по словам В. И. Ленина, основу процесса складывания внутреннего рынка на рабочую силу: «Два главных района, *наиболее* развитые в капиталистическом отношении, привлекают массы рабочих: район земледельческого капитализма (южные и восточные окраины) и район промышленного капитализма (столичные и промышленные губернии). Заработная плата наиболее низка в районе выхода, в центральных земледельческих губерниях, отличающихся наименьшим развитием капитализма, как в земледелии, так и в промышленности; в районах же прихода заработная плата повышается по всем видам работ, повышается и отношение денежной платы ко всей плате, т. е. усиливается денежное хозяйство на

[92] «Материалы» комиссии 16 ноября 1901 г., ч. I, таблица XXII.

счет натурального». В сущности, писал далее В. И. Ленин, этот двусторонний процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности и развития земледельческого капитализма «резюмирует все изложенное выше по вопросу об образовании внутреннего рынка для капиталистического общества» [93].

В заключение отметим, что, хотя «Материалы» комиссии 16 ноября 1901 г. содержат данные о выборке паспортов только в 50 губерниях Европейской России, крестьянский отход, разумеется, был развит и за пределами этих губерний. Укажем на важнейшие направления отхода: 1) из Дагестанской области, Елисаветпольской и Кутаисской губерний на промышленные предприятия Тифлисской губ. и нефтяные промыслы Бакинской губ.; 2) из степных областей Средней Азии — на рыбные и другие промыслы Поволжья, в Оренбургскую губ. и на предприятия Алтайского горного округа; 3) из губерний Западной Сибири в губернии и области Восточной Сибири. Однако нужно учесть, что в Сибири отлучки без видов на жительство (даже на продолжительные сроки) были обычным явлением и поэтому паспортная статистика не дает представления о размерах отходничества. А. Н. Куломзин в 1896 г. следующим образом охарактеризовал значение и состояние отходничества в Сибири: «Необходимо заметить, что вообще отсутствие из мест приписки имеет большое значение в Сибири. Не говоря уже о ссыльно-поселенцах, многие старожилы уходят на заработки, не заботясь о выправке вида, и отсутствуют иногда 10 и более лет. При бывшем в 1892 г. недороде хлебов в юго-западной части Тобольской губернии многие местные крестьяне ушли на заработки и до настоящего времени находятся в безвестной отлучке, причем на них, конечно, копятся недоимки. Это явление настолько жизненно, что вызвало со стороны одного из исследователей Сибири остроумное замечание, будто бы наиболее оседлыми в смысле безотлучного проживания в местах своей приписки оказываются кочевые инородцы. Новоселы, заражаясь сибирскими привычками, также довольно часто уходят из своих селений. Перемещаются обыкновенно на восток, так как в этом направлении поступательно дорожают цены на рабочие руки, причем часть отлучающихся пополняется пришедшими, в свою очередь, с запада» [94].

При огромных расстояниях в Сибири и при большой продолжительности отлучек властям было трудно бороться с уходом старожилов на заработки без видов на жительство. К тому же сами старожилы привыкли постоянно видеть в своих селениях неприписанных лиц — самовольных переселенцев. Последние, в свою очередь, и подавно не нуждались в выборке паспортов

---

[93] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 588—590.

[94] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896, с. 106—107.

для ухода на заработки[95]. В таких условиях, естественно, была достигнута значительно бо́льшая свобода передвижений, чем в Европейской России. Характерны также уже знакомые нам по Европейской России случаи ухода не «лишних», а необходимых для данной местности работников и замены их пришлыми из других мест.

Между крестьянским отходом и крестьянскими переселениями существовала тесная и глубокая связь. Связь эта заключалась прежде всего в том, что и временный отход на заработки и переселение на постоянное жительство представляли собой различные формы миграции жителей, отражали единый в своей основе процесс усиления подвижности населения, характерный для капиталистического общества. Далее, важнейшие направления передвижения отходников совпадали с направлениями передвижения постоянных рабочих и с наиболее крупными направлениями миграции населения вообще. Отход, позволявший крестьянам знакомиться с новыми городами и сельскими местностями, сравнивать условия жизни и заработную плату в различных районах страны, зачастую подготавливал переселение на постоянное жительство. Наконец, в условиях стеснения свободы передвижения, с одной стороны, сам отход незаметно перерастал в фактическое переселение, а с другой — само переселение сплошь и рядом совершалось под маской отхода.

---

[95] Об интенсивной внутренней миграции населения на Алтае и о «самовольном» отсутствии многих переселенцев из Европейской России см.: *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 136—137.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководствуясь высказываниями В. И. Ленина и осмыслив богатый фактический материал, содержащийся в использованных нами источниках, попытаемся показать значение миграций населения в России второй половины XIX в., их связь с социально-экономическим строем, с развитием капитализма и сохранением крепостнических пережитков.

В трех главах настоящей работы мы наметили основные направления миграций населения России, выделили районы выхода переселенцев, районы внешней и внутренней земледельческой колонизации, определили значение и размеры переселений в города, выяснили роль передвижений рабочих в общих миграционных потоках, изучили особенности складывания внутреннего рынка на рабочую силу, пути и формы перерастания крестьянского неземледельческого отхода в фактическое переселение.

Связь между переселениями и развитием капитализма заключалась прежде всего в том, что они по существу были составной частью процесса разложения крестьянства в пореформенной России. Они возникали в местностях, где капиталистический характер этого разложения не мог проявиться в полной мере из-за земельной тесноты и гнета крепостнических пережитков, переплетавшихся с примитивными капиталистическими отношениями, где были менее заметны элементы капиталистической организации земледельческого производства.

Земледельческие переселения были направлены на окраины страны и означали развитие капитализма вширь. Эти районы заселения характеризовались следующими признаками: 1) слабостью крепостнических пережитков и даже полным отсутствием помещиков; 2) наличием свободных и доступных для разработки земель, т. е. отсутствием малоземелья — одного из основных препятствий для широкого роста капитализма в сельском хозяйстве; 3) наиболее освоенные территории выделялись уже высоким уровнем земледельческого капитализма (особенно новороссийские губернии и Северный Кавказ).

Неземледельческие переселения были направлены в города и другие торгово-промышленные центры и означали развитие капитализма главным образом вглубь. Важнейшим их результатом было формирование кадров наемных рабочих в промышленности,

на транспорте и в торговле, расширение сферы капиталистического производства в его наиболее зрелых формах.

Если начать анализ с земледельческих переселений, то указанная связь подтверждается сложным социальным составом переселенцев, многообразием причин, побуждавших представителей различных групп крестьянства бежать на окраины страны из родной деревни, чаще всего расположенной в черноземном центре Европейской России. Недаром В. И. Ленин отнес центрально-земледельческие, малороссийские и средневолжские губернии к важнейшему району выхода переселенцев, в первую очередь на земледельческие окраины. По данным переписи 1897 г., из этого района выселилось (не считая лиц, не выходивших в итоге миграций за его пределы) 3409,6 тыс. человек, или 12,2% его наличного населения в 1897 г. и 28,7% к общему числу зарегистрированных переписью уроженцев других губерний и государств. Географическое положение названных губерний — в центре земледельческой полосы Европейской России — способствовало возникновению разнообразных, ведущих во все основные заселяемые местности направлений миграции.

В этом районе выхода переселенцев земельная теснота достигла такой остроты, что могла принудить к переселению даже состоятельных домохозяев. Свидетельства земских корреспондентов иногда очень рельефно, с упоминанием интересных подробностей изображают процесс появления у зажиточных крестьян чувства хозяйственной бесперспективности [1]: «Здесь „нельзя расширить хозяйства", потому что нельзя завести скотины. Некоторые из состоятельных переселенцев, чтобы не затемнить дела, останавливаются только на этом доводе, полагая, что раз нет пастбища, так значит нельзя и держать скота, нельзя значит и „расширить хозяйства"».

Один состоятельный переселенец, имевший четырех сыновей, «указал еще, что его 15 десятин недостаточны для богатой рабочими силами семьи, а аренда дорога, доход от дальних заработков чрезвычайно мал и непрочен, притом же осень, зиму и весну сыновьям приходится оставаться совсем без работы, и он боится подумать о том, что будет с семьей, когда 15 десятин будут разделены на 4 части...» [2]

---

[1] Мы приводим в заключении много примеров по Полтавской губ., земские статистики которой, проделав громадную работу, издали двухтомное исследование, содержащее чрезвычайно ценный (хотя не всегда должным образом сгруппированный и осмысленный) материал о переселениях. В этом труде приведены очень выразительные высказывания самих крестьян о причинах, толкнувших их на переселение, о ходе переселения, о положении новоселов и т. п. (Переселения из Полтавской губернии с 1861 г. по 1 июля 1900 г., вып. 1. Полтава, 1900; Переселения из Полтавской губернии с 1861 г. по 1 января 1901 г., вып. 2. Полтава, 1905).

[2] Переселения из Полтавской губернии..., вып. 1, с. 254.

Ясно, что такие семьи вполне могли пойти на переселение, пока они не распались, пока имелись еще необходимые средства. Впрочем, иногда переселялись зажиточные домохозяева, которые, по-видимому, не испытывали серьезных экономических затруднений, но отличались особой предприимчивостью; ими всецело руководила жажда большей наживы.

Середняки гораздо чаще, чем зажиточные крестьяне, превращались в переселенцев, однако их отношение к переселению было двойственным. С одной стороны, в условиях господства товарно-денежных отношений и развития капитализма они постепенно распадались на две группы: большинство разорялось, превращаясь в бедняков, а меньшинство становилось зажиточными домохозяевами. Если не считать этого меньшинства, то чувство хозяйственной неустойчивости никогда не покидало середняков, становилось постоянным, сочеталось с боязнью полного разорения, полного закабаления. Но, с точки зрения середняка, «жизнь батрака не может быть идеалом человека» [3]. Поэтому многие середняки спешили переселиться, не ожидая наступления того времени, когда действительная бедность, настоящая нужда сделают успешное переселение невозможным. С другой стороны, экономически они были слабы и не могли избежать в ходе переселения основательного риска и даже тяжелых лишений. Поэтому они изо всех сил старались удержаться на родине; при малейшей возможности обеспечить себя продовольствием, расширить хозяйство, хотя бы путем убыточной краткосрочной аренды, найти дополнительный заработок середняки уклонялись от переселения, колебались, как бы говоря: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Середняки стремились улучшить свое положение и даже стать зажиточными домохозяевами, но это удавалось далеко не всем переселенцам: для многих из них переселение кончалось быстрым разорением и превращением в батраков.

Что касается бедняков, то они всегда активно участвовали в переселенческом движении. Бедность сгоняла людей с насиженных мест, заставляя преодолевать любые лишения, но часто, в условиях крайней нищеты, переселение становилось мечтой, которой не суждено было осуществиться. В этом смысле характерно высказывание крестьянина-бедняка из Константиноградского уезда Полтавской губ.: «Если бы только кто-нибудь объяснил, как уйти, чтоб не вернули, так немедленно там бы был. Лучше хоть в работниках — да там, потому что здесь и в работниках нет возможности. Без пользы для себя работаешь — руки опускаются, как подумаешь, что на Амуре мог бы быть. Если бы не семья, так ничто бы не удержало. Если бы помощь кто подал, тому бы душу продать согласен. Говорят, там холодно, а я скажу — нам холоднее; там скот надо кормить дома 6 месяцев, а я скажу, что хоть бы и все 12, да только было бы чем кормить его; здесь

---

[3] Переселения из Полтавской губернии..., вып. 1, с. 257.

и одну корову не прокормишь. Арендные цены настолько выросли, что не пользу от земли получишь, а убыток, так что выходит, что платишь помещику за пот, который на его земле проливаешь» [4].

Для таких крестьян, в отличие от середняков, даже жизнь в батраках могла быть идеалом — при условии более высокой заработной платы и при отсутствии ненавистных «панов», с которыми в сознании крестьян были неразрывно связаны и малоземелье, и пережитки унизительных крепостнических отношений.

У бедняков, которые, подобно упомянутому крестьянину из Константиноградского уезда, не имели средств, но мечтали о переселении и готовы были «душу продать» тому, кто оказал бы им помощь, иногда действительно появлялась возможность переселиться, закабалившись заранее. Иные зажиточные хозяева, уходя в Сибирь, где «наемный труд дорог», перевозили с собой работников. «Таких примеров много, но мы не будем приводить их потому, что порядок добывания рабочих рук настолько хорошо усвоен каждым полтавцем и настолько соблазнителен для каждого, имеющего 10—20 рублей, что странно было бы, если б он не был применен и в переселенческой среде» [5].

И здесь чрезвычайно рельефно выступает двоякая связь переселений с развитием капитализма и в местах выхода переселенцев, и в местах заселения. Конечно, отношения между зажиточными и бедными переселенцами не свободны от элементов кабалы, столь распространенной на их родине.

Следует обратить внимание на динамику социального состава переселенцев, причем не только во времени, но — что не менее важно — и в зависимости от направлений переселенческого движения: такой географический подход значительно усложнит и вместе с тем прояснит общую картину.

Среди крестьян, направлявшихся в Сибирь, до начала 90-х годов XIX в. преобладали середняки, которым угрожало разорение. Затем значительную часть переселенцев всегда составляли бедняки, но такие, которые все же располагали известными средствами, хотя бы только на дорогу. Наконец, среди переселенцев попадались и зажиточные крестьяне [6].

---

[4] Там же, с. 259.

[5] Там же, с. 252.

Напомним, что В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», говоря о капиталистическом характере относительного перенаселения (или о контингенте резервной армии безработных), заметил: «Возьмите даже самых мелких производителей в земледелии или в промышленности, и вы увидите, что исключением является такой, который бы не нанимался сам или не нанимал других» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 586).

[6] «Центральной фигурой в переселенческом движении в это время является *середняк, которому угрожает переход в разряд бедноты.* Но это справедливо только «в среднем». Переселенческая масса была все же достаточно пестрой». — *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (Историко-

С начала 90-х годов XIX в., после сильнейших неурожаев и после открытия западного участка Сибирской железной дороги, среди переселенцев в Азиатскую Россию стали преобладать бедняки, вытеснившие середняков. Изменению социального состава переселенцев способствовали удешевление и облегчение пути в Сибирь, более широкое вовлечение в переселенческое движение крестьян-подворников (особенно из Полтавской губ.), новые черты в переселенческой политике царизма [7].

К сожалению, нередко в литературе выводы о социальном составе сибирских переселенцев излагаются таким образом, как будто речь идет о переселенцах вообще [8]. Между тем, по нашим наблюдениям, из всех окраин страны Сибирь стала основным колонизуемым районом лишь с начала 90-х годов XIX в., как раз тогда, когда в нее двинулись крестьяне-бедняки. В 60—80-х годах такими основными районами являлись южные и юго-восточные окраины Европейской России и Северный Кавказ. По данным переписи 1897 г., в Западной Сибири насчитывалось (кромо лиц, переселившихся внутри района) 949,2 тыс. уроженцев других губерний (прилож. 4), почти столько же на Северном Кавказе — 903,4 тыс., еще больше в новороссийских губерниях — 1219,7 тыс., к которым нужно добавить еще 664,7 тыс. человек, осевших в нижневолжских и восточных губерниях. Действительное соотношение между числом переселенцев следует, однако, изменить в пользу Северного Кавказа и земледельческих окраин Европейской России, так как в них максимум переселений приходился на более раннее время, чем в Западной Сибири.

Эти окраины Европейской России и Северный Кавказ были хорошо знакомы крестьянской бедноте черноземного центра по многократному опыту отхода и доступны для переселенцев с крайне незначительными средствами. Бедняки выигрывали от переселения в эти районы, даже арендуя участки земли, даже становясь батраками или промышленными рабочими. Относительно нижневолжских и восточных губерний следует еще заметить, что они лежали на пути переселенцев, направлявшихся из черноземного центра в Сибирь, и поэтому в них (особенно в Самарской губ.) частично оседали бедняки, совершенно обнищавшие

географические очерки). Иркутск, 1951, с. 128. — Курсив В. В. Покшишевского. См. также: *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962, с. 70—71.

[7] *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, с. 122—123.

[8] Это замечание относится и к изучению переселений на окраины в целом. Неоднократно приходится наблюдать, как исследователи делают весьма ответственные выводы о размерах переселенческого движения, о его подъемах и спадах в различные периоды, руководствуясь сведениями о числе переселенцев в Азиатскую Россию, а чаще лишь в Сибирь. Правда, сведения о переселениях в новороссийские, нижневолжские и восточные губернии Европейской России, на Северный Кавказ получить несколько труднее, но делать выводы без этих данных рискованно.

в дороге и не сумевшие добраться до цели. В дальнейшем происходило новое расслоение: меньшинство переселенцев, окрепнув, создавали крупные хозяйства или же продолжали прерванный когда-то путь в Сибирь, а остальные с трудом осваивали небольшие земельные участки или разорялись, фактически превращаясь в безземельный пролетариат.

Если же к земледельческим переселениям на окраины добавить неземледельческие переселения в города и другие торгово-промышленные центры, то мы приходим к выводу о бесспорном преобладании среди переселенцев крестьян-бедняков на протяжении всего пореформенного времени. Повторяем: этому выводу, его значению в литературе не уделяется должного внимания.

В итоге социальный состав переселенцев снова указывает на связь переселений с развитием капитализма, с капиталистическим характером аграрного перенаселения, ибо, как показал В. И. Ленин, «русский капитализм не мог бы никогда развиться до современной высоты, не мог бы просуществовать и года, если бы экспроприация мелких производителей не создавала многомиллионной массы наемных рабочих, готовых, по первому призыву, удовлетворить максимальный спрос предпринимателей в земледелии, в лесном и строительном деле, в торговле, в обрабатывающей, горной, транспортной промышленности и т. д.» [9].

Недаром среди часто повторяющихся жалоб переселенцев постоянно встречаются жалобы на недостаток местных и отхожих заработков, на тяжелые условия найма, на низкую заработную плату в местностях, откуда они ушли: «Работай, работай, а не знаешь, будет ли завтра кусок хлеба»; «если же паны жать начнут машиной, то пропадай совсем!» [10]

Обратим внимание на последнее восклицание: лишившись заработка в помещичьих экономиях из-за распространения усовершенствованной техники, бедняки нередко оказывались без средств к существованию и выталкивались из деревни; больше всего они опасались появления уборочных машин, из-за которых сокращались даже отработки, не требующие наличия у крестьян собственного скота и инвентаря. В связи с этим необходимо отметить характерную особенность районов выхода переселенцев: крепостнические пережитки в сочетании с растущей земельной теснотой *усиливали* действие законов капиталистического аграрного перенаселения, создавая такую обстановку в деревне, когда положение крестьян резко ухудшалось даже под влиянием сравнительно немногочисленных случаев [11] введения усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, или перехода помещиков к собственной запашке с наймом батраков, или мобилизации

---

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 584.
[10] Переселения из Полтавской губернии..., вып. 1, с. 259, 261.
[11] Немногочисленных по сравнению с районами развитого земледельческого капитализма.

земли в руках кулаков. Каждый такой случай мог лишить бедняков средств к существованию, поставить середняков перед угрозой разорения, побудить тех и других к переселению. Недаром один из крестьян Кременчугского уезда Полтавской губ. на вопрос о причинах переселений ответил одним словом: «Банки!». Он хотел сказать, что с помощью банков состоятельные крестьяне покупали помещичью землю и лишали бедняков возможности арендовать ее: «Если купит эту землю казак, то бедному человеку лучше на свете не жить» [12].

Заслуживает упоминания и еще одна особенность районов выхода переселенцев, где обычно преобладала отработочная система: введение машин приводило в них к известному росту числа капиталистически занятых наемных рабочих в земледелии, правда, гораздо более слабому, чем рост числа крестьян, чье положение ухудшалось из-за невозможности пользоваться, как ранее, помещичьими пахотными и сенокосными угодьями. А в некоторых районах капиталистического земледелия (особенно в новороссийских губерниях) машины уже стали вытеснять и наемных рабочих. Однако в целом по стране, как полагал В. И. Ленин, спрос на наемных земледельческих рабочих в конце XIX в. продолжал увеличиваться: «Уменьшение абсолютного числа с.-х. наемных рабочих (в противоположность промышленным) должно наступить, конечно, на известной ступени развития капитализма, именно, когда сельское хозяйство всей страны сорганизуется вполне капиталистически и употребление машин для самых различных операций земледелия сделается всеобщим» [13].

При этом в новороссийских губерниях (а также на Северном Кавказе) машины вытесняли прежде всего пришлых сельскохозяйственных рабочих, т. е. главным образом крестьян, приходивших на заработки из отсталого черноземного центра Европейской России [14]. Следовательно, развитие капитализма даже за пределами черноземного центра — района выхода переселенцев — оказывало прямое влияние на характер аграрного перенаселения в этом районе.

Но в пореформенном аграрном перенаселении, как неоднократно указывал В. И. Ленин, имелись и крепостнические черты. Их основу составляло сохранение пережитков крепостнических отношений в деревне со всеми вытекающими из этого факта последствиями: гнетом помещичьего землевладения, растущим крестьянским малоземельем (искусственным аграрным перенаселением), острым кризисом трехполья, крайне медленным прогрессом земледельческой техники и культуры земледелия в целом, отсутствием благоприятных условий для свободного возникновения и развития фермерских хозяйств, совершенно

---

[12] Переселения из Полтавской губернии..., вып. 1, с. 252.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 228.
[14] См.: *Скляров Л. Ф.* Указ. соч., с. 121.

недостаточной емкостью рынка на рабочую силу и, как итог, бедностью, низким уровнем жизни подавляющего большинства крестьян.

Недаром Полтавская губернская земская управа в официальном докладе Министерству земледелия и государственных имуществ «О нуждах сельского хозяйства» (1896 г.) вынуждена была сделать такое красноречивое признание, что оно стóит того, чтобы привести его полностью:

«Сельское хозяйство Полтавской губ. находится в гораздо худшем состоянии, чем это предполагается Министерством земледелия, судя по его запросу, и немощь его не заключается в тех или других частных недостатках и не может быть излечена теми или другими частными мероприятиями, а заключается в глубоком скрытом недуге, в общем органическом расстройстве, которое проявляется наружу в тысяче мелочей, но которое требует для своего излечения не частных средств, а наиболее общих, сводящихся в конце концов к переходу от одного хозяйственно-экономического строя к другому, более высокому», так как существующий строй «привел местное хозяйство к состоянию почти полного банкротства» [15].

Важно осветить влияние крепостнических пережитков на рост земельной тесноты в районах выхода переселенцев. Если развитие капитализма способствовало перераспределению земли внутри крестьянства, расширяя категории бедняков, теряющих наделы, и богатеющих кулаков, то сохранение дворянского землевладения усиливало противоречия между всем крестьянством и помещиками. Нельзя забывать о том, что крестьянское малоземелье было оборотной стороной помещичьего многоземелья.

Росту крестьянского малоземелья содействовали и другие проявления крепостнических пережитков. Так, необычайно высокие выкупные платежи, особенно тяжелые для крестьян с наименьшими наделами, повышали минимальные размеры земледельческих хозяйств, которые могли существовать независимо от неземледельческих и вообще посторонних доходов. Отмена выкупных платежей была бы равноценна серьезному расширению крестьянского землевладения. То же самое следует заметить и о непомерно высокой плате, на которую вынуждены были соглашаться крестьяне при краткосрочной аренде помещичьих земель. К факторам, обостряющим земельную тесноту, нужно отнести также рутинное состояние техники и низкий уровень культуры земледелия у большинства крестьян, сохранение отсталой формы крестьянского надельного землевладения с характерной для нее раздробленностью и чересполосицей земельных участков, невозможность для крестьян вести хозяйство без земель, захваченных помещиками после 1861 г. — так называемых отрезков.

---

[15] Полтавское губернское земское собрание XXXII очередного созыва (10—19 декабря 1896 г.). Полтава, 1897, с. 110.

Наконец, остатки крепостнических отношений оказывали отрицательное влияние на темпы развития промышленности, городов и других торгово-промышленных центров, затрудняли процесс отрыва сельского населения от земледелия и вызывали, по словам В. И. Ленина, искусственное аграрное перенаселение.

Необходимо подчеркнуть особую тяжесть крепостнических пережитков для широких масс крестьянства черноземного центра Европейской России. Такое утверждение не противоречит выводам о связи переселений с развитием капитализма, тем более что пережитки крепостнических отношений всегда переплетались и сливались с низшими формами капитализма в земледелии и, разоряя крестьян, вызывали разложение отработочной системы и возникновение капиталистических отношений. Говоря о крайней тяжести и невыгодности отработок (а также и кабальной краткосрочной аренды) для крестьянина, В. И. Ленин писал, что последний вынужден соглашаться на эти невыносимые условия, так как «убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно, что «нормальным» такое явление может быть лишь как одно из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разоряется в силу таких условий и медленно, но верно превращается в пролетария» [16].

Итак, переселения крестьян из черноземного центра Европейской России во второй половине XIX в. являлись следствием сочетания, переплетения и даже слияния преимущественно примитивных, но растущих капиталистических отношений и еще сильных, но разлагающихся крепостнических пережитков, следствием их двойного гнета в обстановке острого крестьянского малоземелья и при недостаточном развитии фабрично-заводской промышленности, промыслов, городов и отхожих заработков.

В основе этой формулировки лежит стремление всесторонне учесть особенности социально-экономической истории черноземного центра. Однако бегство населения из отсталых аграрных районов никоим образом нельзя считать специфической чертой пореформенной России. Это — общая закономерность для многих стран даже современного мира; если же говорить о своеобразии России, то уместно вспомнить о наличии у нее обширных слабозаселенных окраин.

Поэтому необходимо заметить, что некоторые исследователи правильно связывая возникновение и результаты переселений с разложением крестьянства, с развитием капитализма, иногда допускают слишком упрощенную трактовку этой связи, слишком прямолинейно ставят размах переселений в зависимость от глубины, зрелости капиталистических отношений в районах выхода переселенцев. Встречаются и другие случаи — игнорирование

---

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 74.

этой связи, сведение причин возникновения массовых переселений к сохранению крепостнических пережитков.

Желательно также, чтобы исследователи чаще помнили и писали о том, что нельзя полностью судить о масштабах и характере аграрного перенаселения по размерам переселенческого движения. В деревне существовало постоянное скрытое перенаселение[17]. Ведь и в черноземном центре, где все земли были уже распаханы, лишь немногие крестьяне могли вырваться из своей общины; этому препятствовали и стеснение свободы передвижения, и недостаток средств, и даже субъективные причины — для того, чтобы рискнуть на переселение, нужно быть смелым, решительным человеком. Если же в данном районе имелись еще нераспаханные земли, если происходило расширение посевных площадей, если возникали крупные промышленные центры, — тогда размеры переселений за пределы этого района еще меньше соответствовали действительным масштабам аграрного перенаселения, которое поглощалось своего рода отводными каналами.

Именно такое положение сложилось в новороссийских губерниях, где в пореформенное время расширялись посевы и росло производство пшеницы на экспорт. В этих губерниях помещичьи и крестьянские хозяйства все более втягивались в капиталистические отношения, классовая дифференциация крестьянства обозначилась гораздо резче, чем в черноземном центре, развитие капитализма способствовало все более широкому применению новой техники и повышению производительности труда в земледелии. Наряду с этим увеличивалась и численность населения в результате не только естественного, но и механического прироста — притока переселенцев извне. Усиливалось крестьянское малоземелье, особенно у бывших помещичьих крестьян, получивших наименьшие наделы в 1861 г.; его острота определялась и перераспределением земли между крестьянами в пользу зажиточных домохозяев и наличием большого числа крупных помещичьих латифундий.

Но исследовать постепенное нарастание капиталистического аграрного перенаселения в новороссийских губерниях по материалам динамики переселений из этого района в другие местности — невозможно. Во-первых, пока продолжалось расширение посевных площадей, крестьянам, разорившимся или потерявшим работу в одном месте, было сравнительно легко найти заработок в земледелии, не покидая пределов района. Во-вторых, рабочих рук вообще нехватало, поэтому, как мы уже упоминали, с повышением производительности труда из земледелия выталкива-

---

[17] Как отмечал К. Маркс в «Капитале», передвижение сельских жителей в города «предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко», т. е. в исключительных случаях. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 657.

лись прежде всего не местные, а сезонные, пришлые рабочие из черноземного центра. В-третьих, избыточное сельское население отвлекалось от земледелия, уходило в города, на рудники, шахты и промышленные предприятия Донбасса и Криворожского рудного бассейна. Поэтому на протяжении всей второй половины XIX в. можно выделить только одно достойное упоминания направление переселенческого движения за пределы района — в соседние губернии и области Северного Кавказа. Только эти передвижения и выдают подспудное нарастание аграрного перенаселения в Новороссийском крае. В 1897 г. за пределами края проживало всего лишь 420,8 тыс. его уроженцев (т. е. даже меньше, чем число выходцев из юго-западных губерний), из них 155,5 тыс. человек — на Северном Кавказе, 46,3 тыс. — в юго-западных губерниях, 42,2 тыс. человек — в малороссийских губерниях и т. д.

Приведем еще один пример, показывающий, как сильно может повлиять интенсификация земледелия на преодоление последствий малоземелья, на падение отработок и на размеры переселений. Мы говорим о юго-западных губерниях — Волынской, Киевской и Подольской. В этом районе насчитывалось много крупных помещичьих хозяйств, владельцы которых к концу XIX в. в большинстве случаев применяли капиталистическую систему. Дифференциация крестьянства здесь также была более значительной, чем в черноземном центре; впоследствии, во время революции 1905—1907 гг., многочисленные безземельные и малоземельные батраки юго-западных губерний часто прибегали к такой форме борьбы с помещиками и кулаками, как сельскохозяйственные забастовки. Вместе с тем по остроте крестьянского малоземелья эти губернии в целом даже превосходили центрально-земледельческий район и скорее напоминали Полтавскую губ.

Однако они не принадлежали к числу основных районов выхода переселенцев, и крестьяне из них передвигались преимущественно в ближайшие местности Новороссийского края. В 1897 г. за пределами района проживало 462,1 тыс. уроженцев юго-западных губерний, из них 248,4 тыс. чел. — в новороссийских губерниях. До известной степени это объясняется географическим положением района, т. е. его чрезмерной удаленностью от Северного Кавказа и Сибири, но главным образом — интенсификацией сельского хозяйства и развитием пищевой промышленности. Некоторое значение имеют также особенности крестьянской реформы в районе — меньшие по сравнению с русскими губерниями размеры выкупных платежей и более раннее прекращение обязательных отношений между помещиками и крестьянами.

В юго-западных губерниях расширялись посевы таких трудоемких культур, как кукуруза и свекловица. Многие крестьяне находили работу на свекловичных плантациях и на крупнейших

в стране свеклосахарных заводах[18]. Благодаря использованию отходов от свеклосахарного производства и росту посевов картофеля и кормовых трав помещикам и зажиточным крестьянам удавалось поддерживать скотоводство и при недостатке естественных пастбищ. По степени распространения посевов свекловицы (почти повсеместно, кроме нечерноземных уездов Волынской губ.) и картофеля (Волынская губ.) юго-западные губернии занимали первое место в черноземной полосе Европейской России, а по посевам кукурузы (в Подольской губ.) уступали только соседним местностям Новороссийского края (особенно Бессарабской губ.).

Вообще, заметно, что районы Европейской России с наиболее развитыми капиталистическими отношениями в земледелии на протяжении почти всей второй половины XIX в. либо отпускали мало переселенцев на окраины страны, либо сами привлекали к себе население извне. Таким образом, мы снова возвращаемся к выводу об особой тяжести для крестьян переплетения сильных крепостнических пережитков и примитивных форм капитализма. К тому же в районах развитого капитализма переселения на окраины могли быть ослаблены, и очень значительно, благодаря индустриализации, росту городов и неземледельческого населения.

Данные переписи 1897 г. наглядно показывают нам большое значение неземледельческих переселений (особенно в города), сопровождавшихся полным или хотя бы частичным отрывом переселенцев от земледелия.

Напомним некоторые цифры, приведенные в первой главе. В 1897 г. из 18 368 тыс. неместных уроженцев всех категорий 7725 тыс. человек (42,1%) обосновались в городах, а из 11 864 тыс. уроженцев других губерний и государств — 5138 тыс. человек (43,3%). Но в этих цифрах отражены не все неземледельческие переселения, так как неизвестно, сколько людей переселилось во внегородские индустриальные и торгово-промышленные центры. К тому же, как мы выяснили, социальная значимость многих и многих переселений в сельских местностях из одних губерний и уездов в другие, соседние, была невелика.

Исходя из этих статистических данных и учитывая социальную значимость переселений в города, можно пожелать, чтобы половина исследований по истории миграций населения в капиталистической России была посвящена неземледельческим переселениям. Конечно, мы уже говорили о трудностях изучения процессов перерастания неземледельческого отхода в фактиче-

---

[18] Введение в севооборот свекловицы, писал В. И. Ленин, требует перехода к более современной системе полеводства. «Этот прогресс крупного капиталистического земледелия связан с весьма значительным увеличением спроса на сельскохозяйственных наемных рабочих, батраков и особенно поденщиков, причем женский и детский труд применяется особенно широко» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 289).

ское переселение, но ясно и другое — эти процессы можно и нужно изучать гораздо глубже и шире, с привлечением новых источников.

Не менее значительны данные переписи 1897 г. о передвижениях рабочих, главным образом неземледельческих. Она зарегистрировала 2667 тыс. рабочих — уроженцев других губерний и государств (29,1% к общему числу наемных рабочих, включая прислугу). При этом среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле, доля неместных уроженцев достигала 38,0%. Если наемные рабочие составляли 7,3% населения страны, то неместные уроженцы среди них — уже 22,5% всех уроженцев других губерний и государств, зарегистрированных переписью. Не следует забывать о том, что перепись сильно занизила общее число лиц наемного труда в стране.

Если же мы возьмем число мужчин, переселившихся в столичные губернии, то процент рабочих среди них обычно колебался, в зависимости от конкретного направления миграций, от 50 до 70% и почти никогда не опускался ниже 40%. Даже для направлений, ведущих в новороссийские губернии, этот показатель довольно часто превышал 50% и редко опускался ниже 30%. Однако доля рабочих среди переселившихся мужчин была всего выше, как правило, в промышленных и неземледельческих губерниях Европейской России.

Мы знаем, что фабрично-заводская промышленность и мелкие промыслы С.-Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, других городов, фабричных, торгово-промышленных и кустарных сел нечерноземной полосы Европейской России поглощали избыточное сельское население многих неземледельческих и промышленных губерний. В результате из этого района почти не наблюдалось переселений на земледельческие окраины.

Известно, что в столичные и другие промышленные губернии стекались также неземледельческие рабочие из таких районов, как центрально-земледельческие, северные, западные и прибалтийские губернии. Показателен тот факт, что в 1897 г. столичные губернии по числу обосновавшихся в них выходцев из других районов (1529,2 тыс. человек) превосходили даже губернии новороссийского края (1219,7 тыс. человек), Западную Сибирь (949,2 тыс.) и Северный Кавказ (903,4 тыс. чел.). К тому, что мы сказали выше о желательности усилить внимание к неземледельческим переселениям, следует добавить, что особенно большой интерес представляет глубокое исследование всех проблем, связанных с формированием постоянного населения (в частности, постоянных кадров фабрично-заводского пролетариата) С.-Петербурга и Москвы. Напомним также, что в некоторых промышленных губерниях большую социальную значимость представляли передвижения жителей между уездами «своей» губернии и даже в пределах «своих» уездов. Эти передвижения были направлены либо тоже в города, либо на фабрики и заводы

в сельских местностях. По плану нашего исследования и по характеру использованных в нем источников мы не смогли изучить такие миграции на незначительные расстояния; для такого анализа нужны другие источники.

К. Маркс в «Капитале» заметил, что в неземледельческой промышленности выталкивание рабочих может сопровождаться «бо́льшим привлечением их»[19]. Развитие фабрично-заводской промышленности обеспечивало заработком не только вчерашних земледельцев, но и рабочих, ранее занятых во внешних отделениях мануфактур, в домашней системе крупного производства, в тех мелких промыслах, изделия которых не смогли выдержать конкуренции с дешевыми фабричными товарами. Эта конкуренция повлияла на положение домашних и наемных рабочих даже в больших, давно сложившихся центрах мелкой промышленности. Русский географ и экономист В. П. Безобразов так описывал важный центр кустарного металлического производства — село Павлово Нижегородской губернии: «Мы лично не знаем места на Руси, которую мы порядочно изъездили..., где бы нищета целой массы народонаселения (не отдельных личностей) была более велика, где бы общий уровень благосостояния был ниже и где бы вместе с тем люди обоего пола были трудолюбивее, чем в Павлове... При этом напряжение труда доходит в Павлове до максимума, едва постижимого: большинство работает 15—16 часов в сутки (это норма), а очень многие, — говорят, *половина*, — не только мужчины, но и женщины, до 18 часов!». Далее он сравнивал Павлово с быстро растущим фабричным центром Иваново-Вознесенском: «Ивановское рабочее народонаселение несравненно бойчее, самостоятельнее и даже просто беспокойнее павловского, которое гораздо более подавлено и нравственно принижено в своем душевном настроении»[20].

Поэтому упадок промышленности в каком-либо районе неземледельческой полосы серьезно ухудшал положение народных масс, закрывал отводные каналы для перенаселения и мог вызвать рост переселений на окраины. Именно такое сужение отводных каналов произошло в Вятской и Пермской губерниях вследствие технической и социально-экономической отсталости металлургии Урала. Недаром в 60—70-е годы XIX в. эти губернии играли почти такую же крупную роль в заселении Западной Сибири, как и губернии черноземной полосы.

Промышленные кризисы (вроде кризиса 80-х годов) также вызывали временный отлив населения из индустриальных центров в деревню, но это были в основном именно временные передвижения, ибо деревня обычно не могла обеспечить этих людей ни работой, ни хлебом. При первой же возможности они возвра-

---

[19] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 657. Это место из «Капитала» приводит В. И. Ленин в «Экономическом содержании народничества» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 487—488).

[20] *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России, ч. 2. СПб., 1885, с. 163, 166.

щались обратно — в города и фабричные села. Многие из них во время кризиса вообще не покидали индустриальных центров, становились безработными в ожидании лучших времен, иные в поисках заработка вели бродячий образ жизни, переходя из одного неземледельческого поселения в другое.

Для исследователя важно, чтобы процесс формирования неземледельческого населения не был заслонен проявлениями подвижности рабочих, текучести рабочей силы. Опасна и другая крайность: игнорирование этой текучести, которую нельзя рассматривать только как отрицательный фактор, тормозящий формирование постоянного неземледельческого населения и постоянных кадров фабрично-заводского пролетариата. Напротив, она была неразрывным образом связана с развитием капитализма, способствовала созданию новых промышленных центров и даже районов и тем самым в конечном счете превращению временных рабочих, вчерашних земледельцев и кустарей, в постоянных, дорожащих заработком и квалификацией.

Текучесть неземледельческого населения отнюдь не означала сокращения его численности, а была обусловлена преимущественно его перемещением из одних центров и районов в другие, сменой рода неземледельческих занятий. Некоторая текучесть городского населения также сочеталась с его быстрым ростом, с увеличением числа постоянных городских жителей; об этом свидетельствуют и важные данные переписи 1897 г. о лицах, постоянно проживающих в городах. Точно так же текучесть рабочей силы сочеталась с формированием и ростом постоянных кадров фабрично-заводского пролетариата. Конкретные условия пореформенной России (прикрепление крестьян к наделу, круговая порука, паспортная система и другие стеснения свободы передвижений) усиливали проявления текучести, но не приостановили этих глубоко прогрессивных социально-экономических процессов.

Неземледельческие переселения были направлены из отсталых аграрных районов в районы индустриальные, где капитализм отличался наибольшей зрелостью, где он меньше всего был опутан остатками патриархальных и крепостнических отношений. Неземледельческий отход, неземледельческие промыслы и особенно фабрично-заводская промышленность отрывали сельских жителей от земледелия. Классовое расслоение промыслового населения было более глубоким, чем чисто земледельческого. Отход способствовал также перенесению капиталистических отношений из города в отсталую деревню, разложению отработок, вообще упадку помещичьих хозяйств в неземледельческих и промышленных губерниях. Однако и в неземледельческих районах аграрное перенаселение тоже сохранило крепостнические черты: существовали крупные помещичьи имения, которые усиливали крестьянское малоземелье, кое-где обширные участки принадлежали удельному ведомству, сохранились, а

в ряде губерний и преобладали, отработки, была особенно очевидна несоизмеримость тяжелых выкупных платежей с низкой доходностью малоплодородной земли. Отсталые формы крестьянского землевладения и насильственное прикрепление крестьян к наделу вызывали все больший протест со стороны отходников и лиц, фактически переселившихся из деревни в город, на фабрику. Но значение этих крепостнических черт (в частности, малоземелья) не следует преувеличивать, так как в промышленных и неземледельческих губерниях мы зачастую имеем дело с крестьянскими семьями, которые если и не оторвались вовсе от сельского хозяйства, то давно уже смотрели на него как на второстепенное занятие, с семьями, которые насчитывали уже несколько сменивших друг друга поколений неземледельческих рабочих, в том числе и фабрично-заводских.

Напротив, переселения крестьян на земледельческие окраины страны способствовали консервации крепостнических пережитков в центре, ослабляли остроту противоречий между передовыми формами промышленности и полусредневековыми формами землевладения. Наличие в России обширных незаселенных и слабозаселенных территорий, колоний в экономическом смысле, возможность их колонизации, возможность возникновения капиталистических отношений на новых землях — все это замедляло развитие капитализма вглубь, в издавна заселенной части Европейской России. «Само собою разумеется, — добавлял В. И. Ленин, — что *такое* замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем» [21].

Материалы второй половины XIX в. свидетельствуют и о том, что крепостнические пережитки тормозили рост производительных сил общества и тем самым ограничивали свободу переселений крестьян, затрудняли рациональное освоение новых земель, т. е. в конечном счете мешали развитию капитализма не только вглубь, но и вширь. Неудачная попытка царского правительства в середине 90-х годов XIX в. воспользоваться открытием Сибирской железной дороги для широкого освоения окраин страны и для ослабления, без ущерба для помещиков, крестьянского малоземелья в центре страны предвосхитила и некоторые черты столыпинской переселенческой политики, и конечный провал этой политики [22].

Однако, несмотря на препятствия, создаваемые крепостническими пережитками, несмотря на близорукую, даже с точки зрения правящих классов, переселенческую политику царизма и

---

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 596.

[22] *Симонова М. С.* Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX—начале XX в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г.» М., 1970; *Тихонов Б. В.* Переселенческая политика царского правительства в 1892—1897 гг. — «История СССР», 1977, № 1.

прямое противодействие царских властей, русский, украинский и другие народы нашей страны смогли заселить во второй половине XIX в. огромные территории. Сперва это были свободные земли степной полосы Украины и Заволжья, на Дону и Северном Кавказе, а затем — несравненно более широкие просторы Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. И чтобы в полной мере оценить этот титанический труд миллионов переселенцев, нужно видеть не только результаты освоения новых земель, нужно еще знать, кто, откуда и по какой причине покидал родные места и в каких условиях совершалось это переселение.

В советской исторической литературе хорошо раскрыто прогрессивное значение хозяйственного освоения незаселенных и слабозаселенных земель на окраинах России во второй половине XIX в., детально и разносторонне прослеживается связь между формированием нового земледельческого населения и развитием капиталистических отношений. Особенно много ценных исследовательских работ имеется по Алтайскому горному округу, Енисейской губ., южным районам Дальнего Востока, отдельным местностям Средней Азии. Однако история земледельческой колонизации в других важных районах (например, в Новороссийском крае и на Северном Кавказе) изучена слабее. При этом в некоторых исследованиях быстрый рост земледельческого населения на окраинах страны чересчур затемняет параллельный, обычно еще более сильный рост городского и вообще неземледельческого населения, тем более что абсолютная численность последнего была еще, как правило, невелика. Именно поэтому мы постарались так тщательно выделить и обработать данные переписи 1897 г., характеризующие влияние переселений на формирование городского населения и промышленного пролетариата в основных районах земледельческой колонизации. Материалы по капиталистической России подтверждают положение К. Маркса о том, что в земледелии «возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» [23].

---

[23] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 187. См. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 563.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные направления миграций населения по данным переписи 1897 г.

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
		Крупные направления				
		Первая группа				
1	С.-Петербургская	Тверская	89 064	60 496	149 560	142 807
2	Московская	Тульская	66 219	50 249	116 468	107 514
3	Московская	Рязанская	68 967	42 221	111 188	101 574
		Вторая группа				
4	С.-Петербургская	Ярославская	74 592	29 691	104 283	98 087
5	Петроковская	Калишская	47 283	55 086	102 369	88 504
6	Кубанская обл.	Воронежская	46 639	40 447	87 086	85 542
7	Область Войска Донского	Воронежская	48 579	39 793	88 372	81 453
8	Кубанская обл.	Харьковская	43 534	37 578	81 112	79 922
9	Кубанская »	Полтавская	40 631	36 743	77 374	77 052
10	Московская	Калужская	52 775	33 177	85 952	75 745
		Третья группа				
11	С.-Петербургская	Новгородская	37 430	44 290	81 720	70 041
12	Томская	Курская	35 148	32 273	67 421	67 348
13	Херсонская	Киевская	41 189	37 337	78 526	66 211
14	Кубанская обл.	Курская	35 864	29 034	64 898	64 502
15	Пермская	Вятская	42 344	24 557	66 901	59 151

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
16	Томская	Тамбовская	29 825	28 942	58 767	58 675
17	Московская	Смоленская	36 777	24 051	60 828	54 434
18	С.-Петербургская	Псковская	34 437	24 763	59 200	53 269
19	Лифляндская	Курляндская	30 906	30 960	61 866	52 586
20	Томская	Пермская	27 092	24 867	51 959	50 998
		Четвертая группа				
21	Московская	Тверская	32 824	25 228	58 052	49 894
22	Томская	Воронежская	24 886	23 652	48 538	48 402
23	Томская	Тобольская	25 532	25 357	50 889	47 701
24	Кубанская обл.	Екатеринославская	25 306	23 803	49 109	47 493
25	Уфимская	Вятская	26 119	26 240	52 359	45 410
26	Херсонская	Подольская	27 832	26 934	54 766	44 619
27	Петроковская	Келецкая	27 260	22 949	50 209	42 745
28	Область Войска Донского	Харьковская	24 703	21 178	45 881	41 870
29	Московская	Владимирская	36 787	24 454	61 241	41 354
30	Екатеринославская	Полтавская	23 636	23 271	46 907	40 920
31	Оренбургская	Самарская	22 813	21 953	44 766	39 877
32	С.-Петербургская	Витебская	25 901	14 210	40 111	37 661
33	Харьковская	Курская	27 030	20 568	47 598	37 511
34	Томская	Вятская	19 562	18 022	37 584	37 466
35	Томская	Полтавская	19 726	17 425	37 151	37 090
36	Кубанская обл.	Черниговская	19 137	17 238	36 375	36 223
37	Самарская	Симбирская	23 389	18 601	41 990	35 773
38	Ставропольская	Полтавская	18 383	16 870	35 253	34 987
39	С.-Петербургская	Лифляндская	19 438	18 271	37 709	34 395
40	Ставропольская	Воронежская	17 981	15 175	33 156	32 461
41	С.-Петербургская	Рязанская	23 965	10 545	34 510	32 418
42	Бессарабская	Подольская	23 064	18 728	41 792	32 067

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
43	Область Войска Донского	Курская	18 730	13 410	32 140	31 445
44	С.-Петербургская	Смоленская	21 334	12 078	33 412	31 204
45	Таврическая	Полтавская	18 925	14 526	33 451	30 797
46	Томская	Рязанская	15 538	14 956	30 494	30 446
47	Томская	Черниговская	15 513	14 574	30 087	30 047
48	Область Войска Донского	Орловская	18 274	11 601	29 875	29 230
49	С.-Петербургская	Костромская	21 869	9 544	31 413	28 985
50	Область Войска Донского	Тамбовская	18 839	11 655	30 494	28 799
51	Самарская	Саратовская	21 313	19 515	40 828	27 201
52	Кубанская обл.	Область Войска Донского	15 830	15 365	31 195	26 464
53	Оренбургская	Уфимская	17 815	15 225	33 040	26 058
54	Екатеринославская	Курская	17 381	8 487	25 868	25 050
		Средние направления				
55	Саратовская	Пензенская	17 381	12 845	30 226	23 637
56	Варшавская	Радомская	14 816	17 260	32 076	23 209
57	Томская	Пензенская	11 947	11 281	23 228	23 169
58	Варшавская	Седлецкая	19 132	18 643	37 775	22 962
59	Екатеринославская	Орловская	16 594	6 821	23 415	22 919
60	Кубанская обл.	Орловская	12 420	10 545	22 965	22 780
61	Самарская	Пензенская	13 583	10 040	23 623	22 691
62	Московская	Ярославская	17 518	8 367	25 885	21 761
63	Акмолинская обл.	Полтавская	11 562	10 201	21 763	21 746
64	Екатеринославская	Харьковская	19 053	13 982	33 035	21 333
65	Киевская	Черниговская	15 256	11 700	26 956	21 206
66	Херсонская	Полтавская	15 192	12 113	27 305	20 748
67	С.-Петербургская	Эстляндская	12 781	14 948	27 729	20 547
68	Таврическая	Орловская	13 531	7 448	20 979	20 401

Приложение 1 (продолжение)

№ п/п.	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
69	Варшавская	Плоцкая	20 058	25 800	45 858	19 810
70	Варшавская	Калишская	16 971	18 493	35 464	19 781
71	Акмолинская обл.	Самарская	10 049	9 135	19 184	19 072
72	Область Войска Донского	Полтавская	11 127	8 331	19 458	18 903
73	С.-Петербургская	Калужская	13 484	6 598	20 082	18 887
74	Самарская	Казанская	12 544	10 856	23 400	18 782
75	Лифляндская	Ковенская	10 956	9 372	20 328	18 726
76	Область Войска Донского	Рязанская	11 393	7 694	19 087	18 544
77	Ставропольская	Харьковская	9 658	8 563	18 221	17 761
78	Уфимская	Казанская	10 830	9 601	20 431	17 757
79	С.-Петербургская	Московская	15 896	13 833	29 729	17 509
80	Таврическая	Курская	11 450	6 436	17 886	17 405
81	Томская	Орловская	8 889	8 468	17 357	17 324
82	Оренбургская	Пермская	11 662	12 230	23 892	17 263
83	Область Войска Донского	Екатеринославская	14 901	14 537	29 438	17 074
84	Оренбургская	Казанская	10 079	7 560	17 639	16 987
85	Волынская	Калишская	8 826	8 554	17 380	16 956
86	Саратовская	Тамбовская	11 969	9 021	20 990	16 886
87	Тобольская	Черниговская	9 252	7 615	16 867	16 834
88	Херсонская	Волынская	9 741	8 329	18 070	16 448
89	Астраханская	Саратовская	12 137	11 176	23 313	16 180
90	С.-Петербургская	Вологодская	11 454	6 182	17 636	16 094
91	Астраханская	Пензенская	9 923	6 375	16 298	16 076
92	Томская	Самарская	8 265	7 939	16 204	16 065
93	Херсонская	Орловская	11 284	5 036	16 320	15 721
94	Приморская обл.	Черниговская	8 468	7 124	15 592	15 581
95	Екатеринославская	Черниговская	10 482	5 510	15 992	15 563
96	Тифлисская	Кутаисская	16 271	4 561	20 832	15 484
97	Петроковская	Радомская	10 448	11 155	21 603	15 203

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
98	С.-Петербургская	Виленская	10 531	5 342	15 873	15 112
99	С.-Петербургская	Олонецкая	8 963	7 702	16 665	14 766
100	Область Войска Донского	Саратовская	11 513	10 048	21 561	14 566
101	Томская	Оренбургская	7 587	7 208	14 795	14 422
102	Томская	Харьковская	7 638	6 811	14 449	14 404
103	Варшавская	Ломжинская	12 035	14 228	26 263	14 403
104	Волынская	Варшавская	11 464	11 358	22 822	14 317
105	Кубанская обл.	Тамбовская	8 346	5 906	14 252	14 134
106	Оренбургская	Тамбовская	7 531	6 721	14 252	14 008
107	Псковская	Лифляндская	7 856	8 699	16 555	13 849
108	С.-Петербургская	Тульская	9 141	5 974	15 115	13 768
109	Кубанская обл.	Киевская	7 332	6 532	13 864	13 604
110	Кубанская »	Таврическая	8 117	7 489	15 606	13 551
111	Тобольская	Орловская	7 404	6 170	13 574	13 524
112	Екатеринославская	Киевская	8 363	6 599	14 962	13 418
113	Ставропольская	Курская	7 733	5 763	13 496	13 317
114	Тобольская	Пензенская	6 524	6 709	13 233	13 198
115	Нижегородская	Владимирская	10 955	7 727	18 682	13 086
116	Уральская обл.	Астраханская	7 437	6 509	13 946	13 065
117	Витебская	Курляндская	8 253	9 266	17 519	12 943
118	Карсская обл.	Эриванская	7 946	5 843	13 789	12 655
119	Ярославская	Тверская	7 876	8 736	16 612	12 653
120	Орловская	Калужская	11 900	6 079	17 979	12 541
121	Таврическая	Черниговская	8 436	4 299	12 735	12 367
122	Екатеринославская	Могилевская	8 523	3 934	12 457	12 283
123	Уральская обл.	Самарская	8 207	7 082	15 289	12 111
124	Тобольская	Полтавская	6 637	5 553	12 190	12 105
125	С.-Петербургская	Архангельская	7 753	5 664	13 417	12 074
126	Тобольская	Вятская	6 677	5 481	12 158	12 016

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
127	Оренбургская	Симбирская	6 445	5 749	12 194	11 959
128	Астраханская	Нижегородская	7 633	5 031	12 664	11 897
129	Енисейская	Тобольская	7 416	4 791	12 207	11 783
130	Тобольская	Курская	6 562	5 239	11 801	11 762
131	Эстляндская	Лифляндская	9 248	8 838	18 086	11 749
132	Таврическая	Бессарабская	7 336	6 169	13 505	11 592
133	Варшавская	Келецкая	6 744	6 900	13 644	11 524
134	Витебская	Ковенская	6 937	7 761	14 698	11 496
135	С.-Петербургская	Ковенская	7 712	4 591	12 303	11 400
136	Томская	Семипалатинская обл.	10 594	8 247	18 841	11 303
137	Енисейская	Вятская	6 424	4 895	11 319	11 275
138	Оренбургская	Пензенская	5 982	5 418	11 400	11 214
139	Киевская	Орловская	8 149	3 944	12 093	11 192
140	Семиреченская обл.	Воронежская	5 746	5 437	11 183	11 158
141	Кубанская обл.	Херсонская	6 228	5 411	11 639	11 155
142	Уфимская	Самарская	8 812	11 200	20 012	10 929
143	Курляндская	Ковенская	15 695	14 974	30 669	10 903
144	Таврическая	Киевская	6 964	5 206	12 170	10 892
145	Кубанская обл.	Саратовская	5 883	5 299	11 182	10 892
146	Петроковская	Варшавская	22 109	23 910	46 019	10 883
147	Бакинская	Елисаветпольская	10 324	2 948	13 272	10 851
148	Акмолинская обл.	Черниговская	5 606	5 060	10 666	10 655
149	Астраханская	Симбирская	5 917	4 850	10 767	10 499
150	Область Войска Донского	Тульская	6 274	4 487	10 761	10 439
151	Херсонская	Черниговская	7 590	3 509	11 099	10 421
152	Амурская обл.	Полтавская	5 566	4 721	10 287	10 273
153	Екатеринославская	Калужская	6 975	3 474	10 449	10 268
154	Оренбургская	Вятская	5 950	4 511	10 461	10 244
155	Амурская обл.	Забайкальская обл.	6 004	5 006	11 010	10 189

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
156	Киевская	Волынская	16 565	16 099	32 664	10 072
157	Уфимская	Тамбовская	5 099	5 069	10 168	10 007
		Мелкие направления				
158	Вологодская	Вятская	6 382	6 589	12 971	9 952
159	Тобольская	Пермская	8 589	8 729	17 318	9 927
160	Самарская	Тамбовская	6 073	4 939	11 012	9 890
161	Пермская	Казанская	8 695	3 682	12 377	9 874
162	Ставропольская	Черниговская	5 377	4 559	9 936	9 844
163	Томская	Саратовская	5 083	4 798	9 881	9 812
164	Енисейская	Тамбовская	5 542	4 291	9 833	9 795
165	Оренбургская	Воронежская	5 286	4 676	9 962	9 767
166	Нижегородская	Костромская	7 938	5 323	13 261	9 653
167	Волынская	Петроковская	5 852	5 788	11 640	9 571
168	Томская	Казанская	5 003	4 679	9 682	9 547
169	Владимирская	Костромская	8 630	7 753	16 383	9 398
170	Бакинская	Дагестанская обл.	7 083	3 322	10 405	9 381
171	Енисейская	Пермская	5 270	4 332	9 602	9 371
172	Кубанская обл.	Рязанская	5 331	3 990	9 321	9 206
173	Терская обл.	Воронежская	5 250	4 150	9 400	9 175
174	Тифлисская	Дагестанская обл.	6 286	3 577	9 863	9 171
175	Терская обл.	Харьковская	5 914	3 587	9 501	9 157
176	Оренбургская	Курская	4 902	4 330	9 232	9 117
177	Ставропольская	Екатеринославская	4 918	4 590	9 508	9 098
178	Енисейская	Полтавская	4 769	4 238	9 007	8 963
179	Ярославская	Вологодская	5 667	5 927	11 594	8 862
180	Киевская	Могилевская	5 703	3 976	9 679	8 843
181	Саратовская	Симбирская	6 788	5 604	12 392	8 800
182	Херсонская	Курская	6 375	2 916	9 291	8 791

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
183	Харьковская	Орловская	5 953	3 854	9 807	8 774
184	Бакинская	Саратовская	4 658	4 206	8 864	8 568
185	Варшавская	Гродненская	6 865	4 392	11 257	8 451
186	Область Войска Донского	Черниговская	5 471	3 159	8 630	8 387
187	Владимирская	Рязанская	6 743	5 082	11 825	8 308
188	Киевская	Курская	7 142	3 446	10 588	8 247
189	Херсонская	Калужская	5 770	2 775	8 545	8 238
190	Акмолинская обл.	Тобольская	9 243	9 172	18 415	8 233
191	Тургайская »	Самарская	4 179	4 060	8 239	8 199
192	Ставропольская	Орловская	4 306	4 077	8 383	8 179
193	Область Войска Донского	Таврическая	5 866	5 589	11 455	8 173
194	Екатеринославская	Тульская	6 254	2 175	8 429	8 140
195	Томская	Тульская	4 138	3 998	8 136	8 113
196	Томская	Симбирская	4 338	3 788	8 126	8 099
197	С.-Петербургская	Курляндская	4 771	4 043	8 814	8 077
198	Екатеринославская	Смоленская	6 354	1 868	8 222	8 051
199	Приморская обл.	Полтавская	4 734	3 291	8 025	8 018
200	Кубанская »	Ставропольская	8 861	8 641	17 502	8 016
201	Область Войска Донского	Пензенская	5 079	3 168	8 247	7 977
202	Акмолинская обл.	Пермская	4 733	4 011	8 744	7 973
203	Астраханская	Тамбовская	5 280	2 790	8 070	7 816
204	Московская	Тамбовская	6 256	4 637	10 893	7 779
205	Варшавская	Люблинская	8 309	7 980	16 289	7 765
206	Екатеринославская	Минская	4 763	3 357	8 120	7 764
207	Московская	Костромская	5 900	3 511	9 411	7 760
208	Самарская	Нижегородская	5 005	3 475	8 480	7 686
209	Терская обл.	Полтавская	4 309	3 468	7 777	7 669
210	Елисаветпольская	Дагестанская обл.	4 910	3 310	8 220	7 641
211	Волынская	Плоцкая	4 099	4 133	8 232	7 637
212	Уфимская	Пензенская	3 913	3 764	7 677	7 514

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев			Миграционный баланс
			мужчин	женщин	всего	
213	Астраханская	Воронежская	4 084	3 559	7 643	7 494
214	Самарская	Курская	4 611	3 677	8 288	7 403
215	Карсская обл.	Тифлисская	5 030	3 806	8 836	7 349
216	Минская	Виленская	9 619	5 507	15 126	7 342
217	Томская	Уфимская	3 837	3 580	7 417	7 297
218	Оренбургская	Орловская	3 831	3 557	7 388	7 209
219	Киевская	Минская	4 952	4 524	9 476	7 088
220	Ковенская	Сувалкская	4 738	6 450	11 188	7 053
221	Волынская	Люблинская	6 422	6 391	12 813	7 048
222	Херсонская	Минская	4 413	3 088	7 501	7 040
223	Оренбургская	Рязанская	3 907	3 530	7 437	7 003
224	Тобольская	Рязанская	3 858	3 157	7 015	6 964
225	С.-Петербургская	Тамбовская	5 655	2 449	8 104	6 940
226	Новгородская	Тверская	6 212	6 143	12 355	6 893
227	Тобольская	Воронежская	3 937	3 045	6 982	6 881
228	Херсонская	Гродненская	4 835	2 695	7 530	6 876
229	Ярославская	Костромская	7 581	4 509	12 090	6 784
230	Енисейская	Курская	3 861	2 923	6 784	6 771
231	Воронежская	Орловская	4 901	7 211	12 112	6 733
232	Кубанская обл.	Самарская	3 644	3 343	6 987	6 679
233	Оренбургская	Саратовская	3 854	3 339	7 193	6 663
234	Витебская	Лифляндская	8 459	8 826	17 285	6 619
235	Полтавская	Черниговская	7 646	7 192	14 838	6 598
236	Акмолинская обл.	Саратовская	3 425	3 090	6 515	6 488
237	Пермская	Вологодская	4 456	2 184	6 640	6 413
238	С.-Петербургская	Нижегородская	5 693	2 452	8 145	6 412
239	Оренбургская	Тульская	3 258	3 216	6 474	6 382
240	Самарская	Рязанская	3 532	2 994	6 526	6 300
241	Смоленская	Могилевская	5 126	5 367	10 493	6 184
242	Уфимская	Рязанская	3 208	3 019	6 227	6 126
243	Уфимская	Симбирская	3 348	2 946	6 294	6 016
244	Московская	Орловская	5 422	2 855	8 277	6 013

245	Ставропольская	Тамбовская	3 707	2 392	6 099	5 992
246	Тамбовская	Рязанская	7 488	7 526	15 014	5 920
247	Тобольская	Тамбовская	3 275	2 629	5 904	5 845
248	Кубанская обл.	Тульская	3 182	2 703	5 885	5 838
249	С.-Петербургская	Владимирская	4 321	2 724	7 045	5 830
250	Тобольская	Смоленская	3 202	2 637	5 839	5 816
251	Киевская	Калужская	4 143	2 107	6 250	5 798
252	Область Войска Донского	Калужская	3 576	2 251	5 827	5 665
253	Иркутская	Пермская	4 003	1 821	5 824	5 657
254	Лифляндская	Виленская	4 277	2 079	6 356	5 655
255	Екатеринославская	Таврическая	15 646	16 039	31 685	5 628
256	Иркутская	Томская	5 627	1 548	7 175	5 624
257	Уральская обл.	Казанская	3 360	2 325	5 685	5 593
258	Херсонская	Могилевская	3 670	2 117	5 787	5 589
259	Саратовская	Рязанская	3 421	2 731	6 152	5 548
260	Самарская	Владимирская	3 359	2 497	5 856	5 545
261	Уфимская	Курская	2 930	2 846	5 776	5 510
262	Томская	Нижегородская	2 971	2 601	5 572	5 501
263	Ярославская	Владимирская	5 616	4 648	10 264	5 483
264	Воронежская	Тамбовская	7 284	8 385	15 669	5 425
265	Амурская обл.	Тамбовская	2 774	2 631	5 405	5 396
266	Терская »	Саратовская	3 173	2 336	5 509	5 325
267	Акмолинская »	Пензенская	2 789	2 537	5 326	5 310
268	Люблинская	Радомская	5 054	5 420	10 474	5 238
269	Варшавская	Сувалкская	2 958	2 935	5 893	5 122
270	С.-Петербургская	Могилевская	3 913	1 768	5 681	5 118
271	Харьковская	Полтавская	7 121	8 069	15 190	5 094
272	Тобольская	Казанская	3 038	2 228	5 266	5 071
273	Тобольская	Харьковская	2 899	2 240	5 139	5 069
274	Астраханская	Казанская	3 993	1 497	5 490	5 066
275	Енисейская	Черниговская	3 054	2 016	5 070	5 052
276	Акмолинская обл.	Воронежская	2 639	2 388	5 027	5 007

Приложение 2

Погубернские балансы миграций населения по данным переписи 1897 г.

№ п/п	Губерния	Наличное население	Число неместных уроженцев		Число неместных уроженцев без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи	Прилив (+) или отлив (—) населения	Число временно пребывающих в месте переписи	
			всего	% к наличному населению				всего	% к неместным уроженцам
1	С.-Петербургская	2 112 033	948 573	44,9	899 161	121 725	+777 436	63 572	6,7
2	Томская	1 927 679	645 533	33,5	641 751	50 462	+591 289	25 519	4,0
3	Кубанская обл.	1 918 881	633 292	33,0	608 606	52 986	+555 620	21 114	3,3
4	Московская	2 430 581	687 875	28,3	672 064	177 387	+494 677	60 912	8,9
5	Область Войска Донского	2 564 238	435 185	17,0	424 273	137 361	+286 912	31 696	7,3
6	Херсонская	2 733 612	405 532	14,8	385 762	149 797	+235 965	34 777	8,6
7	Оренбургская	1 600 145	262 118	16,4	260 414	84 084	+176 330	25 614	9,8
8	Петроковская	1 403 901	299 312	21,3	266 774	98 898	+167 876	12 935	4,3
9	Варшавская	1 931 867	406 621	21,0	376 507	213 147	+163 360	27 013	6,6
10	Ставропольская	873 301	203 368	23,3	199 880	46 686	+153 194	4 958	2,4
11	Енисейская	570 161	153 970	27,0	152 447	16 872	+135 575	16 589	10,8
12	Екатеринославская	2 113 674	326 657	15,5	317 957	183 835	+134 122	19 660	6,0
13	Акмолинская обл.	682 608	145 292	21,3	143 963	26 233	+117 730	5 357	3,7
14	Таврическая	1 447 790	256 714	17,7	235 356	122 096	+113 260	27 046	10,5
15	Тобольская	1 433 043	235 454	16,4	233 243	134 040	+ 99 203	29 214	12,4
16	Терская обл.	933 936	120 685	12,9	116 546	28 351	+ 88 195	11 216	9,3
17	Приморская обл.	223 336	137 097	61,4	87 085	6 670	+ 80 415	18 685	13,6
18	Уфимская	2 196 642	178 824	8,1	177 477	107 948	+ 69 529	39 664	22,2
19	Бакинская	826 716	102 242	12,4	81 476	13 150	+ 68 326	6 781	6,6
20	Иркутская	514 267	84 053	16,3	79 537	19 882	+ 59 655	16 234	19.3
21	Тифлисская	1 051 032	116 857	11.1	100 752	44 157	— 56 595	28 662	24.5

№ п/п	Губерния	Наличное население	Число неместных уроженцев		Число неместных уроженцев без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи	Прилив (+) или отлив (—) населения	Число временно пребывающих в месте переписи	
			всего	% к наличному населению				всего	% к неместным уроженцам
22	Волынская	2 989 482	236 110	7,9	197 689	142 100	+ 55 589	26 532	11,2
23	Астраханская	1 003 542	121 084	12,1	119 315	65 565	+ 53 750	24 298	20,1
24	Амурская обл.	120 306	64 071	53,3	57 463	4 287	+ 53 176	4 875	7,6
25	Уральская обл.	645 121	61 637	9,6	60 648	10 366	+ 50 282	7 411	12,0
26	Семиреченская обл.	987 863	94 076	9,5	49 348	5 376	+ 43 972	4 038	4,3
27	Карсская обл.	290 654	87 638	30,2	47 617	4 857	+ 42 760	4 048	4,6
28	Закаспийская обл.	382 487	56 630	14,8	43 102	2 661	+ 40 441	10 309	18,2
29	Сырдарьинская »	1 478 398	47 776	3,2	43 359	8 588	+ 34 771	1 661	3,5
30	Черноморская	57 478	42 586	74,1	33 181	3 622	+ 29 559	2 560	6,0
31	Бессарабская	1 935 412	133 227	6,9	109 725	81 108	+28 617	17 295	13,0
32	Тургайская обл.	453 416	31 568	7,0	31 178	5 514	+25 664	1 559	4,9
33	Забайкальская обл.	672 037	44 983	6,7	40 408	21 828	+18 580	14 754	32,8
34	Остров Сахалин	28 113	20 925	74,4	19 476	1 642	+17 834	1 915	9,2
35	Якутская обл.	269 880	21 429	7,9	20 181	3 257	+16 924	3 095	14,4
36	Люблинская	1 160 662	108 601	9,4	90 420	74 405	+16 015	14 403	13,3
37	Самаркандская обл.	860 021	18 852	2,2	16 337	3 804	+12 533	2 489	13,2
38	Самарская	2 751 336	244 974	8,9	240 961	235 657	+ 5 304	31 389	12,8
39	Ферганская обл.	1 572 214	12 516	0,8	12 054	8 179	+ 3 875	1 784	14,3
40	Семипалатинская обл.	684 590	30 994	4,5	30 489	27 631	+ 2 858	3 259	10,5
41	Ломжинская	579 592	64 471	11,1	62 010	62 256	— 246	4 436	6,9
42	Кутаисская	1 058 241	53 631	5,1	30 873	34 903	— 4 030	17 829	33,2
43	Лифляндская	1 299 365	149 684	11,5	139 787	146 839	— 7 052	29 716	19,9
44	Елисаветпольская	878 415	34 079	3,9	25 292	34 169	— 8 877	6 788	19,9
45	Гродненская	1 603 409	113 167	7,1	109 397	120 880	—11 483	17 148	15,2

№ п/п.	Губерния	Наличное население	Число неместных уроженцев		Число неместных уроженцев без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи	Прилив (+) или отлив (—) населения	Число временно пребывающих в месте переписи	
			всего	% к наличному населению				всего	% к неместным уроженцам
46	Эриванская	829 556	37 933	4,6	20 072	32 518	—12 446	8 288	21,8
47	Сувалкская	582 913	39 851	6,8	36 083	48 823	—12 740	8 164	20,5
48	Эстляндская	412 716	37 183	9,0	35 121	48 511	—13 390	6 084	16,4
49	Олонецкая	364 156	16 089	4,4	13 354	28 617	—15 263	20 912	130,0
50	Архангельская	346 536	12 873	3,7	11 793	32 061	—20 268	14 496	112,6
51	Дагестанская обл.	571 154	20 120	3,5	18 696	42 049	—23 353	5 484	27,3
52	Седлецкая	772 146	61 381	7,9	58 172	89 678	—31 506	6 906	11,3
53	Плоцкая	553 633	64 230	11,6	48 304	80 717	—32 413	4 060	6,3
54	Витебская	1 489 246	114 597	7,7	112 218	144 761	—32 543	30 503	26,6
55	Минская	2 147 621	106 332	5,0	102 683	137 173	—34 490	33 839	31,8
56	Пермская	2 994 302	147 867	4,9	145 600	189 231	—43 631	119 125	80,6
57	Псковская	1 122 317	53 538	4,8	50 005	94 116	—44 111	25 812	48,2
58	Виленская	1 591 207	96 465	6,1	93 066	140 503	—47 437	27 797	28,8
59	Киевская	3 559 229	237 470	6,7	226 408	274 457	—48 049	31 652	13,3
60	Вологодская	1 341 785	32 635	2,4	31 959	82 613	—50 654	53 779	164,8
61	Радомская	814 947	52 103	6,4	48 303	99 569	— 51 266	4 054	7,8
62	Нижегородская	1 584 774	79 368	5,0	77 462	133 128	— 55 666	56 353	71,0
63	Новгородская	1 367 022	81 548	6,0	68 249	128 946	— 60 697	49 702	60,9
64	Келецкая	761 995	35 157	4,6	30 754	91 848	— 61 094	3 898	11,1
65	Могилевская	1 686 764	71 714	4,3	70 556	142 374	— 71 818	22 150	30,9
66	Ковенская	1 544 564	92 559	6,0	85 855	162 972	— 77 117	18 128	19,6
67	Саратовская	2 405 829	142 972	5,9	140 034	219 745	— 79 711	39 356	27,5
68	Курляндская	674 034	65 781	9,8	61 912	142 141	— 80 229	15 118	23,0
69	Подольская	3 018 299	126 342	4,2	116 294	199 072	— 82 778	22 907	18,1

№ п/п	Губерния	Наличное население	Число неместных уроженцев		Число неместных уроженцев без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи	Прилив (+) или отлив (—) населения	Число временно пребывающих в месте переписи	
			всего	% к наличному населению				всего	% к неместным уроженцам
70	Костромская	1 387 015	39 317	2,8	38 398	130 243	— 91 845	54 538	138,7
71	Ярославская	1 071 355	85 864	8,0	84 817	181 248	— 96 431	53 294	62,1
72	Владимирская	1 515 691	88 337	5,8	86 900	191 977	—105 077	49 007	55,5
73	Смоленская	1 525 279	70 202	4,6	67 591	180 171	—112 580	34 560	49,2
74	Казанская	2 170 665	64 425	3,0	62 646	183 529	—120 883	43 055	66,8
75	Симбирская	1 527 848	40 890	2,7	39 913	171 659	—131 746	20 187	49,4
76	Калишская	840 597	58 825	7,0	41 501	181 495	—139 994	5 198	8,8
77	Харьковская	2 492 316	162 811	6,5	159 316	308 570	—149 254	31 871	19,6
78	Пензенская	1 470 474	33 996	2,3	33 362	219 517	—186 155	20 435	60,1
79	Калужская	1 132 843	47 356	4,2	45 931	237 674	—191 743	24 659	52,1
80	Тульская	1 419 456	55 638	3,9	52 250	260 823	—208 573	24 262	43,6
81	Орловская	2 033 798	89 244	4,4	87 593	299 620	—212 027	27 112	30,4
82	Черниговская	2 297 854	66 124	2,9	64 545	299 243	—234 698	22 875	34,6
83	Тверская	1 769 135	47 426	2,7	45 579	289 111	—243 532	51 388	108,4
84	Вятская	3 030 831	49 198	1,6	48 442	292 458	—244 016	90 864	184,7
85	Тамбовская	2 684 030	71 400	2,7	69 820	328 593	—258 773	31 567	44,2
86	Рязанская	1 802 196	53 322	3,0	52 071	344 915	—292 844	32 999	61,9
87	Воронежская	2 531 253	79 225	3,1	77 505	421 148	—343 643	31 465	39,7
88	Полтавская	2 778 151	95 516	3,4	93 660	443 115	—349 455	23 906	25,0
89	Курская	2 371 012	59 248	2,5	57 991	408 259	—350 268	22 133	37,4

Приложение 3

Порайонные балансы миграций населения по данным переписи 1897 г.

№ п/п	Группы губерний	Число губерний	Наличное население	Число неместных уроженцев (см. 4-ю графу приложения 2)		Число неместных уроженцев, родившихся за пределами группы губерний		Прилив (+) или отлив (—) населения (см. 8-ю графу приложения 2)
				всего	% к наличному населению	всего	% к наличному населению	
1	Столичные	2	4 542 614	1 636 448	36,0	1 594 499	35,1	+1 272 113
2	Промышленные и неземледельческие	9	12 475 431	592 956	4,8	384 473	3,1	—1 001 682
3	Прибалтийские	3	2 386 115	252 648	10,6	156 320	6,6	— 100 671
4	Западные	6	10 062 811	594 834	5,9	350 814	3,5	— 274 888
5	Уральские	2	6 025 133	597 065	3,3	122 414	2,0	— 287 647
6	Крайнего Севера	3	2 052 477	61 597	3,0	48 468	2,4	— 86 185
7	Юго-Западные	3	9 567 010	599 922	6,3	446 264	4,7	— 75 238
8	Центрально-земледельческие	6	12 841 745	408 077	3,2	251 233	2,0	—1 666 128
9	Малороссийские	3	7 568 321	324 451	4,3	272 323	3,6	— 733 407
10	Средневолжские	4	7 574 816	282 283	3,7	198 691	2,6	— 518 495
11	Новороссийские	5	10 794 726	1 557 315	14,4	1 303 874	12,1	+ 798 876
12	Нижневолжские и восточные	4	7 551 665	807 000	10,7	673 602	8,9	+ 304 913
13	Царства Польского	10	9 402 253	1 190 552	12,7	478 405	5,1	+ 17 992
14	Северного Кавказа	4	3 783 596	999 931	26,4	945 141	25,0	+ 826 568
15	Закавказья и Дагестана	7	5 505 768	452 500	8,2	312 436	5,7	+ 118 975
16	Западной Сибири	3	3 930 883	1 034 957	26,3	956 683	24,3	— 826 087
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

№ п/п	Группы губерний *	Число губерний	Наличное население	Число неместных уроженцев (см. 4-ю графу приложения 2)		Число неместных уроженцев, родившихся за пределами группы губерний		Прилив (+) или отлив (—) населения (см. 8-ю графу приложения 2)
				всего	% к наличному населению	всего	% к наличному населению	
18	Степные области Средней Азии	4	2 465 735	269 491	10,9	261 359	10,6	+ 196 534
19	Туркестана	5	5 280 983	229 850	4,4	215 982	4,1	+ 135 592
	Итого:	89	125 640 021	11 864 435	9,4	—	—	—
20	1-я и 2-я группы губерний	11	17 018 045	2 229 404	13,1	1 076 982	6,3	+ 270 431
21	8-я, 9-я и 10-я группы губерний	13	27 984 882	1 014 811	3,6	515 833	1,8	—2 918 030
22	11-я и 12-я группы губерний	9	18 346 391	2 364 315	12,9	1 938 949	10,6	+1 103 789
23	14-я и 15-я группы губерний	11	9 289 364	1 452 431	15,6	1 201 391	12,9	+ 945 543
24	16-я и 17-я группы губерний	9	5 758 822	1 407 515	24,4	1 223 374	21,2	+1 072 651
25	18-я и 19-я группы губерний	9	7 746 718	499 341	6,4	462 882	6,0	+ 332 126

* Распределение губерний по группам: 1. С.-Петербургская, Московская; 2. Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская; 3. Курляндская, Лифляндская, Эстляндская; 4. Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская; 5. Вятская, Пермская; 6. Архангельская, Вологодская, Олонецкая; 7. Волынская, Киевская, Подольская; 8. Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская; 9. Полтавская, Харьковская, Черниговская; 10. Казанская, Пензенская, Саратовская, Симбирская; 11. Бессарабская, Область Войска Донского, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская; 12. Астраханская, Оренбургская, Самарская, Уфимская; 13. Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Седлецкая, Сувалкская; 14. Кубанская обл., Ставропольская, Терская обл., Черноморская; 15. Бакинская, Дагестанская обл., Елисаветпольская, Карсская обл., Кутаисская, Тифлисская, Эриванская; 16. Енисейская, Тобольская, Томская; 17. Амурская обл., Забайкальская обл., Иркутская, Приморская обл., о. Сахалин, Якутская обл.; 18. Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области; 19. Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская, Ферганская области.

Распределение неместных уроженцев в группах губерний по месту рожд... и по месту жительства в момент проведения переписи 1897 г. (тыс. чел.)

Где живут \ Откуда родом	1	2	3	4	5	6	7	[illegible]
1 Столичные	41,9	806,5	82,4	101,9	13,1	53,0	16,4	[illegible]
2 Промышленные и неземледельческие	95,5	208,5	32,2	53,9	19,2	27,3	6,8	[illegible]
3 Прибалтийские	13,5	18,2	96,3	85,9	1,0	1,3	1,4	
4 Западные	11,9	70,7	67,3	244,0	7,7	8,2	24,4	[illegible]
5 Уральские	3,8	21,2	0,9	3,3	74,7	10,5	1,0	
6 Крайнего Севера	5,7	17,4	0,5	1,7	13,7	13,1	0,4	[illegible]
7 Юго-Западные	7,1	18,2	2,7	49,8	4,3	0,9	153,7	[illegible]
8 Центрально-земледельческие	34,9	62,5	3,9	20,1	10,6	1,5	10,3	[illegible]
9 Малороссийские	8,2	15,3	2,6	40,3	2,3	0,6	34,8	[illegible]
10 Средневолжские	9,3	34,3	3,0	7,0	25,7	1,2	3,0	[illegible]
11 Новороссийские	16,6	69,9	9,0	87,2	4,4	2,4	248,4	[illegible]
12 Нижневолжские и восточные	6,5	60,4	6,1	7,7	105,3	2,3	5,5	[illegible]
13 Царства Польского	19,3	40,2	13,8	73,3	6,6	4,3	39,2	[illegible]
14 Северного Кавказа	3,9	21,6	3,6	11,9	2,6	1,0	24,4	[illegible]
15 Закавказья и Дагестана	3,5	10,2	2,6	13,2	3,5	0,5	5,7	
16 Западной Сибири	8,6	54,9	7,1	29,4	139,9	11,8	21,8	[illegible]
17 Восточной Сибири и Дальнего Востока	5,8	21,3	2,2	11,3	22,2	2,1	9,5	[illegible]
18 Степные области Средней Азии	1,4	9,5	0,6	2,9	15,9	0,6	2,8	[illegible]
19 Туркестана	1,8	5,7	0,5	3,8	9,2	0,4	5,7	[illegible]
Итого*	257,3	1358,0	241,0	604,6	407,2	129,9	462,1	[illegible]

* В итоги не вошли неместные уроженцы, жившие в пределах «своей» группы губерн...

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Итого *
18,4	31,3	22,7	15,6	29,0	3,4	4,2	1,7	2,4	0,9	0,8	1529,2
7,1	22,9	5,3	5,6	15,7	0,7	1,0	0,8	0,7	0,4	0,2	356,4
2,6	3,1	1,4	1,7	5,0	0,2	0,2	0,09	0,1	0,04	0,06	140,39
23,1	24,4	7,7	6,5	54,3	1,2	2,0	0,4	0,4	0,1	0,2	329,8
1,0	32,2	1,0	26,5	1,1	0,1	0,2	8,9	0,4	1,2	1,6	119,3
0,3	0,8	0,3	0,3	0,8	0,03	0,05	0,6	0,07	0,03	0,02	44,0
67,1	4,7	46,3	21,2	104,9	2,0	0,9	0,6	0,3	0,8	0,2	386,9
36,0	19,6	18,0	5,6	9,9	4,3	1,6	0,9	0,2	0,2	0,2	240,3
54,1	3,4	42,2	5,2	9,0	3,1	1,2	0,5	0,2	0,08	0,1	263,48
3,3	83,6	9,6	38,6	4,1	1,1	1,5	1,0	0,3	0,6	0,4	192,3
272,9	45,7	253,4	22,4	42,0	16,7	4,6	2,4	0,5	0,3	0,3	1219,7
19,5	270,1	16,1	133,4	4,1	2,2	2,3	4,5	0,3	9,1	2,0	664,7
25,9	21,5	28,9	6,8	712,1	1,1	2,3	0,3	0,3	0,3	0,2	346,7
281,9	37,3	155,5	23,6	7,2	54,8	25,9	1,0	0,2	0,2	0,3	903,4
14,0	30,3	16,4	13,9	11,6	29,6	140,1	0,8	0,2	0,4	0,6	182,6
133,0	90,3	23,1	57,1	8,4	4,2	5,2	78,3	9,6	33,9	3,2	949,2
42,8	16,6	13,8	14,6	8,1	2,4	4,6	56,1	40,1	1,8	1,2	264,2
39,2	36,9	8,2	76,7	1,0	1,1	0,3	31,4	0,7	8,1	3,2	258,1
8,6	19,7	4,3	17,9	10,6	3,3	7,9	11,4	0,4	11,1	13,9	150,4
1006,7	710,8	420,8	359,8	326,8	76,73	65,95	123,39	17,27	61,45	14,78	8541,07

Приложение 5

Число неместных уроженцев всех категорий в группах губерний, в городах и сельских местностях (по данным переписи 1897 г.)

№ п/п	Группы губерний		Наличное население	% городского и сельского населения	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них:			
							уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
					всего	% к наличному населению	всего	% к неместным уроженцам	всего	% к неместным уроженцам
1	Столичные	в уездах	1 986 479	43,7	359 758	18,1	150 805	41,9	208 953	58,1
		в городах	2 556 135	56,3	1 785 888	69,9	358 393	20,1	1 427 495	79,9
		всего	4 542 614	100,0	2 145 646	47,2	509 198	23,7	1 636 448	76,3
2	Промышленные и неземледельческие	в уездах	11 372 080	91,2	795 888	7,0	414 638	52,1	381 250	47,9
		в городах	1 103 351	8,8	457 745	41,5	246 039	53,8	211 706	46,2
		всего	12 475 431	100,0	1 253 633	10,0	660 677	52,7	592 956	47,3
3	Прибалтийские	в уездах	1 780 344	74,6	197 759	11,1	126 783	64,1	70 976	35,9
		в городах	605 771	25,4	339 635	56,1	157 963	46,5	181 672	53,5
		всего	2 386 115	100,0	537 394	22,5	284 746	53,0	252 648	47,0
4	Западные	в уездах	8 879 018	88,2	664 416	7,5	335 763	50,5	328 653	49,5
		в городах	1 183 793	11,8	463 956	39,2	197 775	42,6	266 181	57,4
		всего	10 062 811	100,0	1 128 372	11,2	533 538	47,3	594 834	52,7
5	Уральские	в уездах	5 750 152	95,4	384 044	6,7	239 620	62,4	144 424	37,6
		в городах	274 981	4,6	133 797	48,7	81 156	60,7	52 641	39,3
		всего	6 025 133	100,0	517 841	8,6	320 776	61,9	197 065	38,1
6	Крайнего Севера	в уездах	1 932 057	94,1	88 027	4,6	40 952	46,5	47 075	53,5
		в городах	120 420	5,9	43 129	35,8	28 607	66,3	14 522	33,7
		всего	2 052 477	100,0	131 156	6,4	69 559	53,0	61 597	47,0
7	Юго-Западные	в уездах	8 652 040	90,4	697 611	8,1	340 447	48,8	357 164	51,2
		в городах	914 970	9,6	382 680	41,8	139 922	36,6	242 758	63,4
		всего	9 567 010	100, 0	1 080 291	11,3	480 369	44,5	599 922	55,5
8	Центрально-земледельческие	в уездах	11 638 460	90,6	525 271	4,5	287 309	54,7	237 962	45,3
		в городах	1 203 285	9,4	385 524	32,0	215 409	55,9	170 115	44,1
		всего	12 841 745	100,0	910 795	7,1	502 718	55,2	408 077	44,8

Приложение 5 (продолжение)

№ п/п	Группы губерний	Наличное население		% городского и сельского населения	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них:			
							уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
					всего	% к наличному населению	всего	% к неместным уроженцам	всего	% к неместным уроженцам
9	Малороссийские	в уездах	6 717 231	88,8	339 364	5,1	181 386	53,4	157 978	46,6
		в городах	851 090	11,2	276 013	32,4	109 540	39,7	166 473	60,3
		всего	7 568 321	100,0	615 377	8,1	290 926	47,3	324 451	52,7
10	Средневолжские	в уездах	6 831 792	90,2	316 983	4,6	178 099	56,2	138 884	43,8
		в городах	743 024	9,8	338 299	45,5	194 900	57,6	143 399	42,4
		всего	7 574 816	100,0	655 282	8,7	372 999	56,9	282 283	43,1
11	Новороссийские	в уездах	8 914 331	82,6	1 301 510	14,6	392 582	30,2	908 928	69,8
		в городах	1 880 395	17,4	873 817	46,5	225 430	25,8	648 387	74,2
		всего	10 794 726	100,0	2 175 327	20,2	618 012	28,4	1 557 315	71,6
12	Нижневолжские и восточные	в уездах	7 000 417	92,7	788 673	11,3	170 966	21,7	617 707	78,3
		в городах	551 248	7,3	261 309	47,4	72 016	27,6	189 293	72,4
		всего	7 551 665	100,0	1 049 982	13,9	242 982	23,1	807 000	76,9
13	Царства Польского	в уездах	7 276 406	77,4	1 184 959	16,3	624 271	52,7	560 688	47,3
		в городах	2 125 847	22,6	964 360	45,4	334 496	34,7	629 864	65,3
		всего	9 402 253	100,0	2 149 319	22,9	958 767	44,6	1 190 552	55,4
14	Северного Кавказа	в уездах	3 452 286	91,2	953 352	27,6	108 542	11,4	844 810	88,6
		в городах	331 310	8,8	178 376	53,8	23 255	13,0	155 121	87,0
		всего	3 783 596	100,0	1 131 728	29,9	131 797	11,6	999 931	88,4
15	Закавказья и Дагестана	в уездах	4 828 619	87,7	391 725	8,1	153 545	39,2	238 180	60,8
		в городах	677 149	12,3	318 589	47,0	104 269	32,7	214 320	67,3
		всего	5 505 768	100,0	710 314	12,9	257 814	36,3	452 500	63,7
16	Западной Сибири	в уездах	3 652 717	92,9	1 005 503	27,5	80 982	8,1	924 521	91,9
		в городах	278 166	7,1	151 573	54,5	41 137	27,1	110 436	72,9
		всего	3 930 883	100,0	1 157 076	29,4	122 119	10,6	1 034 957	89,4
17	Восточной Сибири и Дальнего Востока	в уездах	1 633 291	89,4	319 731	19,6	46 878	14,7	272 853	85,3
		в городах	194 648	10,6	123 524	63,5	23 819	19,3	99 705	80,7
		всего	1 827 939	100,0	443 255	24,2	70 697	15,9	372 558	84,1

№ п/п	Группы губерний	Наличное население		% городского и сельского населения	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них:			
							уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
					всего	% к наличному населению	всего	% к неместным уроженцам	всего	% к неместным уроженцам
18	Степные области Средней Азии	в уездах	2 261 483	91,7	218 163	9,6	34 668	15,9	183 495	84,1
		в городах	204 252	8,3	105 626	51,7	19 630	18,6	85 996	81,4
		всего	2 465 735	100,0	323 789	13,1	54 298	16,8	269 491	83,2
19	Туркестана	в уездах	4 551 760	86,2	110 661	2,4	8 653	7,8	102 008	92,2
		в городах	729 223	13,8	141 314	19,4	13 472	9,5	127 842	90,5
		всего	5 280 983	100,0	251 975	4,8	22 125	8,8	229 850	91,2
	Итого	в уездах	109 110 963	86,8	10 643 398	9,8	3 916 889	36,8	6 726 509	63,2
		в городах	16 529 058	13,2	7 725 154	46,7	2 587 228	33,5	5 137 926	66,5
		всего	125 640 021	100,0	18 368 552	14,6	6 504 117	35,4	11 864 435	64,6
20	1-я и 2-я группы губерний	в уездах	13 358 559	78,5	1 155 646	8,7	565 443	48,9	590 203	51,1
		в городах	3 659 486	21,5	2 243 633	61,3	604 432	26,9	1 639 201	73,1
		всего	17 018 045	100,0	3 399 279	20,0	1 169 875	34,4	2 229 404	65,6
21	8-я, 9-я и 10-я группы губерний	в уездах	25 187 483	90,0	1 181 618	4,7	646 794	54,7	534 824	45,3
		в городах	2 797 399	10,0	999 836	35,7	519 849	52,0	479 987	48,0
		всего	27 984 882	100,0	2 181 454	7,8	1 166 643	53,5	1 014 811	46,5
22	11-я и 12-я группы губерний	в уездах	15 914 748	86,7	2 090 183	13,1	563 548	27,0	1 526 635	73,0
		в городах	2 431 643	13,3	1 135 126	46,7	297 446	26,2	837 680	73,8
		всего	18 346 391	100,0	3 225 309	17,6	860 994	26,7	2 364 315	73,3
23	14-я и 15-я группы губерний	в уездах	8 280 905	89,1	1 345 077	16,2	262 087	19,5	1 082 990	80,5
		в городах	1 008 459	10,9	496 965	49,3	127 524	25,7	369 441	74,3
		всего	9 289 364	100,0	1 842 042	19,8	389 611	21,2	1 452 431	78,8
24	16-я и 17-я группы губерний	в уездах	5 286 008	91,8	1 325 234	25,1	127 860	9,6	1 197 374	90,4
		в городах	472 814	8,2	275 097	58,2	64 956	23,6	210 141	76,4
		всего	5 758 822	100,0	1 600 331	27,8	192 816	12,0	1 407 515	88,0
25	18-я и 19-я группы губерний	в уездах	6 813 243	88,0	328 824	4,8	43 321	13,2	285 503	86,8
		в городах	933 475	12,0	246 940	26,5	33 102	13,4	213 838	86,6
		всего	7 746 718	100.0	575 764	7.4	76 423	13.3	499 341	86.7

Приложение 6

Число неместных уроженцев всех категорий в крупных городах и во всех губернских и областных центрах с населением свыше 20 000 жителей (по данным переписи 1897 г.)

№ п/п	Город	Наличное население	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них			
					уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
			всего	% к наличному	всего	% к неместным	всего	% к неместным
	I. Крупные города (с населением свыше 50 000 жителей)							
1	С.-Петербург	1 264 920	868 718	68,7	89 086	10,3	779 632	89,7
2	Москва	1 038 591	765 965	73,8	233 576	30,5	532 389	69,5
3	Варшава	683 692	347 523	50,8	105 174	30,3	242 349	69,7
4	Одесса	403 815	227 949	56,4	39 009	17,1	188 940	82,9
5	Лодзь	314 020	195 113	62,1	59 507	30,5	135 606	69,5
6	Рига	282 230	169 944	60,2	54 881	32,3	115 063	67,7
7	Киев	247 723	167 751	67,7	44 721	26,7	123 030	73,3
8	Харьков	173 989	107 485	61,8	32 644	30,4	74 841	69,6
9	Тифлис	159 590	89 904	56,3	27 539	30,6	62 365	69,4
10	Ташкент	155 673	26 277	16,9	3 950	15,0	22 327	85,0
11	Вильна	154 532	81 627	52,8	37 839	46,4	43 788	53,6
12	Саратов	137 147	82 196	59,9	43 118	52,5	39 078	47,5
13	Казань	129 959	84 080	64,7	52 357	62,3	31 723	37,7
14	Ростов-на-Дону	119 476	79 619	66,6	16 388	20,6	63 231	79,4
15	Тула	114 733	52 890	46,1	36 323	68,7	16 567	31,3
16	Астрахань	112 880	65 191	57,8	6 449	9,9	58 742	90,1
17	Екатеринослав	112 839	77 415	68,6	16 278	21,0	61 137	79,0
18	Баку	111 904	71 597	64,0	13 614	19,0	57 983	81,0
19	Кишинев	108 483	43 058	39,7	14 118	32,8	28 940	67,2
20	Николаев	92 012	43 816	47,6	15 223	34,7	28 593	65,3
21	Минск	90 912	41 778	46,0	23 457	56,1	18 321	43,9
22	Нижний Новгород	90 053	60 538	67,2	33 505	55,3	27 033	44,7
23	Самара	89 999	59 530	66,1	24 553	41,2	34 977	58,8
24	Коканд	81 354	2 067	2,5	50	2,4	2 017	97,6
25	Воронеж	80 599	46 861	58,1	25 233	53,8	21 628	46,2
26	Курск	75 721	25 752	34,0	13 728	53,3	12 024	46,7
27	Оренбург	72 425	39 470	54,5	10 700	27,1	28 770	72,9
28	Ярославль	71 616	45 546	63,6	20 979	46,1	24 567	53,9
29	Ковна	70 920	44 743	63,1	14 189	31,7	30 554	68,3
30	Орел	69 735	35 897	51,5	20 862	58,1	15 035	41,9
31	Двинск	69 675	39 400	56,5	6 833	17,3	32 567	82,7
32	Белосток	66 032	34 005	51,5	20 177	59,3	13 828	40,7
33	Житомир	65 895	28 390	43,1	11 607	40,9	16 783	59,1
34	Витебск	65 871	28 017	42,5	13 028	46,5	14 989	53,5

№ п/п	Город	Наличное население	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них			
					уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
			всего	% к наличному	всего	% к неместным	всего	% к неместным
35	Екатеринодар	65 606	40 732	62,1	5 495	13,5	35 237	86,5
36	Ревель	64 572	41 028	63,5	25 044	61,0	15 984	39,0
37	Либава	64 489	45 201	70,1	22 822	50,5	22 379	49,5
38	Кременчуг	63 007	30 647	48,6	8 968	29,3	21 679	70,7
39	Наманган	62 017	1 455	2,3	156	10,7	1 299	89,3
40	Елисаветград	61 488	26 838	43,6	12 149	45,3	14 689	54,7
41	Пенза	59 981	32 396	54,0	22 294	68,8	10 102	31,2
42	Кронштадт	59 525	46 452	78,0	6 632	14,3	39 820	85,7
43	Херсон	59 076	21 828	36,9	8 231	37,7	13 597	62,3
44	Царицын	55 186	34 998	63,4	12 803	36,6	22 195	63,4
45	Самарканд	55 128	11 604	21,0	520	4,5	11 084	95,5
46	Иваново-Вознесенск	54 208	40 056	73,9	25 211	62,9	14 845	37,1
47	Полтава	53 703	29 308	54,6	16 749	57,1	12 559	42,9
48	Севастополь	53 595	38 865	72,5	7 936	20,4	30 929	79,6
49	Тверь	53 544	32 174	60,1	23 202	72,1	8 972	27,9
50	Бердичев	53 351	17 215	32,3	4 782	27,8	12 433	72,2
51	Томск	52 210	35 382	67,8	9 057	25,6	26 325	74,4
52	Новочеркасск	51 963	28 420	54,7	14 216	50,0	14 204	50,0
53	Иркутск	51 473	28 093	54,6	10 332	36,8	17 761	63,2
54	Таганрог	51 437	23 637	46,0	7 652	32,4	15 985	67,6
55	Люблин	50 385	24 466	48,6	13 744	56,2	10 722	43,8
	II. Губернские и областные центры с населением от 20 000 до 50 000 жителей							
56	Калуга	49 513	25 972	52,5	13 876	53,4	12 096	46,6
57	Уфа	49 275	30 747	62,4	16 747	54,5	14 000	45,5
58	Симферополь	49 078	28 805	58,7	11 008	38,2	17 797	61,8
59	Тамбов	48 015	25 524	53,2	17 676	69,3	7 848	30,7
60	Гродна	46 919	23 101	49,2	7 969	34,5	15 132	65,5
61	Смоленск	46 699	29 106	62,3	13 223	45,4	15 883	54,6
62	Рязань	46 122	26 953	58,4	16 045	59,5	10 908	40,5
63	Пермь	45 205	32 086	71,0	16 625	51,8	15 461	48,2
64	Владикавказ	43 740	27 990	64,0	6 621	23,7	21 369	76,3
65	Могилев	43 119	11 442	26,5	5 532	48,3	5 910	51,7
66	Симбирск	41 684	23 044	55,3	16 300	70,7	6 744	29,3
67	Ставрополь	41 590	17 887	43,0	3 002	16,8	14 885	83,2

№ п/п	Город	Наличное население	Число уроженцев других уездов, других губерний и государств		Из них			
					уроженцев других уездов		уроженцев других губерний и государств	
			всего	% к наличному	всего	% к местным	всего	% к местным
68	Кострома	41 336	24 577	59,5	17 904	72,8	6 673	27,2
69	Омск	37 376	24 311	65,0	1 856	7,6	22 455	92,4
70	Уральск	36 466	17 888	49,1	2 793	15,6	15 095	84,4
71	Каменец-Подольск	35 934	16 467	45,8	10 154	61,7	6 313	38,3
72	Митава	35 131	22 267	63,4	13 789	61,9	8 478	38,1
73	Елисаветполь	33 625	9 383	27,9	4 198	44,7	5 185	55,3
74	Благовещенск	32 834	22 565	68,7	—	—	22 565	100,0
75	Кутаис	32 476	25 596	78,8	19 650	76,8	5 946	23,2
76	Петроков	31 182	14 788	47,4	7 100	48,0	7 688	52,0
77	Псков	30 478	16 718	54,9	5 842	34,9	10 876	65,1
78	Радом	29 896	16 844	56,3	8 542	50,7	8 302	49,3
79	Эривань	29 006	12 333	42,5	6 878	55,8	5 455	44,2
80	Владивосток	28 933	27 000	93,3	538	2,0	26 462	98,0
81	Владимир	28 479	19 293	67,7	12 081	62,6	7 212	37,4
82	Чернигов	27 716	14 890	53,7	8 862	59,5	6 028	40,5
83	Вологда	27 705	16 797	60,6	12 692	75,6	4 105	24,4
84	Плоцк	26 966	15 511	57,5	6 334	40,8	9 177	59,2
85	Красноярск	26 699	18 374	68,8	6 959	37,9	11 415	62,1
86	Семипалатинск	26 246	14 427	55,0	5 956	41,3	8 471	58,7
87	Седлец	26 234	13 574	51,7	5 494	40,5	8 080	59,5
88	Ломжа	26 093	16 466	63,1	6 587	40,0	9 879	60,0
89	Новгород	25 736	15 637	60,8	7 674	49,1	7 963	50,9
90	Вятка	25 008	15 679	62,7	12 904	82,3	2 775	17,7
91	Калиш	24 418	11 745	48,1	7 568	64,4	4 177	35,6
92	Кельцы	23 178	14 312	61,7	7 407	51,8	6 905	48,2
93	Верный	22 744	12 074	53,1	1 604	13,3	10 470	86,7
94	Сувалки	22 648	12 745	56,3	5 423	42,6	7 322	57,4
95	Архангельск	20 882	9 762	46,7	6 031	61,8	3 731	38,2
96	Карс	20 805	15 734	75,6	451	2,9	15 283	97,1
97	Тобольск	20 425	10 446	51,1	5 702	54,6	4 744	45,4

Приложение 7

Распределение неместных уроженцев по уездам, наиболее заселявшимся во второй половине XIX в. (данные переписи 1897 г.)

№ п/п	Уезд	Губерния	Наличное население уезда	Число уроженцев других губерний и государств	То же в % к наличному населению
	I. Уезды, в которых неместные уроженцы составляли не менее 10% к наличному населению				
1	С.-Петербургский	С.-Петербургская	1 317 885	793 037	60,2
2	Московский	Московская	1 203 926	562 260	46,7
3	Варшавский	Варшавская	826 780	274 260	33,2
4	Барнаульский округ	Томская	584 100	261 069	44,7
5	Одесский	Херсонская	610 042	203 565	33,4
6	Лодзинский	Петроковская	430 305	156 943	36,5
7	Киевский	Киевская	541 483	135 731	25,1
8	Рижский	Лифляндская	396 101	127 089	32,1
9	Оренбургский	Оренбургская	555 653	122 164	22,0
10	Майкопский отдел	Кубанская обл.	283 117	119 676	42,3
11	Лабинский »	Кубанская »	305 733	113 231	37,0
12	Ростовский округ	Область Войска Донского	369 732	105 907	28,6
13	Темрюкский отдел	Кубанская обл.	342 976	100 025	29,2
14	Южно-Уссурийский округ	Приморская »	124 830	98 200	78,7
15	Бийский округ	Томская	337 007	97 681	29,0
16	Екатеринославский	Екатеринославская	357 207	94 841	26,6
17	Томский округ	Томская	277 135	91 856	33,1
18	Екатеринодарский отдел	Кубанская обл.	245 173	87 429	35,7
19	Херсонский	Херсонская	587 804	85 597	14,6
20	Кавказский отдел	Кубанская обл.	249 182	84 055	33,7
21	Змеиногорский округ	Томская	242 718	81 556	33,6
22	Харьковский	Харьковская	348 488	81 531	23,4
23	Астраханский	Астраханская	219 760	81 222	37,0
24	Тюкалинский округ	Тобольская	208 718	77 972	37,4
25	Бахмутский	Екатеринославская	332 478	77 502	23,3
26	Таганрогский округ	Область Войска Донского	412 995	75 284	18,2
27	Ейский отдел	Кубанская обл.	277 300	74 393	26,8
28	Новогригорьевский	Ставропольская	246 644	71 306	28,9
29	Бакинский	Бакинская	182 897	71 169	38,9
30	Тифлисский	Тифлисская	234 632	69 808	29,8
31	Черкасский округ	Область Войска Донского	240 222	65 685	27,3
32	Бендинский	Петроковская	244 433	64 514	26,4
33	Новоузенский	Самарская	417 376	64 463	15,4
34	Амурская обл. (не делится на уезды)		120 306	64 071	53,3
35	Самарский	Самарская	357 018	60 571	17,0
36	Петергофский	С.-Петербургская	140 547	58 354	41,5
37	Баталпашинский отдел	Кубанская обл.	215 400	54 483	25,3
38	Карсский округ	Карсская »	134 142	52 395	39,1
39	Виленский	Виленская	363 313	51 515	14,2
40	Донецкий округ	Область Войска Донского	455 819	50 415	11,1

№ п/п	Уезд	Губерния	Наличное население уезда	Число уроженцев других губерний и государств	То же в % к наличному населению
41	Мелитопольский	Таврическая	384 239	50 049	13,0
42	Житомирский	Волынская	433 859	50 025	11,5
43	Медвежинский	Ставропольская	232 929	49 319	21,2
44	Уфимский	Уфимская	372 906	49 075	13,2
45	Ишимский округ	Тобольская	269 031	48 985	18,2
46	Каинский »	Томская	187 147	47 844	25,6
47	Челябинский	Оренбургская	413 072	47 637	11,5
48	Двинский	Витебская	237 023	47 306	20,0
49	Минусинский	Енисейская	182 733	47 154	25,8
50	Саратовский	Саратовская	332 860	47 142	14,2
51	Пятигорский округ	Терская обл.	181 481	46 701	25,7
52	Мариинский »	Томская	137 773	45 537	33,1
53	Кокчетавский	Акмолинская обл.	155 461	45 040	29,0
54	Уральский	Уральская обл.	293 619	43 590	14,8
55	Бердянский	Таврическая	304 718	43 489	14,3
56	Александровский	Ставропольская	180 506	42 873	23,8
57	Петропавловский	Акмолинская обл.	155 137	41 443	26,7
58	Стерлитамакский	Уфимская	327 382	41 223	12,6
59	Царскосельский	С.-Петербургская	149 845	39 095	26,1
60	Первый Донской округ	Область Войска Донского	271 790	38 352	14,1
61	Ковенский	Ковенская	227 431	38 211	16,8
62	Тарский округ	Тобольская	159 655	36 924	23,1
63	Троицкий	Оренбургская	201 231	36 142	18,0
64	Омский	Акмолинская обл.	100 539	35 595	35,4
65	Ставропольский	Ставропольская	165 442	35 312	21,3
66	Казанский	Казанская	350 719	35 062	10,0
67	Богородский	Московская	222 341	34 177	15,4
68	Верненский	Семиреченская обл.	223 883	34 174	15,3
69	Орский	Оренбургская	206 944	33 512	16,2
70	Пермский	Пермская	272 967	33 348	12,2
71	Ачинский	Енисейская	111 466	32 812	29,4
72	Кишиневский	Бессарабская	279 657	32 748	11,7
73	Мариупольский	Екатеринославская	254 056	32 559	12,8
74	Севастопольское градоначальство	Таврическая	57 455	32 542	56,6
75	Белостокский	Гродненская	206 615	31 601	15,3
76	Александровский	Екатеринославская	271 678	31 567	11,6
77	Канский	Енисейская	96 202	31 379	32,6
78	Ярославский	Ярославская	208 031	31 207	15,0
79	Хоперский округ	Область Войска Донского	251 498	30 927	12,3
80	Красноярский	Енисейская	99 156	30 627	30,9
81	Ровенский	Волынская	273 001	30 308	11,1
82	Царицынский	Саратовская	161 472	30 173	18,7
83	Луцкий	Волынская	252 550	29 740	11,8
84	Иркутский округ	Иркутская	163 099	29 533	18,1
85	Нижегородский	Нижегородская	222 033	29 093	13,1
86	Новгородский	Новгородская	185 757	29 091	15,7
87	Брянский	Орловская	203 303	28 978	14,3

№ п/п	Уезд	Губерния	Наличное население уезда	Число уроженцев других губерний и государств	То же в % к наличному населению
88	Новороссийский округ	Черноморская	34 908	27 950	80,1
89	Владимиро-Волынский	Волынская	277 265	27 830	10,0
90	Славяносербский	Екатеринославская	174 753	27 528	15,8
91	Нижнеудинский округ	Иркутская	80 918	27 335	33,8
92	Днепровский	Таврическая	212 241	27 221	12,8
93	Павлоградский	Екатеринославская	251 460	26 863	10,7
94	Симферопольский	Таврическая	141 717	26 175	18,5
95	Ново-Александрийский	Люблинская	145 362	25 663	17,7
96	Второй Донской округ	Область Войска Донского	239 055	25 477	10,7
97	Покровский	Владимирская	158 229	25 129	15,9
98	Брестский	Гродненская	218 432	25 089	11,5
99	Кустанайский	Тургайская обл.	152 556	24 967	16,4
100	Кременчугский	Полтавская	244 894	24 728	10,1
101	Владикавказский округ	Терская обл.	134 947	24 636	18,3
102	Гробинский	Курляндская	110 878	24 483	22,1
103	Батумский округ	Кутаисская	88 444	24 478	27,7
104	Асхабадский	Закаспийская обл.	92 205	22 907	24,8
105	Верхнеуральский	Оренбургская	223 245	22 663	10,2
106	Джаркентский	Семиреченская обл.	122 636	21 940	17,9
107	Верхнеднепровский	Екатеринославская	211 674	21 838	10,3
108	Тюменский округ	Тобольская	121 357	21 463	17,7
109	Гродненский	Гродненская	204 854	21 308	10,4
110	Холмский	Люблинская	137 585	20 949	15,2
111	Витебский	Витебская	177 432	20 735	11,7
112	Шуйский	Владимирская	158 483	20 607	13,0
113	Коломенский	Московская	111 927	20 531	18,3
114	Ченстоховский	Петроковская	158 754	20 130	12,7
115	Кузнецкий округ	Томская	161 799	19 990	12,1
116	Дубенский	Волынская	195 058	19 965	10,2
117	Ялтинский	Таврическая	73 260	19 852	27,1
118	Феодосийский	Таврическая	115 858	19 734	17,0
119	Сальский округ	Область Войска Донского	76 297	19 682	25,8
120	Смоленский	Смоленская	145 155	19 511	13,4
121	Плонский	Варшавская	91 360	19 497	21,3
122	Кагызманский округ	Карсская обл.	59 230	19 281	32,6
123	Ямбургский	С.-Петербургская	81 972	19 150	23,4
124	Серпуховский	Московская	112 002	18 829	16,8
125	Ломжинский	Ломжинская	117 542	18 385	15,6
126	Ревельский	Эстляндская	157 736	18 214	11,5
127	Хабаровская округа	Приморская обл.	27 288	17 492	64,1
128	Олекминский округ	Якутская »	36 227	17 457	48,2
129	Пултусский	Варшавская	103 450	16 549	16,0
130	Люблинский	Люблинская	156 732	16 444	10,5
131	Балахнинский	Нижегородская	141 694	16 177	11,4
132	Керчь-Еникальское градоначальство	Таврическая	43 698	15 939	36,5
133	Плоцкий	Плоцкая	99 910	15 766	15,8
134	Балаганский округ	Иркутская	145 691	14 765	10,1

№ п/п	Уезд	Губерния	Наличное население уезда	Число уроженцев других губерний и государств	То же в % к наличному населению
135	Лужский	С.-Петербургская	133 466	14 649	11,0
136	Сухумский округ	Кутаисская	106 179	14 373	13,5
137	Рыбинский	Ярославская	92 905	14 254	15,3
138	Мервский	Закаспийская обл.	119 255	14 053	11,8
139	Калужский	Калужская	115 321	13 923	12,1
140	Темир-Хан-Шуринский округ	Дагестанская обл.	97 348	13 829	14,2
141	Лаский	Петроковская	117 685	13 702	11,6
142	Добленский	Курляндская	101 310	13 368	13,2
143	Гроецкий	Варшавская	108 351	13 025	12,0
144	Брезинский	Петроковская	99 625	12 942	13,0
145	Кизлярский округ	Терская обл.	102 395	12 942	12,6
146	Дмитровский	Московская	119 686	12 781	10,7
147	Влоцлавский	Варшавская	96 611	12 776	13,2
148	Островский	Ломжинская	98 691	12 519	12,7
149	Уссурийская округа	Приморская обл.	19 662	12 250	62,3
150	Яновский	Люблинская	117 144	12 001	10,2
151	Крестецкий	Новгородская	104 389	11 920	11,4
152	Черноярский	Астраханская	100 316	11 773	11,7
153	Остроленский	Ломжинская	88 486	11 530	13,0
154	Енисейский	Енисейская	67 536	11 318	16,8
155	Ардаганский округ	Карсская обл.	65 763	11 264	17,1
156	Перекопский	Таврическая	51 393	11 152	21,7
157	Цехановский	Плоцкая	71 492	10 919	15,3
158	Нешавский	Варшавская	79 507	10 837	13,6
159	Кутновский	Варшавская	82 499	10 830	13,1
160	Ленчицкий	Калишская	100 992	10 601	10,5
161	Евпаторийский	Таврическая	63 211	10 561	16,7
162	Новоминский	Варшавская	94 471	10 428	11,0
163	Седлецкий	Седлецкая	84 211	10 324	12,3
164	Валдайский	Новгородская	95 251	10 045	10,5
165	Закатальский округ	Тифлисская	84 224	9 988	11,9
166	Равский	Петроковская	69 573	9 737	14,0
167	Нерчинский округ	Забайкальская обл.	94 334	9 653	10,2
168	Красноводский	Закаспийская »	53 768	9 652	18,0
169	Сувалкский	Сувалкская	92 910	9 614	10,3
170	Сочинский округ	Черноморская	13 519	9 545	70,6
171	Подольский	Московская	86 311	9 346	10,8
172	Млавский	Плоцкая	88 435	9 321	10,6
173	Иллукстский	Курляндская	66 461	9 035	13,6
174	Маковский	Ломжинская	62 628	8 925	14,3
175	Александровский округ	Остров Сахалин	11 199	8 849	79,0
176	Удская округа	Приморская обл.	18 232	8 839	48,5
177	Скерневицкий	Варшавская	52 622	8 339	15,8
178	Шлиссельбургский	С.-Петербургская	54 904	8 060	14,7
179	Тедженский	Закаспийская обл.	48 704	7 920	16,3
180	Рыпинский	Плоцкая	69 930	7 690	11,0
181	Щучинский	Ломжинская	66 128	7 369	11,1
182	Праснышский	Плоцкая	66 897	7 280	10,9
183	Киренский округ	Иркутская	55 456	6 554	11,8
184	Корсаковский округ	Остров Сахалин	8 555	6 083	71,1
185	Тымовский »	Остров Сахалин	8 359	5 993	71,7

№ п/п	Уезд	Губерния	Наличное население уезда	Число уроженцев других губерний и государств	То же в % к наличному населению
186	Туапсинский округ	Черноморская	9 051	5 091	56,2
187	Ольтинский »	Карсская обл.	31 519	4 698	14,9
188	Усинский	Енисейская	2 109	544	25,8
	II. Другие уезды, в которых насчитывалось не менее 10 000 неместных уроженцев				
1	Елисаветградский	Херсонская	613 283	48 911	8,0
2	Николаевский	Самарская	494 736	42 459	8,6
3	Белебеевский	Уфимская	433 179	36 437	8,4
4	Бузулукский	Самарская	492 952	35 072	7,1
5	Бирский	Уфимская	497 696	28 902	5,8
6	Воронежский	Воронежская	273 832	25 068	9,2
7	Ташкентский	Сыр-Дарьинская обл.	448 493	25 067	5,6
8	Ананьевский	Херсонская	265 762	24 715	9,3
9	Осинский	Пермская	321 774	24 686	7,7
10	Новоград-Волынский	Волынская	348 950	24 540	7,0
11	Минский	Минская	277 149	24 241	8,7
12	Курганский округ	Тобольская	260 095	23 812	9,2
13	Усть-Медведицкий округ	Область Войска Донского	246 830	23 456	9,5
14	Винницкий	Подольская	248 314	23 375	9,4
15	Бердичевский	Киевская	279 695	22 484	8,0
16	Псковский	Псковская	226 756	21 914	9,7
17	Александрийский	Херсонская	416 576	21 582	5,2
18	Тираспольский	Херсонская	240 145	21 423	8,9
19	Балтский	Подольская	391 018	20 650	5,3
20	Тульский	Тульская	211 059	20 149	9,5
21	Хотинский	Бессарабская	307 532	19 584	6,4
22	Верхотурский	Пермская	270 866	19 561	7,2
23	Екатеринбургский	Пермская	412 296	17 857	4,3
24	Бугурусланский	Самарская	405 994	17 235	4,2
25	Орловский	Орловская	208 620	16 325	7,3
26	Изюмский	Харьковская	280 474	16 293	5,8
27	Гомельский	Могилевская	224 723	16 080	7,2
28	Царевский	Астраханская	198 022	16 074	8,1
29	Бобруйский	Минская	255 935	16 057	6,0
30	Радомысльский	Киевская	315 629	15 954	5,1
31	Сарапульский	Вятская	408 058	15 942	3,9
32	Борисовский	Минская	238 231	15 868	6,7
33	Сорокский	Бессарабская	218 861	15 451	7,1
34	Бендерский[1]	Бессарабская	194 915	15 432	7,9
35	Акмолинский	Акмолинская обл.	185 058	15 180	8,2
36	Балашовский	Саратовская	311 704	14 987	4,8
37	Речицкий	Минская	221 771	14 961	6,7
38	Александропольский	Эриванская	165 503	14 717	8,9
39	Измаильский	Бессарабская	244 274	14 650	6,0
40	Пишпекский	Семиреченская обл.	176 577	14 556	8,2
41	Полтавский	Полтавская	227 795	14 489	6,4
42	Радомский	Радомская	146 779	14 415	9,8
43	Белецкий	Бессарабская	211 448	14 270	6,7

№ п/п	Уезд	Губерния	Наличное население уезда	Число уроженцев других губерний и государств	То же в % к наличному населению
44	Ставропольский	Самарская	283 376	14 157	5,0
45	Курский	Курская	222 808	14 109	6,3
46	Новомосковский	Екатеринославская	260 368	13 959	5,4
47	Никольский	Вологодская	228 383	13 807	6,0
48	Златоустовский	Уфимская	185 498	13 526	7,3
49	Елецкий	Орловская	280 942	13 478	4,8
50	Петроковский	Петроковская	153 687	13 473	8,8
51	Ковельский	Волынская	211 493	13 171	6,2
52	Оршанский	Могилевская	187 068	13 143	7,0
53	Семипалатинский	Семипалатинская обл.	156 801	13 108	8,4
54	Змиевский	Харьковская	231 491	13 030	5,6
55	Читинский округ	Забайкальская обл.	138 767	12 824	9,2
56	Келецкий	Келецкая	142 754	12 719	8,9
57	Рязанский	Рязанская	212 683	12 705	6,0
58	Люцинский	Витебская	128 155	12 663	9,9
59	Проскуровский	Подольская	226 091	12 663	5,6
60	Грозненский округ	Терская обл.	226 035	12 488	5,5
61	Самаркандский	Самаркандская обл.	342 197	12 454	3,6
62	Аккерманский	Бессарабская	265 247	12 353	4,7
63	Пензенский	Пензенская	161 983	12 283	7,6
64	Пинский	Минская	230 763	12 177	5,3
65	Каменец-Подольский	Подольская	266 350	12 066	4,5
66	Черкасский	Киевская	307 542	11 924	3,9
67	Ялуторовский округ	Тобольская	188 450	11 913	6,3
68	Рославльский	Смоленская	188 244	11 680	6,2
69	Шавельский	Ковенская	237 934	11 604	4,9
70	Борисоглебский	Тамбовская	306 715	11 588	3,8
71	Уманский	Киевская	320 744	11 531	3,6
72	Сызранский	Симбирская	242 045	11 519	4,8
73	Трокский	Виленская	203 401	11 377	5,6
74	Елисаветпольский	Елисаветпольская	162 788	11 213	6,9
75	Тверской	Тверская	166 905	11 211	6,7
76	Сумский	Харьковская	228 094	11 095	4,9
77	Горийский	Тифлисская	191 091	11 069	5,8
78	Бугульминский	Самарская	299 884	11 017	3,7
79	Гдовский	С.-Петербургская	145 573	10 978	7,5
80	Калмыковский	Уральская обл.	169 673	10 952	6,5
81	Тамбовский	Тамбовская	422 498	10 947	2,6
82	Константиноградский	Полтавская	230 310	10 918	4,7
83	Старобельский	Харьковская	359 285.	10 909	3,0
84	Елабужский	Вятская	241 005	10 883	4,5
85	Везенбергский	Эстляндская	120 230	10 861	9,0
86	Могилевский	Могилевская	155 740	10 582	6,8
87	Кременецкий	Волынская	219 934	10 554	4,8
88	Новоалександровский	Ковенская	208 487	10 500	5,0
89	Блонский	Варшавская	104 776	10 433	9,9
90	Калишский	Калишская	123 013	10 293	8,4
91	Лепсинский	Семиреченская обл.	180 829	10 280	5,7
92	Сунженский округ	Терская »	115 370	10 275	8,9
93	Аткарский	Саратовская	289 813	10 155	3,5
94	Усть-Каменогорский	Семипалатинская обл.	103 575	10 037	9,7

Приложение 8

Основные направления миграции рабочих по данным переписи 1897 г.

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
		Крупные направления					
		Первая группа					
1	С.-Петербургская	Тверская	55 428	23 696	79 124	62,2	78 767
2	Московская	Тульская	43 685	21 246	64 931	66,0	64 148
3	Московская	Рязанская	45 513	18 825	64 338	66,0	62 310
4	С.-Петербургская	Ярославская	41 410	8 578	49 988	55,5	49 482
5	Московская	Калужская	33 480	13 664	47 144	63,4	46 078
6	С.-Петербургская	Новгородская	25 715	19 747	45 462	68,7	44 047
7	Петроковская	Калишская	26 183	13 109	39 292	55,4	37 271
8	Московская	Смоленская	24 979	9 695	34 674	67,9	33 918
9	С.-Петербургская	Псковская	21 138	9 855	30 993	61,4	30 522
10	Московская	Тверская	19 398	9 084	28 482	59,1	26 696
11	Московская	Владимирская	22 174	9 935	32 109	60,3	24 664
12	Пермская	Вятская	19 140	2 652	21 792	45,2	20 825
		Вторая группа					
13	Петроковская	Келецкая	13 387	7 267	20 654	49,1	19 741
14	Область Войска Донского	Воронежская	15 966	4 089	20 055	32,7	19 669
15	С.-Петербургская	Витебская	14 434	5 279	19 713	55,7	19 561
16	Херсонская	Киевская	14 449	6 028	20 477	35,1	19 527
17	С.-Петербургская	Рязанская	16 438	2 991	19 429	68,6	19 275
18	Таврическая	Полтавская	15 341	3 600	18 941	81,1	18 833
19	Лифляндская	Курляндская	14 111	6 719	20 830	45,7	18 787
20	С.-Петербургская	Смоленская	13 891	4 828	18 719	65,1	18 604
21	Кубанская обл.	Воронежская	12 172	4 034	16 206	26,1	16 172
		Третья группа					
22	Харьковская	Курская	11 099	4 940	16 039	41,1	14 675
23	Киевская	Черниговская	10 029	4 507	14 536	65,7	13 829
24	Кубанская обл.	Харьковская	10 231	3 543	13 774	23,5	13 735
25	Область Войска Донского	Орловская	11 235	2 425	13 660	61,5	13 603
26	Херсонская	Подольская	9 940	3 933	13 873	35,7	12 963
27	Екатеринославская	Орловская	11 698	920	12 618	70,5	12 592
28	Область Войска Донского	Харьковская	9 450	3 036	12 486	38,3	12 266
29	Кубанская обл.	Курская	9 516	2 741	12 257	26,5	12 243
30	Варшавская	Седлецкая	8 088	6 017	14 105	42,3	12 178
31	Екатеринославская	Курская	10 447	1 161	11 608	60,1	11 551
32	С.-Петербургская	Костромская	9 301	2 303	11 604	42,5	11 333
33	Кубанская обл.	Полтавская	8 383	2 478	10 861	20,6	10 845
34	Таврическая	Орловская	8 956	1 670	10 626	66,2	10 603
35	Варшавская	Радомская	6 475	5 086	11 561	43,7	10 558
36	Екатеринославская	Полтавская	7 950	3 224	11 174	33,6	10 443

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число помостных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
37	Варшавская	Плоцкая	8 158	6 158	14 316	40,7	10 149
38	Московская	Ярославская	7 480	3 426	10 906	42,7	10 104
39	Область Войска Донского	Тамбовская	9 068	1 189	10 257	48,1	10 080
40	Екатеринославская	Харьковская	9 052	1 954	11 006	47,5	10 001
		Четвертая группа					
41	Бессарабская	Подольская	7 704	3 028	10 732	33,4	9 918
42	Саратовская	Пензенская	8 751	2 207	10 958	50,3	9 546
43	Область Войска Донского	Курская	7 558	2 024	9 582	40,4	9 542
44	Херсонская	Полтавская	7 036	3 002	10 038	46,3	8 865
45	Самарская	Симбирская	7 837	1 981	9 818	33,5	8 676
46	Варшавская	Ломжинская	5 358	4 476	9 834	44,5	8 593
47	С.-Петербургская	Вологодская	5 989	2 542	8 531	52,3	8 437
48	С.-Петербургская	Калужская	6 643	1 874	8 517	49,3	8 430
49	Херсонская	Орловская	6 863	1 174	8 037	60,8	8 003
50	Курляндская	Ковенская	7 607	4 008	11 615	48,5	7 963
51	Лифляндская	Ковенская	5 365	2 305	7 670	49,0	7 505
52	Томская	Тобольская	5 578	2 004	7 582	21,8	7 408
53	С.-Петербургская	Олонецкая	4 647	3 250	7 897	51,8	7 220
54	С.-Петербургская	Тульская	5 314	1 889	7 203	58,1	7 104
55	Тифлисская	Кутаисская	7 417	278	7 695	45,6	7 086
56	Таврическая	Курская	5 999	1 053	7 052	52,4	7 035
57	С.-Петербургская	Лифляндская	4 508	2 679	7 187	23,2	6 855
58	Орловская	Калужская	7 103	499	7 602	59,7	6 810
59	С.-Петербургская	Виленская	5 563	1 326	6 889	52,8	6 770
60	Самарская	Казанская	6 058	949	7 007	48,3	6 670
61	Область Войска Донского	Рязанская	5 545	973	6 518	48,7	6 489
62	С.-Петербургская	Архангельская	3 897	2 359	6 256	50,3	6 180
63	Самарская	Пензенская	5 052	1 186	6 238	37,2	6 176
64	Оренбургская	Уфимская	5 902	845	6 747	33,1	6 158
65	Таврическая	Екатеринославская	7 362	1 430	8 792	48,8	6 149
66	С.-Петербургская	Ковенская	4 994	1 180	6 174	64,8	6 123
67	Владимирская	Костромская	4 624	2 873	7 497	53,6	6 078
68	Кубанская обл.	Черниговская	4 688	1 265	5 953	24,5	5 941
69	Екатеринославская	Черниговская	5 198	689	5 887	49,6	5 856
70	Варшавская	Калинская	6 751	3 744	10 495	39,8	5 803
71	Кубанская обл.	Орловская	4 443	1 351	5 794	35,8	5 793
72	Киевская	Орловская	4 236	1 548	5 784	52,0	5 709
73	Таврическая	Черниговская	4 729	793	5 522	56,1	5 503
74	Екатеринославская	Смоленская	5 190	218	5 408	81,7	5 392
75	Томская	Пермская	4 210	1 185	5 395	15,5	5 328
76	Екатеринославская	Могилевская	4 681	504	5 185	54,9	5 166
77	Московская	Тамбовская	3 687	1 804	5 491	58,9	5 127

№ п/п	Куда (губернил)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
78	Кубанская обл.	Екатеринославская	3 804	1 441	5 245	15,0	5 120
79	Бакинская	Елисаветпольская	5 304	51	5 355	51,4	5 082
80	Московская	Костромская	3 798	1 504	5 302	64,4	5 077
81	Саратовская	Тамбовская	4 681	888	5 569	39,1	5 070
		Средние направления					
82	Астраханская	Саратовская	3 840	2 565	6 405	31,6	4 992
83	Владимирская	Рязанская	4 154	2 137	6 291	61,6	4 969
84	Ярославская	Владимирская	3 792	1 998	5 790	67,5	4 960
85	Екатеринославская	Тульская	4 651	260	4 911	74,4	4 894
86	Астраханская	Пензенская	4 666	228	4 894	47,0	4 879
87	Петроковская	Радомская	3 437	2 236	5 673	32,9	4 730
88	Томская	Вятская	3 603	1 025	4 628	18,4	4 621
89	Херсонская	Волынская	3 198	1 481	4 679	32,8	4 594
90	Харьковская	Орловская	3 474	1 176	4 650	58,4	4 569
91	Херсонская	Черниговская	3 834	700	4 534	50,5	4 474
92	Пермская	Казанская	4 324	317	4 641	49,7	4 470
93	Херсонская	Курская	3 758	616	4 374	58,9	4 341
94	Ярославская	Тверская	3 464	1 467	4 931	44,0	4 304
95	Екатеринославская	Калужская	3 980	285	4 265	57,1	4 261
96	Ярославская	Вологодская	2 866	1 698	4 564	50,6	4 167
97	Астраханская	Нижегородская	4 043	131	4 174	53,0	4 139
98	Область Войска Донского	Тульская	3 395	666	4 061	54,1	4 040
99	Варшавская	Келецкая	2 276	1 902	4 178	33,7	4 023
100	Херсонская	Калужская	3 368	605	3 973	58,4	3 947
101	Московская	Орловская	3 128	1 019	4 147	57,7	3 929
102	Область Войска Донского	Полтавская	3 193	751	3 944	28,7	3 885
103	Кубанская обл.	Тамбовская	3 072	769	3 841	36,8	3 833
104	Оренбургская	Пермская	3 844	848	4 692	33,0	3 759
105	Томская	Семипалатинская обл.	4 163	231	4 394	39,3	3 748
106	Ярославская	Костромская	3 928	877	4 805	51,8	3 743
107	Оренбургская	Казанская	3 487	271	3 758	34,6	3 730
108	Ставропольская	Воронежская	2 920	769	3 689	16,2	3 674
109	Астраханская	Симбирская	2 755	846	3 601	46,6	3 591
110	С.-Петербургская	Московская	5 571	2 994	8 565	35,0	3 567
111	С.-Петербургская	Эстляндская	3 283	2 312	5 595	25,7	3 545
112	Самарская	Саратовская	4 599	1 510	6 109	21,6	3 521
113	Варшавская	Люблинская	2 725	1 746	4 471	32,8	3 512
114	Эстляндская	Лифляндская	3 670	1 484	5 154	39,7	3 437
115	Таврическая	Киевская	2 723	753	3 476	39,1	3 368
116	Киевская	Могилевская	2 185	1 211	3 396	38,3	3 315
117	Киевская	Курская	2 092	1 274	3 366	29,3	3 239
118	Пермская	Вологодская	2 693	517	3 210	60,4	3 195
119	Бакинская	Саратовская	2 268	928	3 196	48,7	3 180

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число помостных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
120	Оренбургская	Самарская	2 990	752	3 742	13,1	3 166
121	Екатеринославская	Киевская	2 670	731	3 401	31,9	3 128
122	Енисейская	Тобольская	2 531	589	3 120	34,1	3 084
123	Нижегородская	Владимирская	3 934	257	4 191	35,9	3 052
124	Виленская	Ковенская	2 517	2 493	5 010	22,8	3 019
125	Уральская обл.	Самарская	2 485	863	3 348	30,3	3 004
126	Витебская	Ковенская	1 688	1 545	3 233	24,3	2 979
127	Кубанская обл.	Область Войска Донского	2 209	1 123	3 332	14,0	2 961
128	Уральская обл.	Астраханская	2 643	287	2 930	35,5	2 885
129	Область Войска Донского	Черниговская	2 434	387	2 821	44,5	2 795
130	Нижегородская	Костромская	2 645	682	3 327	33,3	2 761
131	Область Войска Донского	Пензенская	2 363	392	2 755	46,5	2 749
132	Киевская	Полтавская	1 905	2 152	4 057	23,2	2 710
133	Бакинская	Дагестанская обл.	2 678	63	2 741	37,8	2 690
134	Тобольская	Пермская	2 615	884	3 499	30,4	2 681
135	Томская	Тамбовская	2 131	531	2 662	7,1	2 656
136	Уфимская	Вятская	3 230	1 195	4 425	12,4	2 645
137	Область Войска Донского	Саратовская	2 653	812	3 465	23,0	2 590
138	Астраханская	Тамбовская	2 245	350	2 595	42,5	2 584
139	Саратовская	Симбирская	2 496	735	3 231	36,8	2 576
140	Херсонская	Гродненская	2 129	439	2 568	44,0	2 536
141	Акмолинская обл.	Тобольская	1 955	1 385	3 340	21,2	2 511
142	Ковенская	Сувалкская	2 033	1 104	3 137	42,9	2 485
143	Оренбургская	Вятская	2 173	320	2 493	36,5	2 463
144	Тифлисская	Дагестанская обл.	2 254	229	2 483	35,9	2 444
145	Астраханская	Казанская	2 001	455	2 456	50,1	2 441
146	Томская	Курская	1 902	535	2 437	5,4	2 431
147	Самарская	Нижегородская	2 030	416	2 446	40,6	2 369
148	Ставропольская	Полтавская	1 946	433	2 379	10,6	2 366
149	Московская	Могилевская	944	1 517	2 461	50,3	2 353
150	С.-Петербургская	Нижегородская	2 111	360	2 471	37,1	2 329
151	Таврическая	Харьковская	1 680	802	2 482	32,9	2 310
152	Кубанская обл.	Рязанская	1 852	431	2 283	34,7	2 280
153	Витебская	Курляндская	2 303	1 147	3 450	27,9	2 268
154	Елисаветпольская	Дагестанская обл.	2 242	64	2 306	45,7	2 250
155	Лифляндская	Виленская	1 896	426	2 322	44,3	2 220
156	С.-Петербургская	Владимирская	1 819	546	2 365	42,1	2 211
157	Киевская	Калужская	1 687	553	2 240	40,7	2 209
158	С.-Петербургская	Тамбовская	1 785	493	2 278	31,6	2 170
159	Московская	Нижегородская	2 193	618	2 811	47,5	2 165
160	Иркутская	Тобольская	1 938	247	2 185	55,2	2 163
161	Якутская обл.	Тобольская	1 994	169	2 163	90,5	2 161
162	Херсонская	Минская	1 630	488	2 118	36,9	2 105
163	Область Войска Донского	Екатеринославская	2 971	1 145	4 116	19,9	2 047

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
		Мелкие направления					
164	Тифлисская	Эриванская	2 156	75	2 231	41,4	1 991
165	Московская	Симбирская	1 623	425	2 048	54,9	1 975
166	Волынская	Варшавская	1 332	1 244	2 576	11,6	1 974
167	Иркутская	Пермская	1 768	204	1 972	44,2	1 947
168	Пермская	Уфимская	2 461	505	2 966	40,7	1 920
169	Ставропольская	Курская	1 551	371	1 922	20,1	1 912
170	Амурская обл.	Тобольская	1 717	181	1 898	59,3	1 892
171	Екатеринославская	Минская	1 431	469	1 900	30,0	1 889
172	Кубанская обл.	Киевская	1 440	466	1 906	19,6	1 878
173	Московская	Воронежская	1 569	512	2 081	56,1	1 867
174	Херсонская	Могилевская	1 500	373	1 873	40,9	1 864
175	Область Войска Донского	Нижегородская	1 727	138	1 865	56,6	1 846
176	Терская обл.	Воронежская	1 495	365	1 860	28,5	1 838
177	Таврическая	Калужская	1 653	192	1 845	49,6	1 838
178	Область Войска Донского	Калужская	1 591	228	1 819	44,5	1 810
179	Ставропольская	Харьковская	1 412	390	1 802	14,6	1 787
180	Уфимская	Казанская	1 670	408	2 078	15,4	1 769
181	Смоленская	Калужская	1 968	556	2 524	36,2	1 768
182	Московская	Вятская	1 613	183	1 796	50,1	1 761
183	Херсонская	Тульская	1 428	338	1 766	56,8	1 755
184	Московская	Гродненская	1 564	231	1 795	49,0	1 753
185	Кубанская обл.	Саратовская	1 267	500	1 767	21,5	1 753
186	Ставропольская	Орловская	1 305	452	1 757	30,3	1 749
187	Терская обл.	Дагестанская обл.	1 966	55	2 021	41,6	1 744
188	Томская	Воронежская	1 399	305	1 704	5,6	1 702
189	Люблинская	Радомская	1 530	874	2 404	30,3	1 698
190	Орловская	Смоленская	2 153	230	2 383	60,7	1 697
191	Енисейская	Вятская	1 487	200	1 687	23,1	1 685
192	Томская	Пензенская	1 366	305	1 671	11,4	1 667
193	Подольская	Киевская	2 713	1 367	4 080	17,1	1 661
194	Екатеринославская	Рязанская	1 558	105	1 663	53,8	1 656
195	Таврическая	Тамбовская	1 460	197	1 657	47,6	1 647
196	Ставропольская	Тамбовская	1 414	236	1 650	38,1	1 647
197	С.-Петербургская	Курляндская	1 049	665	1 714	22,0	1 646
198	Новгородская	Тверская	2 088	582	2 670	33,6	1 615
199	Уральская обл.	Казанская	1 455	153	1 608	43,3	1 607
200	Херсонская	Бессарабская	2 695	1 368	4 063	24,0	1 603
201	Киевская	Минская	982	853	1 835	19,8	1 599
202	Московская	Пензенская	1 213	469	1 682	65,9	1 592
203	Приморская обл.	Тобольская	1 386	207	1 593	18,7	1 589
204	Амурская обл.	Забайкальская обл.	1 349	290	1 639	22,5	1 582
205	Саратовская	Нижегородская	1 389	281	1 670	48,1	1 580
206	Екатеринославская	Воронежская	1 449	151	1 600	48,6	1 575

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число коренных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
207	Тобольская	Вятская	1 223	345	1 568	18,3	1 553
208	Минская	Виленская	2 364	1 533	3 897	21,2	1 528
209	Таврическая	Тульская	1 285	239	1 524	63,0	1 517
210	С.-Петербургская	Казанская	1 437	154	1 591	52,5	1 515
211	Приморская обл.	Томская	1 377	195	1 572	19,5	1 505
212	Волынская	Калишская	982	539	1 521	11,1	1 504
213	Владимирская	Тамбовская	1 045	706	1 751	41,1	1 500
214	С.-Петербургская	Орловская	1 034	514	1 548	38,1	1 486
215	Гродненская	Ломжинская	1 212	974	2 186	33,9	1 483
216	Варшавская	Гродненская	1 123	751	1 874	16,4	1 470
217	Томская	Рязанская	1 179	293	1 472	7,6	1 468
218	Курская	Орловская	1 787	652	2 439	32,5	1 451
219	Область Войска Донского	Смоленская	1 298	125	1 433	69,9	1 413
220	Закаспийская обл.	Саратовская	1 163	247	1 410	42,6	1 409
221	Московская	Вологодская	729	718	1 447	35,1	1 406
222	Кубанская обл.	Тульская	1 113	287	1 400	35,0	1 398
223	Бакинская	Пензенская	1 201	192	1 393	60,4	1 392
224	Забайкальская обл.	Тобольская	1 307	85	1 392	51,2	1 386
225	Астраханская	Рязанская	1 244	174	1 418	52,2	1 385
226	Воронежская	Орловская	1 798	217	2 015	36,7	1 382
227	Бессарабская	Волынская	1 016	396	1 412	28,4	1 380
228	Подольская	Волынская	1 890	847	2 737	20,6	1 379
229	Волынская	Люблинская	1 245	600	1 845	19,4	1 363
230	Петроковская	Плоцкая	931	491	1 422	35,8	1 363
231	Саратовская	Рязанская	1 184	248	1 432	34,6	1 339
232	Варшавская	Сувалкская	865	542	1 407	29,2	1 334
233	Якутская обл.	Иркутская	1 180	318	1 498	49,4	1 324
234	Кубанская обл.	Таврическая	1 069	413	1 482	13,2	1 317
235	Московская	Минская	1 128	273	1 401	59,4	1 293
236	Томская	Орловская	1 010	288	1 298	11,4	1 293
237	Бакинская	Тамбовская	1 156	136	1 292	54,5	1 290
238	Енисейская	Тамбовская	1 073	210	1 283	19,4	1 281
239	Бакинская	Симбирская	1 023	257	1 280	55,1	1 279
240	С.-Петербургская	Минская	1 047	273	1 320	26,2	1 270
241	Самарская	Тамбовская	1 052	256	1 308	17,3	1 269
242	Московская	Курская	855	560	1 415	42,3	1 263
243	Оренбургская	Симбирская	1 037	235	1 272	16,1	1 249
244	Радомская	Келецкая	1 793	972	2 765	39,3	1 235
245	Уральская обл.	Нижегородская	932	292	1 224	41,6	1 220
246	Кубанская обл.	Самарская	896	331	1 227	24,6	1 210
247	Область Войска Донского	Астраханская	1 119	228	1 347	38,6	1 208
248	Московская	Черниговская	906	376	1 282	51,7	1 194
249	Херсонская	Рязанская	1 003	203	1 206	52,6	1 186
250	Терская обл.	Полтавская	990	197	1 187	23,0	1 182
251	Томская	Казанская	916	267	1 183	18,3	1 173
252	Лифляндская	Витебская	2 444	1 097	3 541	40,8	1 170
253	Иркутская	Вятская	1 081	82	1 163	48,2	1 160

№ п/п	Куда (губерния)	Откуда (губерния)	Абсолютное число неместных уроженцев среди рабочих			% рабочих среди всех переселившихся мужч.	Миграционный баланс рабочих
			мужчин	женщин	всего		
254	Псковская	Лифляндская	1 189	797	1 986	15,1	1 158
255	Томская	Полтавская	846	316	1 162	4,3	1 158
256	Енисейская	Пермская	976	189	1 165	18,5	1 147
257	Варшавская	Петроковская	7 268	4 104	11 372	43,4	1 144
258	Терская обл.	Саратовская	940	222	1 162	29,6	1 143
259	Тамбовская	Рязанская	2 347	685	3 032	31,3	1 142
260	Терская обл.	Тамбовская	949	197	1 146	39,2	1 141
261	Терская »	Ставропольская	1 133	325	1 458	25,7	1 140
262	Терская »	Харьковская	920	250	1 170	15,6	1 131
263	Кубанская обл.	Ставропольская	1 110	482	1 592	12,5	1 128
264	Московская	Казанская	862	338	1 200	39,5	1 124
265	Харьковская	Калужская	943	188	1 131	45,4	1 118
266	Ярославская	Архангельская	479	668	1 147	74,1	1 116
267	Киевская	Волынская	2 178	1 355	3 533	13,1	1 113
268	Полтавская	Черниговская	1 348	748	2 096	17,6	1 109
269	Область Войска Донского	Симбирская	951	162	1 113	45,5	1 109
270	Московская	Курляндская	664	466	1 130	44,2	1 097
271	Московская	Ковенская	879	236	1 115	52,4	1 096
272	Ярославская	Новгородская	1 155	546	1 701	42,0	1 095
273	С.-Петербургская	Пензенская	889	256	1 145	34,0	1 095
274	Таврическая	Херсонская	2 554	971	3 525	23,2	1 091
275	Бессарабская	Киевская	846	314	1 160	22,2	1 090
276	Терская обл.	Курская	970	123	1 093	35,6	1 086
277	Бакинская	Нижегородская	942	145	1 087	52,4	1 083
278	Воронежская	Тамбовская	2 815	100	2 915	38,6	1 071
279	Уральская обл.	Симбирская	862	212	1 074	39,0	1 065
280	Киевская	Смоленская	863	232	1 095	35,8	1 060
281	Амурская обл.	Томская	960	125	1 085	41,8	1 058
282	Херсонская	Виленская	855	219	1 074	28,9	1 056
283	Харьковская	Воронежская	1 111	498	1 609	24,3	1 054
284	Екатеринославская	Тамбовская	990	75	1 065	55,4	1 054
285	Кубанская обл.	Херсонская	829	262	1 091	13,3	1 044
286	Амурская обл.	Полтавская	710	331	1 041	12,8	1 041
287	Забайкальская обл.	Пермская	958	82	1 040	50,6	1 033
288	Владимирская	Тульская	741	589	1 330	55,7	1 033
289	Иркутская	Томская	946	187	1 133	16,8	1 009
290	Херсонская	Ковенская	807	201	1 008	31,7	1 005
291	Томская	Черниговская	882	121	1 003	5,7	1 002

Источник. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения. . ., таблица II. См. также приложение 1.

Приложение 9

Погубернские балансы миграций рабочих по данным переписи 1897 г.

№ п/п	Губерния	Число всех наемных рабочих (включая прислугу)	Число неместных уроженцев среди рабочих			Число неместных уроженцев среди рабочих без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число рабочих — уроженцев губернии, живших за ее пределами		Прилив (+) или отлив (—) рабочих
			всего	% к наемным рабочим	% к числу всех неместных уроженцев		всего	% к числу всех таких уроженцев губернии	
	Губернии с преобладающим приливом рабочих								
1	С.-Петербургская	516 674	388 673	75,2	41,0	375 121	17 127	14,1	+357 994
2	Московская	660 618	349 728	52,9	50,8	348 043	34 798	19,6	+313 245
3	Область Войска Донского	188 136	112 022	59,5	25,7	110 897	13 941	10,1	+ 96 956
4	Кубанская обл.	135 332	100 995	74,6	15,9	98 427	3 882	7,3	+ 94 545
5	Херсонская	237 106	107 727	45,4	26,6	103 993	17 065	11,4	+ 86 928
6	Екатеринославская	179 585	98 195	54,7	30,1	96 305	26 755	14,6	+ 69 550
7	Таврическая	137 004	83 079	60,6	32,4	77 282	11 036	9,0	+ 66 246
8	Петроковская	230 651	91 357	39,6	30,5	81 957	19 110	19,3	+ 62 847
9	Варшавская	313 682	98 073	31,3	24,1	89 799	33 982	15,9	+ 55 817
10	Томская	96 226	52 595	54,7	8,1	52 032	8 411	16,7	+ 43 621
11	Енисейская	59 724	34 276	57,4	22,3	33 776	3 409	20,2	+ 30 367
12	Оренбургская	89 610	32 702	36,5	12,5	32 232	8 921	10,6	+ 23 311
13	Бакинская	62 382	34 603	55,5	33,8	24 453	1 493	11,4	+ 22 960
14	Иркутская	47 785	27 443	57,4	32,6	25 883	3 618	18,2	+ 22 265
15	Астраханская	85 841	31 683	36,9	26,2	31 340	11 465	17,5	+ 19 875
16	Терская обл.	44 219	22 732	51,4	18,8	21 779	3 548	12,5	+ 18 231
17	Ставропольская	41 508	22 669	54,6	11,1	22 323	5 465	11,7	+ 16 858
18	Тифлисская	74 805	27 282	36,5	23,3	21 415	5 061	11,5	+ 16 354
19	Самарская	130 183	43 640	33,5	17,8	43 204	27 371	11,6	+ 15 833
20	Лифляндская	297 431	42 521	14,3	28,4	41 045	25 256	17,2	+ 15 789
21	Пермская	245 838	40 045	16,3	27,1	39 876	25 969	13,7	+ 13 907
22	Бессарабская	95 946	26 430	27,5	19,8	20 794	7 820	9,6	+ 12 974

№ п/п	Губерния	Число всех наемных рабочих (включая прислугу)	Число неместных уроженцев среди рабочих			Число неместных уроженцев среди рабочих без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число рабочих — уроженцев губернии, живших за ее пределами		Прилив (+) или отлив (—) рабочих
			всего	% к наемным рабочим	% к числу всех неместных уроженцев		всего	% к числу всех таких уроженцев губернии	
23	Уральская обл.	29 048	13 757	47,4	22,3	13 570	860	8,3	+ 12 710
24	Забайкальская обл.	36 696	15 919	43,4	35,4	13 443	2 771	12,7	+ 10 672
25	Якутская »	28 079	11 381	40,5	53,1	10 903	338	10,4	+ 10 565
26	Амурская »	17 155	14 332	83,5	22,4	10 742	338	7,9	+ 10 404
27	Черноморская	12 435	12 068	97,0	28,3	10 434	288	8,0	+ 10 146
28	Приморская обл.	37 768	35 860	94,9	26,2	10 387	694	10,4	+ 9 693
29	Закаспийская обл.	22 034	14 876	67,5	26,3	8 140	136	5,1	+ 8 004
30	Акмолинская »	22 269	10 099	45,4	7,0	9 919	2 179	8,3	+ 7 740
31	Киевская	226 539	52 979	23,4	22,3	51 318	47 806	17,4	+ 3 512
32	Тургайская обл.	9 397	3 241	34,5	10,3	3 182	618	11,2	+ 2 564
33	Остров Сахалин	2 822	2 763	97,9	13,2	2 368	—	—	+ 2 368
34	Семиреченская обл.	21 226	5 767	27,2	6,1	2 730	487	9,1	+ 2 243
35	Самаркандская »	39 209	3 299	8,4	17,5	2 209	327	8,6	+ 1 882
36	Сырдарьинская »	42 395	3 227	7,6	6,8	2 539	982	11,4	+ 1 557
37	Карсская обл.	8 770	5 862	66,8	6,7	1 733	476	9,8	+ 1 257
38	Ферганская обл.	52 688	989	1,9	7,9	803	475	5,8	+ 332
	Губернии с преобладающим отливом рабочих								
39	Тобольская	76 922	26 408	34,3	11,2	26 129	26 497	19,8	— 368
40	Эстляндская	74 969	8 841	11,8	23,8	8 512	9 326	19,2	— 814
41	Семипалатинская обл.	25 801	2 758	10,7	8,9	2 679	5 333	19,3	— 2 654
42	Волынская	133 943	22 990	17,2	9,7	17 382	20 042	14,1	— 2 660
43	Саратовская	142 151	33 901	23,8	23,7	33 552	36 709	16,7	— 3 157
44	Кутаисская	43 794	14 001	32,0	26,1	6 167	10 082	28,9	— 3 915

№ п/п	Губерния	Число всех наемных рабочих (включая прислугу)	Число неместных уроженцев среди рабочих			Число неместных уроженцев среди рабочих без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число рабочих — уроженцев губернии, живших за ее пределами		Прилив (+) или отлив (—) рабочих
			всего	% к наемным рабочим	% к числу всех неместных уроженцев		всего	% к числу всех таких уроженцев губернии	
45	Елисаветпольская	39 406	7 818	19,8	22,9	4 883	9 070	26,5	— 4 187
46	Уфимская	70 104	13 777	19,7	7,7	13 542	18 016	16,7	— 4 474
47	Люблинская	103 734	12 785	12,3	11,8	8 451	13 180	17,7	— 4 729
48	Эриванская	21 137	5 147	24,4	13,6	964	5 883	18,1	— 4 919
49	Олонецкая	18 339	4 431	24,2	27,5	3 640	9 646	33,7	— 6 006
50	Сувалкская	76 667	3 944	5,1	9,9	3 355	10 655	21,8	— 7 300
51	Минская	115 017	14 982	13,0	14,1	14 179	22 462	16,4	— 8 283
52	Дагестанская обл.	14 523	3 170	21,8	15,8	2 533	10 943	26,0	— 8 410
53	Архангельская	20 657	2 115	10,2	16,4	1 999	10 616	33,1	— 8 617
54	Гродненская	102 951	12 466	12,1	11,0	11 524	21 529	17,8	—10 005
55	Ломжинская	49 748	5 479	11,0	8,5	4 977	16 680	26,8	—11 703
56	Плоцкая	77 600	9 775	12,6	15,2	6 308	19 609	24,3	—13 301
57	Виленская	117 290	13 117	11,2	13,6	12 615	27 919	19,9	—15 304
58	Седлецкая	61 494	7 316	11,9	11,9	6 542	23 027	25,7	—16 485
59	Курляндская	149 460	18 033	12,1	27,4	17 241	34 385	24,2	—17 144
60	Радомская	78 662	7 543	9,6	14,5	6 608	24 437	24,5	— 17 829
61	Нижегородская	106 733	15 851	14,9	20,0	15 078	34 106	25,6	— 19 028
62	Могилевская	68 140	8 814	12,9	12,3	8 531	28 517	20,0	— 19 986
63	Витебская	89 242	15 885	17,8	13,9	15 506	36 338	25,1	— 20 832
64	Вологодская	37 037	3 159	8,5	9,7	2 986	24 479	29,6	— 21 493
65	Харьковская	137 805	34 815	25,3	21,4	34 345	55 871	18,1	— 21 526
66	Подольская	138 944	14 197	10,2	11,2	11 950	35 531	17,8	— 23 581
67	Келецкая	70 508	4 215	6,0	12,0	3 174	29 642	32,3	— 26 468
68	Казанская	60 195	8 237	13,7	12,8	8 072	38 825	21,2	— 30 753
69	Владимирская	199 426	30 511	15,3	34,5	30 313	61 259	31,9	— 30 946

№ п/п	Губерния	Число всех наемных рабочих (включая прислугу)	Число неместных уроженцев среди рабочих			Число неместных уроженцев среди рабочих без уроженцев иностранных государств, Великого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения	Число рабочих — уроженцев губернии, живших за ее пределами		Прилив (+) или отлив (—) рабочих
			всего	% к наемным рабочим	% к числу всех неместных уроженцев		всего	% к числу всех таких уроженцев губернии	
70	Симбирская	66 287	5 884	8,9	14,4	5 741	36 712	21,4	— 30 971
71	Псковская	38 099	5 146	13,5	9,6	4 983	36 389	38,7	— 31 406
72	Костромская	111 891	6 780	6,1	17,2	6 527	39 093	30,0	— 32 566
73	Ковенская	196 790	11 181	5,7	12,1	10 289	43 805	26,9	— 33 516
74	Пензенская	58 554	5 310	9,1	15,6	5 213	46 111	21,0	— 40 898
75	Ярославская	107 981	27 578	25,5	32,1	27 418	68 757	37,9	— 41 339
76	Новгородская	69 494	11 355	16,3	13,9	10 665	54 178	42,0	— 43 513
77	Вятская	109 962	8 463	7,7	17,2	8 379	53 091	18,2	— 44 712
78	Черниговская	128 364	10 194	7,9	15,4	9 748	56 925	19,0	— 47 177
79	Калишская	116 410	11 154	9,6	19,0	7 260	55 373	30,5	— 48 113
80	Тамбовская	111 684	11 408	10,2	16,0	11 118	61 525	18,7	— 50 407
81	Воронежская	89 872	11 195	12,5	14,1	10 685	62 819	14,9	— 52 134
82	Полтавская	159 508	12 456	7,8	13,0	12 201	76 148	17,2	— 63 947
83	Смоленская	78 305	9 995	12,8	14,2	9 856	75 655	42,0	— 65 799
84	Орловская	115 669	18 530	16,0	20,8	18 373	87 642	29,3	— 69 269
85	Курская	103 568	8 348	8,1	14,1	8 167	84 064	20,6	— 75 897
86	Калужская	69 454	6 321	9,1	13,3	6 197	94 565	39,8	— 88 368
87	Тульская	85 403	8 341	9,8	15,0	8 188	101 587	38,9	— 93 399
88	Рязанская	115 879	8 357	7,2	15,7	8 252	124 167	36,0	—115 915
89	Тверская	120 231	7 279	6,1	15,3	7 119	123 075	42,6	—115 956

Источник. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения. . ., таблица II. См. также приложение 2.

Приложение 10

Погуберское распределение числа неместных уроженцев среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле (по данным переписи 1897 г.)

№ п/п	Губернии	Число рабочих данной категории	Число неместных уроженцев среди них	
			всего	% ко всем рабочим данной категории
	Губернии с преобладающим приливом рабочих			
1	С.-Петербургская	282 926	212 938	75,3
2	Московская	463 660	225 226	48,6
3	Область Войска Донского	71 089	50 163	70,6
4	Кубанская обл.	21 423	16 898	78,9
5	Херсонская	82 024	43 252	52,7
6	Екатеринославская	84 408	61 289	72,6
7	Таврическая	35 369	26 735	75,6
8	Петроковская	128 134	57 061	44,5
9	Варшавская	99 360	34 498	34,7
10	Томская	21 524	12 799	59,5
11	Енисейская	19 552	14 215	72,7
12	Оренбургская	30 155	12 940	42,9
13	Бакинская	25 274	16 452	65,1
14	Иркутская	13 299	9 839	74,0
15	Астраханская	17 034	12 566	73,8
16	Терская обл.	11 783	7 643	64,9
17	Ставропольская	5 479	3 374	61,6
18	Тифлисская	23 702	11 106	46,9
19	Самарская	26 742	12 149	45,4
20	Лифляндская	65 699	21 247	32,3
21	Пермская	136 066	22 403	16,5
22	Бессарабская	21 552	7 670	35,6
23	Уральская обл.	2 708	1 968	72,7
24	Забайкальская обл.	15 528	10 261	66,1
25	Якутская обл.	8 395	7 904	94,2
26	Амурская »	7 342	6 950	94,7
27	Черноморская	4 969	4 863	97,9
28	Приморская обл.	13 023	12 705	97,6
29	Закаспийская »	7 848	7 100	90,5
30	Акмолинская »	3 001	2 042	68,2
31	Киевская	61 424	22 130	36,0
32	Туркайская обл.	300	312	80,0
33	Остров Сахалин	426	426	100,0
34	Семиреченская обл.	[illegible]	1 133	60,0
35	Самаркандская »	[illegible]	[illegible]	[illegible]
36	Сырдарьинская »	[illegible]	[illegible]	[illegible]
37	Карсская обл.	[illegible]	[illegible]	[illegible]
38	Ферганская обл.	[illegible]	[illegible]	[illegible]
	Губернии с преобладающим [illegible]			
39	Тобольская	[illegible]	[illegible]	[illegible]
40	Эстляндская	[illegible]	[illegible]	[illegible]
41	Семипалатинская обл.	[illegible]	[illegible]	[illegible]
42	Волынская	[illegible]	[illegible]	[illegible]
43	Саратовская	[illegible]	[illegible]	[illegible]

№ п/п.	Губерния	Число рабочих данной категории	Число неместных уроженцев среди них	
			всего	% ко всем рабочим данной категории
44	Кутаисская	13 435	4 713	35,1
45	Елисаветпольская	9 288	2 391	25,7
46	Уфимская	19 295	4 657	24,1
47	Люблинская	13 846	2 740	19,8
48	Эриванская	4 375	1 630	37,3
49	Олонецкая	5 966	1 161	19,5
50	Сувалкская	5 888	1 563	26,5
51	Минская	29 076	5 571	19,2
52	Дагестанская обл.	2 144	1 063	49,6
53	Архангельская	7 697	1 128	14,7
54	Гродненская	35 267	5 354	15,2
55	Ломжинская	5 988	1 181	19,7
56	Плоцкая	6 349	1 335	21,0
57	Виленская	22 980	4 867	21,2
58	Седлецкая	8 831	1 786	20,2
59	Курляндская	20 246	5 412	26,7
60	Радомская	15 643	2 286	14,6
61	Нижегородская	52 716	8 962	17,0
62	Могилевская	18 714	3 673	19,6
63	Витебская	22 439	5 186	23,1
64	Вологодская	11 142	1 472	13,2
65	Харьковская	45 825	16 100	35,1
66	Подольская	25 863	4 609	17,8
67	Келецкая	8 791	1 095	12,5
68	Казанская	20 452	4 251	20,8
69	Владимирская	146 061	24 895	17,0
70	Симбирская	23 275	2 781	11,9
71	Псковская	7 111	1 487	20,9
72	Костромская	68 042	4 101	6,0
73	Ковенская	16 638	2 489	15,0
74	Пензенская	19 242	2 923	15,2
75	Ярославская	56 930	17 071	30,0
76	Новгородская	24 547	5 979	24,4
77	Вятская	52 214	4 889	9,4
78	Черниговская	36 982	5 051	13,7
79	Калишская	18 220	2 499	13,7
80	Тамбовская	39 967	5 423	13,6
81	Воронежская	27 717	5 248	18,9
82	Полтавская	23 410	4 989	21,3
83	Смоленская	23 570	4 915	20,9
84	Орловская	48 510	11 331	23,4
85	Курская	31 896	3 377	10,6
86	Калужская	35 609	3 136	8,8
87	Тульская	34 058	4 116	12,1
88	Рязанская	62 332	5 095	8,2
89	Тверская	54 404	4 212	7,7

Примечание. Порядок следования губерний такой же, как и в приложении 9.

Источник: Численность и состав рабочих в России. . ., т. 1, с. XV и табл. 1.

Приложение 11

Порайонное распределение числа неместных уроженцев среди всех наемных рабочих и среди рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле (по данным переписи 1897 г.)

№ п/п	Группы губерний	Все наемные рабочие (включая прислугу)				Рабочие, занятые в промышленности, на транспорте и в торговле			
		Общее число рабочих	% к наличному населению	Число неместных уроженцев среди рабочих	% к общему числу наемных рабочих	Общее число рабочих	% к общему числу наемных рабочих	Число неместных уроженцев среди рабочих	% к общему числу рабочих, занятых в пром-сти, на транс. и в торговле
1	Столичные	1 177 292	25,9	738 401	62,7	746 586	63,4	438 164	58.7
2	Промышленные и неземледельческие	901 614	7,2	120 816	13,4	468 990	52,0	74 758	15.9
3	Прибалтийские	521 860	21,9	69 395	13,3	104 592	20,0	31 138	29.8
4	Западные	689 430	6,9	76 445	11,1	145 114	21,0	27 140	18.7
5	Уральские	355 800	5,9	48 508	13,6	188 280	52,9	27 292	14,5
6	Крайнего Севера	76 033	3,7	9 705	12,8	24 805	32,6	3 761	15.2
7	Юго-Западные	499 426	5,2	90 166	18,1	117 395	23,5	31 367	26,7
8	Центрально-земледельческие	622 075	4,8	66 179	10,6	244 480	39,3	34 590	14,1
9	Малороссийские	425 677	5,6	57 465	13,5	106 217	25,0	26 140	24,6
10	Средневолжские	327 187	4,3	53 332	16,3	104 051	31,8	22 598	21,7
11	Новороссийские	837 777	7,8	427 453	51,0	294 442	35,1	189 109	64,2
12	Нижневолжские и восточные	375 738	5,0	121 802	32,4	93 226	24,8	42 312	45,4
13	Царства Польского	1 179 156	12,5	251 641	21,3	311 050	26,4	106 044	34,1

№ п/п	Группы губерний	Все наемные рабочие (включая прислугу)				Рабочие, занятые в промышленности, на транспорте и в торговле			
		Общее число рабочих	% к наличному населению	Число неместных уроженцев среди рабочих	% к общему числу наемных рабочих	Общее число рабочих	% к общему числу наемных рабочих	Число неместных уроженцев среди рабочих	% к общему числу рабочих, занятых в пром-сти, на транс. и в торговле
14	Северного Кавказа	233 494	6,2	158 464	67,9	43 654	18,7	32 778	75,1
15	Закавказья и Дагестана	264 817	4,8	97 883	37,0	79 276	29,9	38 214	48,2
16	Западной Сибири	250 027	6,4	113 279	45,3	52 975	21,2	32 506	61,4
17	Восточной Сибири и Дальнего Востока	153 150	8,4	107 698	70,3	58 012	37,9	48 084	82,9
18	Степные области Средней Азии	86 515	3,5	29 855	34,5	11 689	13,5	5 763	49,3
19	Туркестана	177 552	3,4	28 158	15,9	26 731	15,1	12 411	46,4
	Итого	9 154 620	7,3	2 666 645	29,1	3 221 565	35,2	1 224 169	38,0
20	1-я и 2-я группы губерний	2 078 906	12,2	859 217	41,3	1 215 576	58,5	512 922	42,2
21	8-я, 9-я и 10-я группы губерний	1 374 939	4,9	176 976	12,9	454 748	33,1	83 328	18,3
22	11-я и 12-я » »	1 213 515	6,6	549 255	45,3	387 668	31,9	231 421	59,7
23	14-я и 15-я » »	498 311	5,4	256 347	51,4	122 930	24,7	70 992	57,7
24	16-я и 17-я » »	403 177	7,0	220 977	54,8	110 987	27,5	80 590	72,6
25	18-я и 19-я » »	264 067	3,4	58 013	22,0	38 420	14,5	18 174	47,3

Источники. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий. . ., таблица II; Численность и состав рабочих в России. . ., т. 1, с. XV и таблица 1.

Приложение 12

Порайонное распределение количества паспортов, выбранных сельским населением Европейской России в 1861—1900 гг. (в среднем за год по десятилетиям)

№ п/п	Группы губерний	Количество паспортов (сроком не более года), выбранных в среднем за год (в тыс.)				Сельское население (в среднем, тыс. чел.)				На 100 сельских жителей было выбрано паспортов (в среднем за год)			
		1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900
1	Столичные	148,4	283,9	341,4	526,1	1 554	1 582	1 640	1 777	95	179	208	296
2	Промышленные и неземледельческие	498,9	1230,3	1401,7	1795,6	8 803	9 703	10 902	12 349	57	127	129	145
3	Прибалтийские	19,7	30,7	40,5	125,4	1 613	1 806	1 994	2 159	12	17	20	58
4	Западные	70,9	171,3	309,6	473,8	4 428	5 365	6 486	7 889	16	32	48	60
5	Уральские	45,6	224,4	295,1	412,2	4 394	4 969	5 654	6 337	10	45	52	65
6	Крайнего Севера	39,1	124,7	136,6	198,2	1 431	1 597	1 806	2 052	27	78	76	97
7	Юго-Западные	24,5	109,0	278,6	430,6	4 534	5 278	6 364	7 706	5	21	44	56
8	Центрально-земледельческие	247,1	724,4	961,4	1405,6	9 349	10 860	12 486	14 090	26	67	77	100
9	Малороссийские	62,6	212,7	364,6	519,0	4 704	5 380	6 253	7 369	13	40	58	70
10	Средневолжские	69,0	329,2	440,8	551,1	5 281	6 012	6 934	7 793	13	55	64	71
11	Новороссийские	35,7	121,0	203,8	294,8	4 093	5 065	6 295	7 860	9	24	32	38
12	Нижневолжские и восточные	24,2	122,9	163,7	219,6	3 662	4 316	5 189	6 056	7	28	32	36
	Итого	1285,6	3684,5	4937,8	6952,0	53 846	61 933	72 003	83 437	24	59	69	83
13	1-я и 2-я группы (без Псковской губ.) с Рязанской и Тульской губ.	754,1	1800,8	2113,6	2842,9	12 147	13 348	14 891	16 704	62	135	142	170
14	8-я, 9-я и 10-я группы (без Рязанской и Тульской губ.)	258,4	953,9	1364,2	1890,5	16 861	19 411	22 435	25 633	15	49	61	74

Источник. «Материалы» комиссии, 16 ноября 1901 г., ч. 1, таблицы I и XX.

Приложение 13

Порайонное распределение количества годовых паспортов, выбранных сельским населением Европейской России в 1861—1890 гг. (в среднем за год по десятилетиям)

№ п/п	Группы губерний	Количество годовых паспортов, выбранных в среднем за год (в тыс.)			На 1000 сельских жителей было выбрано годовых паспортов (в среднем за год)			% годовых паспортов ко всем паспортам, выбранным в среднем за год			Количество паспортов, выбранных в среднем за год, в % к предыдущему десятилетию				
											а) всех паспортов			б) годовых	
		1861—1870	1871—1880	1881—1890	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1871—1880	1881—1890
1	Столичные	73,4	117,6	148,0	47	74	90	49,5	41,4	43,4	191,3	120,3	154,1	160,2	125,9
2	Промышленные и неземледельческие	192,3	316,5	371,2	22	33	34	38,6	25,7	26,5	246,7	113,9	128,1	164,6	117,3
3	Прибалтийские	15,9	24,0	28,3	10	13	14	80,7	78,2	69,9	155,8	131,9	309,6	150,9	117,9
4	Западные	38,1	81,6	117,2	9	15	18	53,7	47,6	37,9	241,6	180,7	153,0	214,2	143,6
5	Уральские	13,6	21,3	24,9	3	4	4	29,8	9,5	8,4	492,1	131,5	139,6	156,6	116,9
6	Крайнего Севера	16,0	28,5	28,6	11	18	16	40,9	22,9	20,9	318,9	109,5	145,1	178,1	100,4
7	Юго-Западные	16,9	52,5	71,2	4	10	11	69,0	48,2	25,6	444,9	255,6	154,6	310,7	135,6
8	Центрально-земледельческие	95,4	164,5	215,2	10	15	17	38,6	22,7	22,4	293,2	132,7	146,2	172,4	130,8
9	Малороссийские	21,0	36,4	55,3	4	7	9	33,5	17,1	15,2	339,8	171,4	142,3	173,3	151,9
10	Средневолжские	25,6	41,6	52,5	5	7	8	37,1	12,6	11,9	477,1	133,9	125,0	162,5	126,2
11	Новороссийские	18,6	45,1	60,3	5	9	10	52,1	37,3	29,6	338,9	168,4	144,7	242,5	133,7
12	Нижневолжские и восточные	5,5	11,8	16,2	2	3	3	22,7	9,6	9,9	507,9	133,2	134,1	214,5	137,3
	Итого	532,3	941,4	1 188,9	10	15	17	41,4	25,6	24,1	286,6	134,0	140,8	176,9	126,3
13	1-я и 2-я группы (без Псковской губ.) с Рязанской и Тульской губ.	308,1	510,7	617,5	25	38	41	40,9	28,4	29,2	238,8	117,4	134,5	165,8	120,9
14	8-я, 9-я и 10-я группы (без Рязанской и Тульской губ.)	91,7	153,0	208,3	5	8	9	35,5	16,0	15,3	369,2	143,0	138,6	166,8	136,1

Источник. «Материалы» комиссии, 16 ноября 1901 г., ч. 1, таблицы I и XX.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. В. И. Ленин о миграционных процессах в переформенной России 6

2. Использование данных переписи 1897 в. и паспортной статистики в дореволюционной и советской историографии для изучения миграций населения 14

Глава первая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 г. 21

1. Основные направления миграций населения. Источниковедческий анализ и методика разработки данных переписи 22

2. Важнейшие районы заселения и выхода переселенцев. Итоги миграций жителей страны по районам 35

3. Полные данные о переселениях в города и заключительная оценка материалов переписи 50

Глава вторая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ МИГРАЦИЙ РАБОЧИХ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 г. 72

1. Важнейшие итоги передвижений рабочих (данные по всей стране). Методика определения основных направлений 75

2. Порайонные сопоставления миграций населения вообще и рабочих 86

Глава третья

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОТХОД НА ЗАРАБОТКИ ПО ДАННЫМ ПАСПОРТНОЙ СТАТИСТИКИ 104

1. Значение крестьянского отхода и его перерастание в фактическое переселение 105

2. Перерастание крестьянского отхода в фактическое переселение по материалам Московской губернии 117

3. Размещение и динамика крестьянского отхода в Европейской России 134

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 148

ПРИЛОЖЕНИЯ 165

Борис Васильевич Тихонов

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. В. Рубцова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*
Корректоры *Н. И. Кодыкова, Л. В. Письман*

Сдано в набор 29/VI 1977 г. Подписано к печати 25/XI 1977 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 13.5.
Уч.-изд. л. 15,7. Тираж 1500. Тип. зак. 527. Т-16866.
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., дом 94а

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12